

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1977

3

Председатель Вяземского городского народного суда, член городского комитета КПСС, депутат горсовета Татьяна Дмитриевна Кузенкова.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

3 (75) МАРТ 1977

Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), А. М. РЕКУНКОВ,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ, В. И. ТОНКИХ, А. М. ЯКОВЛЕВ.

К. Александров. Встречи на улице Ватутина 4

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

С. Квелидзе. Закон на страже безопасных условий труда 10
В. Стрелков. Суд постановил: направить на лечение 17

Критика и библиография

М. Аваков. Насилие как норма общественной жизни 26

СОБЕСЕДНИК:

Беречь семью

Счастье семьи: от чего оно зависит? 29

Н. Санина. «Приедет ли папа?» 36

Растить гражданина

З. Рыжикова. Как в душу заглянуть? 40

Отклики на статью «Не забавы ради...» 43

По следам неопубликованных писем 46

Плечо друга

Е. Кригер. Наши соседи 49

М. Бураковская. Говорит народный заседатель 50

Книг много и книг... мало. Интервью по просьбе читателей 54

В. Франюк. За дверями загса. Очерк. 65

П. Скоморохов. Два подхода к одной проблеме 73

А. Александров. «Прошу восстановить на работе...» Судебный очерк 84

Комментарий юриста 93

П. Хаанпя. Извещение в газете. Рассказ 96

По протесту прокурора 108

Судебная хроника 109

Арк. Котов. Примирение. Судебный очерк 110

Законы и нравы «свободного мира»

Ф. Давыдов. Курьезы американского законотворчества 116

В. Шахин. На подозрении — каждый пассажир 117

Главный художник **В. Т. СЕЛИВАНОВ.**
 Технический редактор **Л. Л. ЕЖОВА.**
 Корректоры **А. В. ЕЛИЗАРОВА, Б. С. ТУМЯН.**

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
 Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Наши консультации

Л. Вульф. Обращение за государственной пенсией	118
В. Сизякин. Перевод на другую работу и увольнение шоферов	121
Читатель на приеме у юриста	
Алименты нетрудоспособному супругу	123
Может ли следователь наложить арест на имущество обвиняемого до рассмотрения дела судом	124
Можно ли налагать административный штраф на несовершеннолетних	124
О признании одного из супругов безвестно отсутствующим и вступлении в новый брак	125

Они сами о себе

Джулс Кролл. Взятничество в мире американского бизнеса	126
---	-----

Л. Пэк, С. Яни. Покушения на шедевры	131
---	-----

ИМЕНЕМ САТИРЫ:

Валентин Лагода. Ловкий ход	140
Юморисконсульт	
Переكاتи-поле по своей воле	142
Юморисконсульту отвечают	
«Печальный юбилей»	143

Зарубежная мозаика	144
---------------------------	-----

8 Марта — Международный женский день

Ряд материалов и цветные иллюстрации этого номера журнала посвящены женщинам — работникам различных правоохранительных органов нашего государства.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: старший следователь прокуратуры Калининского района Москвы Галина Михайловна Небратенко.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: инспектор дорожного надзора ГАИ Ленинграда младший сержант милиции Татьяна Евгеньевна Макарова.

Сдано в набор 29/XII-76 г. Подписано в печать 10/II-77 г. А11032. Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,43. Заказ 1046. Тираж 3 300 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.).
Цена 40 коп.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ВСТРЕЧИ НА УЛИЦЕ ВАТУТИНА

В тот день Елена Григорьевна Макиенко вела прием не в своем кабинете: в здании нарсуда шел ремонт. Но, как и в том помещении, обстановка была спартанской — стол, сейф, небольшой шкаф и несколько стульев. Деловитость мебелировки как бы подчеркивала назначение комнаты: служить кабинетом в таком строгом учреждении, как суд. Однако в сухость эту как-то не вписывался скромный букет цветов на столе среди канцелярских бумаг.

Женщина всегда остается женщиной. Если даже она и... народный судья.

Елена Григорьевна подлила цветам свежей воды, взглянула на часы: пора было начинать прием.

— Хочу вас предупредить,— сказала она за минуту до того, как открылась дверь и в комнату вошел первый посетитель,— большинство дел у нас связано с разводами и разделом имущества, так что не ждите головоломных историй с детективными сюжетами. Замечу только, что очень часто вроде бы простые семейные неурядицы выливаются в человеческие драмы, а разбитые судьбы взрослых и детей доставляют нам гораздо больше неприятных минут, чем какие-либо другие дела.

Народный судья Киевского районного народного суда Полтавы Елена Григорьевна Макиенко.

Впрочем, первый посетитель, вернее, посетительница — молодая женщина с ребенком, пришла совсем по другому делу. Работница одного предприятия, она пыталась вынести за проходную семьсот граммов балыка — и попалась на этом.

Теперь она сидит в кабинете судьи с покрасневшими от слез глазами, выслушивает горькие, но справедливые слова, с которыми обращается к ней Е. Г. Макиенко, и время от времени теребит сына, чтобы тот не шумел. Рыбный деликатес обходится работнице дороговато — тридцать рублей штрафа. Народный судья предупреждает: если такое случится еще раз, не миновать возбуждения уголовного дела.

После ухода женщины спрашиваю Елену Григорьевну:

— Неужели надо было приходиться к судье с ребенком, да еще по такому некрасивому делу?

— Думаю, что это способ оказать «давление» на меня, разжалобить, заставить смягчить наказание, — говорит Е. Г. Макиенко. — Мы не хотели бы допускать детей на прием, но часто посетители ссылаются на то, что не с кем оставить сына или дочь. Правда это, нет ли — разобрать трудно.

...Молодая пара. Развод. Она настаивает, он просит не рассматривать дела. Есть ребенок, в браке состоят около пяти лет.

— У вас есть доказательства, что ссоры в семье возникают по вине мужа?

— Он сам может подтвердить.

— Да, я иногда приходил выпивший, ругался. Но это же раньше. Я прошу отложить суд, мы еще поговорим, может, все изменится.

— Я не могу решать единолично. Только суд в полном составе волен отложить слушание дела. Мне же лично кажется, что особенно торопиться с разводом не следует. Я понимаю, молодости свойственны горячность, чувствительность, ей не всегда удастся сглаживать острые углы жизни. Но ведь иной раз надо и суметь. Не научитесь теперь — потом будет еще труднее. Семья — организм сложный; разрушив ее, вы что-то порвете и у себя в душе. Я уж не говорю о ребенке, ему ведь будет больнее, чем вам. Прошу вас, подойдите к вашим отношениям более объективно, более душевно, что ли. Это трудно, но ведь надо же строить семью, воспитывать ребенка. Никто не заменит ему ни мать, ни отца. А что у вас ссоры в семье — верю; плохо, что вы, молодой человек, неуважительно относились к матери своего сына. Раньше? Что ж, будем надеяться, что все это было только раньше. А сейчас идите, у вас есть время до суда, постарайтесь подумать хорошенько, спокойно, вместе...

— Иногда на такой беседе, — говорит мне потом Елена Григорьевна

евна,— вижу, что супруги колеблются. Начинаю их потихоньку убеждать помириться, подождать с окончательным решением. Я уже давно заметила, что многие только здесь, в этом здании, начинают понимать всю важность момента: вот сейчас, сию минуту решается один из главных вопросов жизни — быть или не быть семье. Многие колеблются, и суд тут же «цепляется» за это, поддерживает их нерешительность: вдруг удастся сохранить семью. Естественно, настоящую семью, а не «липовую».

Конечно, нужно особое чутье, чтобы обнаружить в некоторых ситуациях это едва заметное колебание, чутье, которое приходит с годами, с опытом. Елена Григорьевна работает народным судьей уже двенадцать лет, с тех пор как в 1965 году закончила заочно Харьковский юридический институт. А всего в суде она провела двадцать семь лет. Закончив десятилетку, поступила секретарем судебного заседания в Полтавский областной суд. Это были трудные годы после войны, еще сильно сказывались, в особенности на подростках, разруха, безотцовщина. Были длительные командировки, дела разбирались при свете коптилки, ночевали тут же, в здании суда, на жестких лавках.

— Я была самой молодой в коллективе, и невзгоды тогдашней жизни сказывались на мне меньше, чем на других. Члены суда настаивали, чтобы я пошла учиться, поступила в юридический. Наконец решилась, подала документы и прошла по конкурсу. Честно говоря, если бы случилась осечка, второй раз, думаю, не рискнула бы.

Так определилась ее жизненная дорога. Окончив институт, Елена Григорьевна стала народным судьей в Полтаве, здесь же вышла замуж, родила дочь, а сейчас уже по вечерам нянчит внука. Семейный опыт ее, переплетаясь со служебной практикой, создает некий фонд правовых и жизненных знаний, столь необходимый на такой гуманной и в то же время строго объективной работе судьи.

...Прием прерывается. В кабинет входит милиционер и сообщает Е. Г. Макиенко о том, что прибыл человек, задержанный за мелкое хулиганство. Елена Григорьевна выходит в зал судебных заседаний, чтобы решить судьбу доставленного.

Перед ней рослый молодой мужчина; стыдливо опущенные глаза его рассматривают носки собственных ботинок. Милиционер докладывает: задержан за скандал на улице, был пьян, ругался, нарушал общественный порядок.

Елена Григорьевна детально выясняет подробности, говорит о дурном примере, который он как отец показывает сыну, преду-

На приеме.

преждает о последствиях подобного поведения. Последний и, на мой взгляд, тоже воспитательный аргумент — десять суток ареста.

И тут мужчина, несколько помявшись, обращается к судье: нельзя ли ему лечиться от алкоголизма, не уходя с работы.

— Было бы желание,— говорит Е. Г. Макиенко,— можно лечиться и амбулаторно. Надо только серьезней относиться и к чужой, и к своей судьбам. Лечитесь, выздоравливайте, исправляйте свою жизнь. Желаю вам успеха.

— Очень часто,— рассказывает Елена Григорьевна,— приезжаю с лекциями на предприятия Полтавы. Цель многих выступлений — разъяснить людям смысл указов о мелком хищении и мелком хулиганстве. Разумеется, все знают об этих законах, но часто суть их воспринимают довольно абстрактно, я неоднократно в этом убеждалась. Когда же перед слушателями выступает народный судья, толкующий, объясняющий законы не юридическим, а житейским языком, смысл их раскрывается значительно глубже.

Что же касается нарушителей указов, то мы не ограничиваемся

привлечением к административной ответственности. Нередко выясняем, какие отношения существуют в семье подвергнутого наказанию за мелкое хулиганство (часто нарушение порядка в общественных местах, бузотерство начинается с семейных скандалов), во всех случаях сообщаем о происшедшем на завод, в организацию. Если от хулигана страдают дети, обращаемся в исполком.

...Они поженились три года назад, и счастье было безоблачным. Сейчас они сидят перед народным судьей, занимающимся подготовкой к слушанию дела о разводе. В голосе Елены Григорьевны звучит не только спокойствие, но и убежденность. Без этого, видимо, нельзя.

— Подумайте о ребенке. Ведь он крошка, даже не вспомнит никогда, каким был его отец... Не сошлись характерами? Так надо менять характер, благо вашей семье всего три года.

— Мы часто ссоримся.

— Из-за мелочей же... Будьте, наконец, мужчиной. А вы,— судья поворачивается к женщине,— более самостоятельной. А то бегаετε каждый раз к маме. Поймите, в ней чувства матери берут порой верх над объективностью. И то, что не замечается в дочери, что прощается ей, не прощается зятю. Идите, поразмыслите. Я, между прочим, тоже теща. Так что кое в чем разбираюсь.

Два часа, выделенные для приема, подошли к концу, а посетители всё шли. Раздел имущества, алименты, развод, установление факта родственных отношений, опять развод, выделение жилплощади, снова развод... Всего один приемный день. За окном хорошая погода, прохожие оживленно переговариваются, смеются, обсуждают семейные и служебные дела. А тут, в кабинете судьи на улице Ватутина, смех — явление довольно редкое, сюда по праздникам не заходят. Но в жизни иных людей случается такое, что приводит их к Елене Григорьевне. И тогда они встречают человека строгого к их проступку и внимательного к их жизненной судьбе.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. КВЕЛИДЗЕ,
кандидат юридических наук

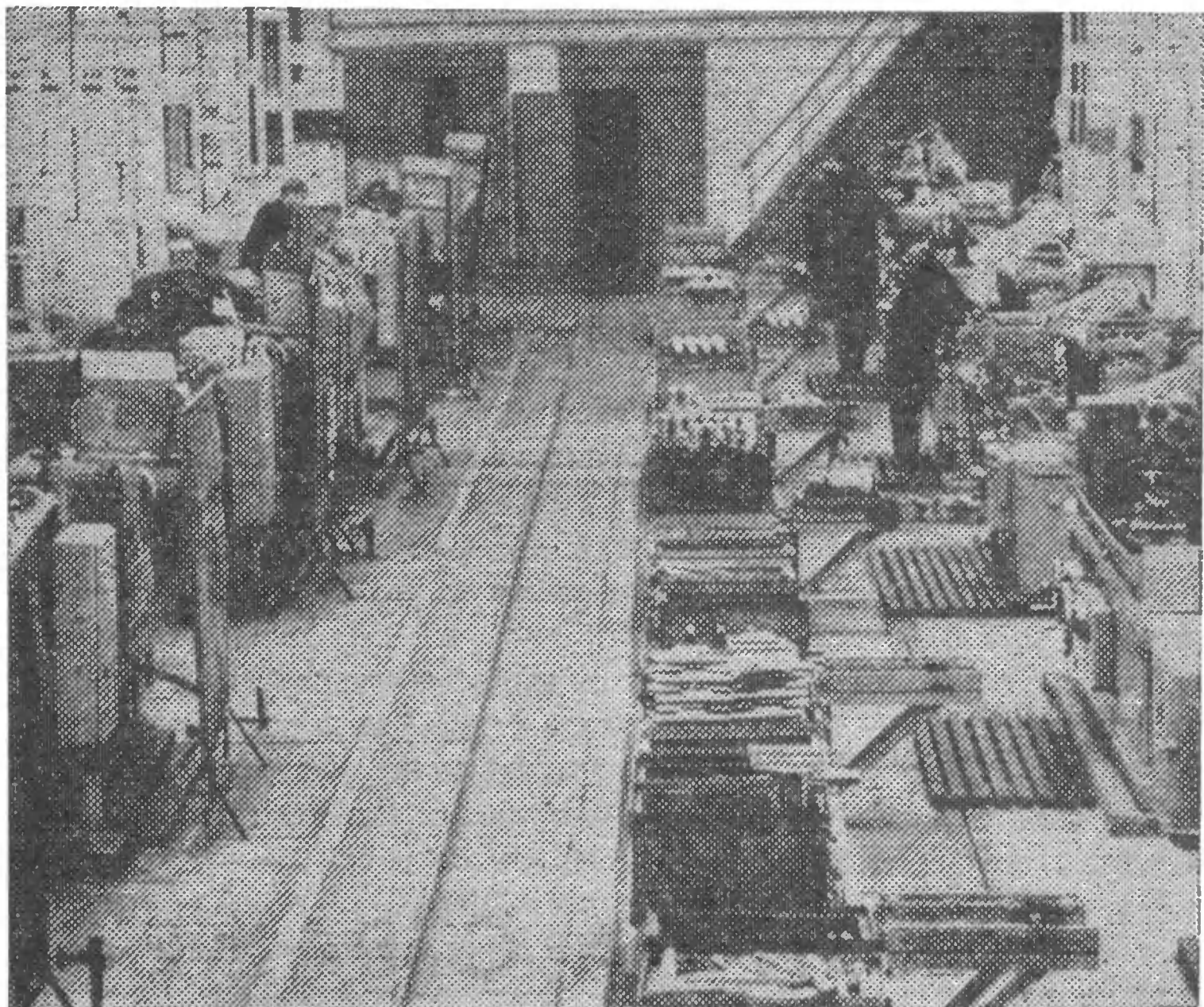
ЗАКОН НА СТРАЖЕ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ТРУДА

Технический прогресс и рост производительности труда в нашей стране сочетаются с надежной охраной трудовых прав советских людей.

Коммунистическая партия, Советское государство придают исключительное значение созданию безопасных условий и организации труда; технике безопасности, производственной санитарии. Партия и правительство исходят из того, что всемерное оздоровление и облегчение условий труда — одна из важнейших задач подъема народного благосостояния. На предприятиях внедряются современные средства техники безопасности и создаются надлежащие санитарно-гигиенические условия, с тем чтобы устранить производственный травматизм и профессиональные заболевания.

Дальнейшее улучшение условий охраны труда предусмотрено Государственным пятилетним планом развития народного хозяйства на

Совершенствование технологии и оборудования, устройство надежных предохранительных ограждений, точное соблюдение правил техники безопасности и промышленной санитарии — надежная гарантия от травматизма и несчастных случаев на производстве.

1976—1980 годы, одобренным октябрьским (1976 года) Пленумом ЦК КПСС и принятым Верховным Советом СССР на пятой сессии в октябре 1976 года. В этих целях предусмотрено более широкое использование достижений науки и техники, совершенствование технологии и оборудования.

Из года в год растут в стране ассигнования на мероприятия по охране труда. За первые четыре года девятой пятилетки на это затрачено шесть миллиардов рублей! Почти в четыре раза больше, чем, например, за четвертую и пятую пятилетки вместе взятые. Еще большие расходы на эти цели предусмотрены в Государственном плане развития народного хозяйства СССР на десятую пятилетку.

Меры, направленные на улучшение условий труда, дают положительные результаты. На проходившем в апреле 1975 года Всесоюзном совещании по охране труда отмечалось, что только за последние четыре года производственный травматизм сократился на 25 про-

центов, и сейчас СССР относится к числу стран с самым низким его уровнем.

Обеспечение безопасных условий труда составляет неотъемлемую часть социалистической организации производства и одну из важнейших обязанностей администрации предприятий и учреждений. Выполнение необходимых мероприятий по охране труда обеспечивается в нашей стране государственным руководством всеми отраслями социалистического производства, контролем партийных, профсоюзных и других общественных организаций, а также системой правовых норм, предусматривающих дисциплинарную, административную, а в наиболее серьезных случаях и уголовную ответственность.

Так, в статье 140 УК РСФСР (а сходные статьи есть в уголовных кодексах всех союзных республик) устанавливается, что нарушение должностным лицом правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда, если это нарушение даже не повлекло, но могло повлечь за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия, наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до ста рублей, или увольнением от должности.

Если же указанные нарушения повлекли за собой телесные повреждения или утрату трудоспособности, то виновные в этом наказываются лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года, а нарушение правил охраны труда, повлекшее за собой смерть человека или причинение тяжких телесных повреждений нескольким лицам, — наказываются до пяти лет лишения свободы.

Какие же «правила по технике безопасности, промышленной санитарии и иные правила охраны труда», нарушение которых признается преступлением, имеются в виду.

В соответствии со статьей 60 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, такие правила (единые для всех отраслей народного хозяйства либо межотраслевые) утверждены правительством СССР либо, по его поручению, другими государственными органами совместно или по согласованию с ВЦСПС.

Министерства, ведомства, органы государственного надзора утверждают совместно или по согласованию с центральными комитетами соответствующих профессиональных союзов отраслевые правила и нормы по охране труда.

Естественно, возникает вопрос, причинение вреда каким гражданам влечет ответственность за нарушения правил охраны тру-

да. Исходя из того, что эти правила распространяются на каждого человека, участвующего в процессе общественного производства, потерпевшими от нарушения правил охраны труда могут быть как работники предприятия (колхоза), так и иные лица, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством (в том числе, например, трудящиеся, выполняющие работу по договору, студенты и учащиеся, проходящие производственную практику). В том случае, если вред в результате нарушения правил техники безопасности причинен постороннему для производства человеку, например экскурсанту, виновные несут ответственность не за нарушение правил охраны труда, а за должностные преступления или преступления против личности.

Уголовная ответственность за нарушение правил техники безопасности, еще раз подчеркиваем, наступает не только тогда, когда оно повлекло за собой несчастные случаи с людьми, но и тогда, когда оно только могло повлечь такие последствия.

На мебельной фабрике были допущены к работе четыре водителя автокара, не прошедшие специального обучения. Во время работы один из водителей, нарушив правила управления и правила движения по территории фабрики, наехал на автомашину с мебелью. Перед ударом о машину автокара его водитель успел спрыгнуть и тем самым избежал грозившей ему опасности, а автокар и машина были сильно повреждены.

За грубое нарушение правил техники безопасности, создавшее реальную опасность для жизни и здоровья людей, должностные лица, ответственные за технику безопасности, были привлечены к уголовной ответственности и осуждены.

Ответственность за нарушение правил техники безопасности несет не всякое должностное лицо предприятия или учреждения, а только те, на кого возложена специальная обязанность обеспечить безопасные условия труда.

Круг должностных лиц, ответственных за соблюдение правил охраны труда, определен в правилах по технике безопасности и производственной санитарии. Во многих министерствах и ведомствах должностные лица, ответственные за обеспечение безопасных условий труда, определяются ведомственными Положениями об организации работы по охране труда, технике безопасности и производственной санитарии в системе министерства (ведомства). Кроме того, приказами руководителя предприятия могут быть назначены должностные лица, на которых возложена непосредственная обязанность по созданию и обеспечению безопасных условий труда на определенном участке работ.

Бригадир тракторной бригады совхоза Ж. был привлечен к ответственности за то, что послал тракториста К. перевозить грузы, не проинструктировав его о безопасных методах работы, вследствие чего К. был придавлен прицепом трактора к сугробу и получил при этом смертельную травму.

На следствии и суде Ж. пояснил, что он не являлся ответственным за технику безопасности в тракторном парке и приказа о возложении на него обязанностей по обеспечению техники безопасности он не видел.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР отменила обвинительный приговор в отношении Ж. и предложила при новом рассмотрении дела проверить обстоятельства, связанные с изданием приказа и доведением его до сведения соответствующих работников, а также решить, кто именно из должностных лиц совхоза должен нести ответственность за несчастный случай с К.

В ряде случаев должностные лица предприятий, учреждений, в том числе и проектных организаций, за невыполнение своих обязанностей по обеспечению безопасных условий труда могут быть привлечены к уголовной ответственности за халатность.

Характерным примером может служить дело о производственной аварии и взрыве в цехе футляров Минского радиозавода имени 50-летия КПБ.

В числе осужденных были руководящие работники проектной организации и руководящие инженерно-технические работники Минского радиозавода.

Работники проектного органа осуждены за то, что не обеспечили правильной разработки проекта строительства промышленного корпуса и цеха футляров Минского радиозавода. В проекте были применены новые для данного производства схемы вентиляционной системы без проверки их эффективности и безопасности в работе. Также без проверки были применены в вентиляционной системе новые фильтры, разработанные для текстильной промышленности и не пригодные для очистки воздуха в цехе футляров радиозавода.

Зная, что строительство корпуса № 2 Минского радиозавода ведется с отступлением от проекта, проектировщики не реагировали на эти нарушения. В результате проект был выполнен с отступлением от строительных норм и правил, содержал существенные ошибки и технически не обоснованные решения в области обеспечения безопасных условий труда.

Должностные лица Минского радиозавода осуждены за то, что приняли корпус и цех футляров, построенные с отступлениями от проекта, с недоделками, препятствующими нормальной эксплуатации

цеха. Ни один станок вытяжной вентиляции к моменту приемки цеха в эксплуатацию подключен не был, и испытания вентиляционной системы и фильтров не проводились.

Рабочие жаловались руководителям цеха и завода на плохие условия работы, на случаи загорания пыли, однако никаких реальных мер принято не было.

В результате отступлений от проекта и грубых нарушений правил техники безопасности и производственной санитарии в помещении цеха и подвалах скопилось большое количество лаковой пыли, что вызвало взрыв, повлекший гибель людей и крупный материальный ущерб.

Верховный Суд СССР квалифицировал действия работников проектного органа как должностное преступление (халатность), а действия работников радиозавода, ответственных за безопасные условия труда, как нарушение правил техники безопасности.

Очень часто должностные лица, которые допустили нарушение правил техники безопасности, повлекшее несчастный случай, не признают себя виновными, ссылаясь на то, что пострадавший сам нарушил правила производства работ или допустил неосторожность.

Судебные органы, в соответствии с законом, в этих случаях руководствуются следующим положением: неосторожность потерпевшего может исключить ответственность должностного лица только в том случае, когда неправильные действия потерпевшего были единственной причиной несчастного случая, а должностное лицо не допустило никаких нарушений. Если же одной из причин несчастного случая, помимо неосторожности потерпевшего, было то, что должностное лицо, вопреки своим обязанностям и имеющимся возможностям, не устранило условия, при которых неосторожность потерпевшего привела к несчастному случаю,— оно несет уголовную ответственность.

Так, во время ремонта мартеновских печей на металлургическом заводе был смертельно травмирован рабочий, перевозивший кирпич. Суд установил, что потерпевший грубо нарушил известные ему правила техники безопасности: он на ходу исправлял повреждение транспортера, вследствие чего рука попала между колесом и лентой, он был затянут в транспортер и погиб. Однако при расследовании и рассмотрении дела в суде было установлено также: по вине администрации транспортер не был оборудован надлежащими предохранительными ограждениями, что и дало возможность потерпевшему работать с нарушением правил техники безопасности. Поэтому суд осудил начальника цеха и мастера, указав в приговоре, что хотя потерпевший и допустил грубую неосторожность, вместе с тем на-

чальник цеха К. и мастер Д. не обеспечили транспортер надлежащими ограждениями и тем самым создали условия для несчастного случая с рабочим.

В практике нередки также факты, когда несчастные случаи с людьми происходят из-за нарушения правил техники безопасности не должностными лицами, а исполнителями. В таких случаях, если тяжелые последствия наступили по вине рядовых работников, то они отвечают как за преступления против жизни и здоровья (неосторожное убийство или неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение).

Выше были рассмотрены случаи нарушения общих правил техники безопасности. Однако в уголовных кодексах союзных республик есть специальные статьи, которыми предусматривается ответственность любого лица (как должностного, так и рядового исполнителя) за нарушение правил безопасности горных работ, за нарушение правил при производстве строительных работ, за нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах.

Так, например, в УК РСФСР за нарушение правил безопасности горных работ или строительных правил, причинившее вред здоровью людей, установлено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года или исправительных работ на тот же срок. Если же это нарушение повлекло гибель людей или иные тяжкие последствия — лишение свободы на срок до пяти лет или исправительные работы на срок до одного года.

Нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

В заключение хотелось бы отметить, что нарушение правил безопасности труда на производстве — как правило, не случайность. Происходит это в основном из-за пренебрежительного отношения к разного рода запретам, предусмотренным в правилах техники безопасности. Для борьбы с этим весьма опасным злом необходимо повышение самодисциплины и организованности, усиление контроля со стороны надлежащих органов и общественности за выполнением администрацией всех мероприятий по технике безопасности и производственной санитарии.

СУД ПОСТАНОВИЛ: НАПРАВИТЬ НА ЛЕЧЕНИЕ

В редакцию пришел взволнованный посетитель.

— Наш бухгалтер К. украл десятки тысяч рублей,— сказал он.— Несмотря на крупные размеры хищений, его не посадили, а послали лечиться. Говорят, невменяемый был. И сейчас К. находится в психиатрической больнице. Но мы-то помним его совершенно нормальным человеком! И хищения он совершал с помощью таких хитроумных махинаций, что ревизоры долгое время не могли их обнаружить. Что же получается: преступник, а наказания не несет?

Узнав, где находится К., я отправился в Московскую клиническую психоневрологическую больницу № 1 имени П. И. Кащенко. Главный врач больницы доктор медицинских наук профессор В. М. Морковкин внимательно выслушал меня.

— Больной К.? — переспросил он.— Бухгалтер? Вспоминаю. Он поступил к нам с диагнозом «шизофрения». Находится на принудительном лечении. За что же его судить и лишать свободы, если он психически больной? Судить нельзя, а вот лечить надо. Вашего посетителя ввело в заблуждение то, что бухгалтер вел себя как здоровый человек. И это резонно. Потому что в большинстве случаев только врачи могут определить душевное заболевание и его характер. Не знакомые с психиатрией люди иногда мало что заметят, хотя могут годами работать рядом с душевнобольным.

Бытует обывательское представление о невменяемости: бежит по улице сумасшедший, никого не видит и не слышит, все сметает на своем пути. Вот только такие, дескать, и есть невменяемые. На самом же деле все намного сложнее. Действия больных могут быть внешне достаточно целенаправленными. И чаще всего душевное за-

болевание никак не проявляется. Такие «тихие» — самые опасные. Они могут совершить хищение в крупных размерах, ограбить, убить, изнасиловать. Вот и бухгалтер К. давно был болен шизофренией и деньги похищал... чтобы захватить планету Марс и провозгласить себя ее властителем.

Как правило, душевнобольные, совершившие общественно опасные деяния, направляются на принудительное лечение.

Советское законодательство сурово наказывает за преступления, посягающие на наш общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно за иные общественно опасные деяния, посягающие на социалистический правопорядок. А если человек из-за болезненного состояния не мог отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими?

Статья 11 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и аналогичные статьи уголовных кодексов всех союзных республик устанавливают, что лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния, не подлежит уголовной ответственности. К такому человеку по назначению суда могут быть применены принудительные меры медицинского характера. В законе предусмотрено и такое положение, когда человек, совершивший преступление в состоянии вменяемости, до вынесения судом приговора заболел душевной болезнью, лишаящей его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими. Такой человек не подлежит наказанию, и к нему по назначению суда могут быть применены принудительные меры медицинского характера, а по выздоровлении он подлежит наказанию.

— Как видите,— продолжал Валентин Михайлович Морковкин,— невменяемость — это такое психическое состояние человека в момент совершения общественно опасных действий, которое исключает возможность вменения этих действий ему в вину. Например, у больного шизофренией психика как бы раздваивается. Греческое слово «шизофрения» означает «расщепление души». Как правило, такие больные малообщительны, подозрительны, враждебны и злобны к людям, эгоистичны. Наиболее опасна параноидная форма, когда появляется стойкий бред. При бреде отношений больным кажется, что все вокруг стали плохо относиться к ним. При бреде преследования они

воображают, что их окружают враги, подсланные кем-то лица, что кто-то подслушивает их разговоры, следит за ними. Под влиянием бреда больные могут совершать нападения, убийства.

Чтобы органы правосудия могли решить, имеют ли они дело с преступником или с невменяемым и другие вопросы, к ним на помощь приходит судебно-психиатрическая экспертиза, которая в нашей стране находится в ведении органов здравоохранения. Такая экспертиза проводится по постановлению следователя, прокурора, органа дознания, определению суда и по определению (постановлению), вынесенному единолично судьей по делу частного обвинения или в порядке досудебной подготовки гражданского дела. И здесь важно особо отметить, что в нашей стране эксперт независим в своих суждениях от следственных органов. Кроме того, обязательно участие защитника по делам лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, а также лиц, заболевших душевной болезнью после того, как они совершили преступление. Причем защитник допускается к участию в деле с момента, когда установлен факт душевного заболевания.

...В одноэтажном здании, стоящем отдельно от корпусов больницы, нас встречает заведующий амбулаторным судебно-психиатрическим отделением В. К. Косырев.

— В этом здании,— говорит он,— работают экспертные комиссии. Наша больница проводит все виды судебно-психиатрических экспертиз: стационарные, амбулаторные, на суде, у следователя, проводит экспертизы заочные и посмертные. При необходимости амбулаторные комиссии выезжают в следственные изоляторы, места лишения свободы.

Самые различные причины могут быть поводом для направления обвиняемого, подсудимого, подозреваемого, потерпевшего или свидетеля на судебно-психиатрическую экспертизу. Когда же возникает сомнение в психическом здоровье такого человека в связи с неправильным поведением или нелепыми объяснениями и показаниями по делу и так далее, такое направление обязательно. Ходатайствовать о производстве экспертизы может сам подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, его защитник, а также потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик или их представители.

Мы входим в один из кабинетов. Здесь, в просторной комнате, заседает комиссия из трех врачей-экспертов. Председатель комиссии К. А. Овчинникова, член комиссии И. С. Гусева и врач-докладчик З. И. Ляпидус.

Рассматриваются материалы на испытуемого В., молодящегося мужчину возраста выше среднего. Против него было возбуждено

дело по статье 224² Уголовного кодекса РСФСР за склонение несовершеннолетних к употреблению наркотических веществ. Две девочки, жертвы этого преступления, были доставлены в больницу из квартиры В. с признаками тяжелого отравления.

Но преступление ли это или В.— психически больной человек?

Врач-докладчик З. И. Ляпидус сообщает комиссии подробные данные о жизни и поведении подэкспертного с самого раннего детства.

...Признаки психического заболевания появились у В. несколько лет назад. Врач-психиатр предлагал направить его на стационарное лечение, но мать В. и он сам отказались это сделать. А потом В. неожиданно напал в переулке на женщину и вырвал у нее сумочку. Тогда он был признан невменяемым. Администрация и коллектив завода, где работал В., убедительно просили суд не направлять его на принудительное лечение, потому что В. считался хорошим производственником и товарищем. Они обещали проследить за его амбулаторным лечением.

Дело в том, что, согласно части 4 статьи 60 Уголовного кодекса РСФСР и сходным статьям уголовных кодексов других союзных республик, если суд не сочтет необходимым применить к душевнобольному принудительные меры медицинского характера, а равно в случае прекращения применения таких мер, суд может передать его на попечение родственникам или опекунам при обязательном врачебном наблюдении. Суд не применил к В. принудительное лечение. Но... вскоре все обещания были забыты, В. перестал посещать районного врача-психиатра и начал злоупотреблять алкоголем. Болезнь продолжала развиваться — и вот новое общественно опасное деяние: В. где-то раздобыл лекарства, содержащие сильнодействующий наркотик, и «угостил» им двух девочек.

Психически здоровый человек за такое преступление понес бы наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет. Но душевнобольной — не преступник и наказан быть не может. Члены комиссии совещаются и составляют акт, в котором указывают диагноз: шизофрения.

— Все эти материалы вместе с актом экспертизы теперь будут переданы в суд,— поясняет В. К. Косырев.— Как видите, В. представляет опасность для окружающих и для себя самого. Поэтому его необходимо изолировать от общества и провести курс лечения. Но ни врачи, ни следователь, ни прокурор не могут направить психически больного на принудительное лечение. Это может сделать лишь суд. Причем судебное разбирательство по такому делу происходит строго по уголовно-процессуальным нормам с обязательным

участием прокурора и защитника. Народный судья или председатель суда вправе сделать распоряжение, чтобы в судебное заседание вызвали человека, о котором рассматривается дело (естественно, если этому не препятствует характер его заболевания).

В судебном заседании проверяются доказательства, которые устанавливают или опровергают совершение данным лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, заслушивается заключение экспертов о психическом состоянии обвиняемого и проверяются другие обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера. По окончании судебного следствия суд выслушивает прокурора и защитника. Суд разрешает дело своим определением, которое выносится в совещательной комнате.

Согласно статье 58 Уголовного кодекса РСФСР и подобным статьям уголовных кодексов союзных республик, суд может применить принудительные меры медицинского характера: помещение в психиатрическую больницу общего типа или в больницу специального типа — к людям, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершившим такие деяния в состоянии вменяемости, но заболевшим до вынесения приговора или во время отбывания наказания душевной болезнью, лишаящей их возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими. Суд избирает вид принудительной меры в зависимости от душевного заболевания человека, характера и степени общественной опасности совершенного им деяния. Лица, помещенные в психиатрическую больницу специального типа, содержатся в условиях усиленного надзора. Это дает возможность надежно изолировать социально опасных больных от общества и исключить возможность совершения ими нового общественно опасного деяния.

— И еще,— сказал В. К. Косырев,— судебно-психиатрические экспертизы могут проводить любые психоневрологические институты и диспансеры, психиатрические больницы. При крупных больницах, таких, как наша, создаются специальные экспертные отделения.

В нашей стране руководство судебно-психиатрической экспертизой и контроль за ней осуществляют министерства здравоохранения союзных и автономных республик, краевые, областные и городские отделы здравоохранения через республиканских, краевых, областных и городских психиатров. А методическое и научное руководство выполняет Министерство здравоохранения СССР через Центральный научно-исследовательский институт судебной психиатрии имени профессора В. П. Сербского. Там работают такие известные ученые-психиатры, как член-корреспондент Академии медицинских наук СССР

профессор Г. В. Морозов, профессора Э. А. Костандов, Д. Р. Луни и другие. Институт ведет научную разработку проблем судебной психиатрии, обобщает опыт работы в этой области, проводит другую большую научную работу. В особо сложных случаях институту поручают проводить экспертизу.

— А теперь,— спрашиваю Г. П. Каплина, заместителя главного врача больницы им. П. И. Кащенко,— мне бы хотелось ознакомиться с тем, как проходит принудительное лечение.

— Конечно,— говорит он,— основное лечение — комплексное. Сюда входят и лекарственные препараты, и физиотерапевтические методы, и трудотерапия, и многое другое.

Вместе с Г. П. Каплиным входим в один из корпусов больницы. Здесь больные принимают самые разнообразные процедуры. Вот кабинет, где лечат электротоками, в другом — минеральными и радоновыми ваннами. В следующих — водными процедурами, кислородом, ингаляцией лекарственных веществ и так далее.

— Очень большое внимание мы уделяем лечению трудом — трудотерапии,— рассказывает Г. П. Каплин.

Мы идем по территории больницы. Справа и слева от нас — оранжереи и парники, где для больницы выращиваются овощи. За стеклянными стенами видны люди в пижамах: больные заботливо ухаживают за помидорами, огурцами, луком, зеленым салатом. Вся эта свежая зелень пойдет на их же обеденный стол.

— А здесь,— показывает Геннадий Петрович на двухэтажное здание,— лечебно-производственные мастерские. Не удивляйтесь, если увидите человека, спящего за рабочим столом или слоняющегося по цеху. Здесь работать никого не заставляют, несложные задания выполняются «в охотку». Ведь это же не обычное производство с определенными правилами внутреннего распорядка, дисциплиной и стремлением выполнить план. Наше производство только лечебное. Хотя за свою работу больные получают деньги.

На одних станках делают изящные елочки, в соседнем цехе шьют тапочки, в помещении рядом изготавливают детали электросчетчиков по заказу завода. Бок о бок работают обычные больные и те, кто проходит принудительное лечение.

— Проходящие принудительное лечение находятся на полном государственном обеспечении,— говорит Геннадий Петрович.— И из их пенсии ничего не удерживается. Больше того, такой больной в лечебно-производственных мастерских даже зарабатывает (хотя и небольшую сумму).

Входим в большую комнату. На стенах — множество картин. На первый взгляд, большинство из них — творения художников-абстракт-

ционистов: нагромождения кубов и шаров, извивающиеся фантастические чудища, хаотическое буйство красок. Все эти картины написаны больными. Они отображают их иллюзии и галлюцинации в периоды обострения болезни. Некоторые картины выполнены технически безукоризненно.

— Вот эта,— показывает Геннадий Петрович одну из них,— написана больным Б., способным художником. Правда, у нас он лечится в обычном, а не принудительном порядке. Некоторые иностранцы буквально охотятся за его картинами, написанными в бредовом состоянии, предлагают родственникам Б. большие деньги за них. Они считают, что именно в бредовом состоянии и выражается внутренняя сущность художника, его творческая оригинальность, какой-то «подсознательный гений». Картины, написанные Б. в нормальном состоянии, их привлекают меньше...

В этот художественный цех может прийти любой больной, который вдруг захотел заняться творчеством. В его распоряжении краски, которые покупает больница, холсты, бумага, пластилин, гипс. Занятие художественным творчеством не только помогает успешному лечению больных, но и дает возможность через эти рисунки и картины наблюдать течение болезни: часто картины достаточно точно передают внутреннее состояние больного.

...На другой день я оказался на необычном концерте. Выступали певцы, ансамбль электромузыкальных инструментов, декламаторы, танцоры. Концерт проходил в Пятой психоневрологической больнице, выстроенной около семидесяти лет назад в Подмосковье. Часть больных, проходящих принудительное лечение, участвовала в этой самодеятельности.

Главный врач больницы Всеволод Петрович Подрезов показал на одного из них:

— Это Юрий П.,— негромко говорит он.— Раньше работал инженером в научно-исследовательском институте. Поймали его на воровстве приборов из лаборатории. У него оказался бред изобретательства: дома Юрий П. строил из этих приборов лабораторию, из которой собирался передавать свои мысли на расстояние. А вот тот, в сером костюме,— бывший токарь Олег В. В коллективе был робок, застенчив, исполнитель. Никаких «странностей» за ним не замечалось, кроме излишней мнительности, боязни заразиться какой-то болезнью: в городском транспорте не брался за поручни, боялся, чтобы на него кто-нибудь не чихнул. Все это время у него развивалась шизофрения. Во время острого психоза он пытался гаечным ключом убить жену, затем выпрыгнул с восьмого этажа и сломал два ребра. Сейчас у него, можно сказать, все в порядке. Скоро будем ста-

вить перед судом вопрос о прекращении принудительного лечения Олега В. Рядом с ним — Борис С. Он учился на четвертом курсе института. Увлекался конструированием радиоприемников. Среди товарищей слыл «чудаковатым». И вдруг, как бы ни с того, ни с сего, выплеснул в лицо своей знакомой смесь кислот...

Министерство здравоохранения СССР утвердило Инструкцию о порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших общественно опасное деяние. Инструкция эта была согласована с Верховным Судом СССР, Прокуратурой СССР и Министерством внутренних дел СССР. В ней говорится, что администрация больницы должна размещать больных, поступающих на принудительное лечение, в лечебных отделениях соответственно с их психическим состоянием и соблюдением условий, предупреждающих возможность со стороны психически больных побегов и других эксцессов. Естественно, соответствующие меры принимаются и в этой больнице: специальные замки, высокие заборы вокруг прогулочных площадок, постоянное наблюдение за поведением больных... Надо сказать, что и сами больные внутри своего коллектива поддерживают строгую дисциплину.

— Иначе нельзя,— рассказывает заведующий первым отделением больницы Ю. Т. Каганович.— Представьте себе, что из-под контроля врачей вырвался больной с острым психозом. Сколько бед он натворит! Он может убить, совершить сексуальное преступление, поджог... Даже трудно себе представить, что может случиться: ведь такой человек не может осознавать свои поступки и руководить ими. Вот для чего и принимаются такие меры предосторожности.

Бывает так, что иногда психическое состояние больного меняется и содержать его на принудительном лечении в условиях данного типа больницы больше нельзя. Тогда администрация больницы обращается в суд с представлением об изменении меры медицинского характера.

Такое случилось, например, с Николаем М. Он проходил лечение в принудительном порядке в больнице общего типа. Но вот болезнь обострилась, Николай М. стал нападать на медицинский персонал больницы, пытался убить санитаря. По мотивированному представлению администрации больницы суд изменил меру медицинского характера, и Николай М. был помещен в психиатрическую больницу специального типа.

— Однако гораздо чаще бывает обратный процесс,— говорит В. П. Подрезов,— когда к нам поступают выздоравливающие из больниц специального типа. Например, оттуда к нам перевели Свет-

лану Р., которая несколько лет назад во время «медового месяца» убила мужа: так ей «приказал голос». Есть у нас много и других больных, принудительное лечение которых скоро должно закончиться.

Да, здесь не перевоспитывают, не карают, а только лечат. Потому что здесь нет преступников, а есть лишь больные. И какое бы общественно опасное деяние такой человек ни совершил — для врачей, санитаров, нянечек он такой же больной, как и все остальные в этом лечебном учреждении. И отношение к нему такое же внимательное. Каждый врач, каждый работник больницы за его здоровье борется так же упорно, как за здоровье любого другого человека.

И до тех пор продолжается принудительное лечение, пока психическое состояние больного не изменится и он перестанет быть опасным как для окружающих, так и для себя. Для того все находящиеся на принудительном лечении не реже одного раза в шесть месяцев переосвидетельствуются врачебной комиссией, которая определяет их психическое состояние и возможность постановки вопроса перед судом об изменении или отмене принудительной меры медицинского характера. Суд рассматривает этот вопрос в течение десяти дней с момента получения заключения из больницы. Важно обратить внимание на то, что ходатайства об отмене или изменении принудительных мер медицинского характера могут возбуждать родственники больного и иные заинтересованные лица. Прокуратура осуществляет надзор за законностью и исполнением определений суда о применении принудительного лечения, а органы здравоохранения контролируют своевременное и правильное проведение принудительного лечения.

Таким образом, применение принудительных мер медицинского характера к душевнобольным и помещение их в психиатрические больницы основаны на строжайшем соблюдении социалистической законности.

НАСИЛИЕ КАК НОРМА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

РЕАЛЬНОСТИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА

Румынский писатель Йон Маня в новой книге * с гневом и сарказмом разоблачает культ насилия, насаждаемый и процветающий в капиталистическом мире. Основанная на достаточно известных мировой общественности документах, книга эта читается с захватывающим интересом. И не случайно, поскольку речь идет о событиях, которые в последние десятилетия решительно повлияли и продолжают влиять на политику крупнейших капиталистических стран. Анализируя факты и многочисленные комментарии к ним, автор убедительно показывает, что рост преступности, политические убийства, похищения политических деятелей, засилие могущественных шпионских служб — все это результат возрастающих противоречий капитализма, обострения социальных конфликтов в буржуазном обществе.

В первой главе — «Три Далласа» идет речь о политических убийствах в Далласе,

Мемфисе, Лос-Анджелесе. Автор вскрывает варварскую логику насилия, освященного давними традициями буржуазного общества, в котором насилие всегда стояло на службе крупного капитала. Он внимательно изучил все факты, связанные с убийством Джона Кеннеди. Сопоставив версию судьи Джеймса Гаррисона и материалы организованного им процесса в Новом Орлеане с результатами расследования комиссии Уоррена и разных частных расследований, Йон Маня приходит к заключению, что выводы комиссии Уоррена сомнительны, что попытка Гаррисона «найти более широкую правду» заранее была обречена на провал.

Рассказывая об убийстве Мартина Лютера Кинга, выдающегося лидера движения за гражданские права негров, автор опирается на достоверные документы и обоснованно утверждает, что преступление в Мемфисе, по воле правящих кругов США, фактически оста-

* Маня Йон. Досье насилия. Реальности капиталистического мира. «Прогресс», М., 1975.

лось нераскрытым. Джеймс Рэй, осужденный за убийство, отмалчивался во время судебного процесса и взял всю ответственность на себя, хотя многие убедительные факты свидетельствуют, что действовал он вовсе не в одиночку. Это дело и по сей день в поле внимания мировой прессы.

Подводя итоги, автор приходит к выводу, что убийства двух братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга были совершены вовсе не фанатиками-одиночками; в чем пытаются убедить мир официальные круги США. Каждое из этих убийств было тщательно подготовлено, и руку убийц направляли политические заговорщики.

Знаменательным в этой связи представляется заявление бывшего советника братьев Кеннеди Артура Шлесинджера: «Соединенные Штаты — земля с жестокими людьми и жестокой историей. Инстинкт насилия проник в кровь нашего общества. На нас словно пало проклятие, когда мы начали истреблять индейцев и превращать негров в рабов. Только сегодня мы уже не можем, как прежде, считать ненависть и насилие побочными факторами, ночными кошмарами, исчезающими с рассветом. Отныне их необходимо рас-

смаивать как органическую часть нашего прошлого и нашего настоящего».

Одна из глав книги посвящена похищению марокканского прогрессивного деятеля Мехди Бен Барри, совершенному среди бела дня в центре Парижа. Это преступление вызвало шумное судебное разбирательство, которое сопровождалось сенсационными свидетельскими показаниями, неожиданными арестами, таинственными самоубийствами. Однако приговор парижского суда не внес ясности в это дело. «Приговор ничего не разъясняет. Он не удовлетворил общественное мнение», — писала газета «Фигаро».

Глава эта заканчивается словами: «Продолжение следует». Автор уверен, что рано или поздно вдохновители и исполнители этого чудовищного преступления предстанут перед судом. Хотя, возможно, всего лишь перед судом истории.

Опираясь на многочисленные документы, автор не только излагает фабулу того или иного преступления, но и показывает классовые корни преступности в буржуазном обществе. Книга Йона Мани — серьезное и обоснованное обвинение буржуазному строю и его правопорядку.

М. АВАКОВ,
доктор юридических наук

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**ОБМЕН МНЕНИЯМИ,
ДИСКУССИИ**

*что сделано по вашим
письмам*

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

**ВСТРЕЧИ НА ЖУРНАЛЬНЫХ
СТРАНИЦАХ**

**РЕПОРТАЖИ ИЗ
ЗАЛА СУДА**

Свободное слово

СЧАСТЬЕ СЕМЬИ: от чего оно зависит?

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Нелегко писать о разногласиях в семейной жизни, но настолько все это уже наболело, что хочется высказаться перед кем-то. А заодно и спросить совета: как быть дальше? Вначале мы с мужем жили неплохо, он был заботлив, внимателен ко мне. Я отвечала ему тем же. А потом, вскоре после рождения ребенка, начались конфликты. Все чаще и чаще я слышала от мужа: «Как я сказал — так и будет. Мое слово в семье — закон!» Когда выбирали имя девочке и я попыталась высказать свое мнение на этот счет, он попросту оборвал меня. Задумала я как-то сменить профессию (для этого надо было несколько месяцев походить в ученицах) и опять от мужа услышала резкость: «Брось дуришь!» Особенно часто возникают у нас споры по поводу воспитания ребенка. Я стремлюсь к тому, чтобы девочку воспитывать ровно, убеждать, а он — за наказание. Чуть нашалил ребенок — тут же хватается за ремень. Я, разумеется, бросаюсь на защиту дочери. В итоге — очередной конфликт...

И вот все чаще мне в голову приходят горькие мысли: дальше так продолжаться не может. Возможно, придется даже разойтись, потому что при таких взаимоотношениях ничего путного из семейной жизни не получится. А как вы думаете?..

А. СЕРГУНОВА,
КАЗАНЬ

Живем мы с мужем в небольшом городке. У нас двое детей. Имеем собственный дом. Построили его вскоре после свадьбы. За годы совместной жизни постепенно обжились, обзавелись хозяйством. И вот однажды муж говорит мне:

— Давай переедем в Запорожье. Большой красивый город. Не чета нашему.

— А как же дом?

— Продадим.

Прикинула я все, и, честно сказать, не совсем понравилось мне предложение мужа. Покинем насиженное место, приедем в новый незнакомый город, заново будем устраиваться — сколько хлопот! Ребятишек оторвем от школы. Высказала я все это мужу, а он по-прежнему стоит на своем: поедем, да и только! А дом, говорит, продать нетрудно.

— Может, и так. Но ведь без моего согласия ты не сможешь его продать.

— Как это не смогу, когда он записан на мое имя?

Вот так, слово за слово — и дошло до крупного разговора. Он доказывает свое, я — свое. Хотелось бы знать, кто из нас прав, как говорит закон? Думаю, этот вопрос заинтересует не только меня. А с супругом, если не наладятся отношения, не знаю как быть. Семью жалко и жить трудно...

А. ХОМЯКОВА,
Краснодарский край.

Пишу вам о счастливом лотерейном билете, который принес несчастье в нашу семью.

Сверив вечером номер билета с таблицей, я обнаружил, что на этот билет выпал крупный выигрыш (мотоцикл стоимостью 1640 рублей). Вся семья была очень рада. Утром, уходя на работу, я спрятал билет в шифоньер. Об этом знала только жена. А живем мы у ее родителей. Вернувшись с работы, я, к своему великому удивлению, не обнаружил билета.

Родители жены, предвидя скандал, закрылись в своей комнате вместе с женой. В сто раз обиднее думать, что билет взяли близкие, дорогие сердцу люди.

Жена говорит, что выигрыш мы используем на необходимые покупки, а мотоцикл нам не нужен, тем более что я, по ее словам, могу на нем разбиться.

А я хотел на мотоцикле в выходные дни вместе с сыном ездить

на рыбалку. Но жена и ее мать не дают мне билета. И теперь у нас рушится семья.

Кто дал право жене и ее матери так жестоко обижать меня и сына? Осквернять самое дорогое, чем жила семья,— доверие друг к другу?

Прошу редакцию ответить, является ли выигрыш по лотерейному билету личной собственностью человека? И помогите мне восстановить справедливость.

А. КУЗЬМИНСКИЙ,
Днепропетровск.

Возникшие в семьях конфликтные ситуации, как видно из писем, свидетельствуют о том, что некоторые читатели недостаточно ясно представляют себе, как должны решаться жизненные вопросы семьи и строиться взаимоотношения мужа и жены.

Поскольку авторы обратились за советом и разъяснением отдельных норм брачно-семейного законодательства, редакция попросила доктора юридических наук Римму Федоровну Каллистратову прокомментировать их письма.

Читатели затрагивают тему, волнующую очень многих. В супружеской жизни приходится «утрясать и увязывать» немало вопросов, начиная от самых незначительных и кончая жизненно важными. Даже в семьях, где жизнь, казалось бы, протекает почти безоблачно, возникают между мужем и женой разногласия по поводу того, как лучше воспитывать малыша, каким образом расходовать денежные средства и так далее.

Письма А. Сергуловой, А. Хомяковой и А. Кузьминского интересны и с моральной, и с правовой стороны. Что волнует всех трех авторов? Плохой нравственный климат в их семьях, отсутствие взаимопонимания между супругами — этого, может быть, самого необходимого условия счастья и надежности брака. И ощущение серьезности разногласий супругов, реальной угрозы семейному благополучию. Как ни много у нас сейчас разводов и как ни упростилось к ним отношение общества, а каждый расторгнутый брак — всегда случай тяжелый. Ведь это, по сути дела, расплата за неверный выбор или собственную неспособность дать радость другому человеку, полноценное счастье детям.

Естественна поэтому попытка разобраться в причинах, которые приводят к такому краху, и желание людей найти даже соломинку, за которую еще не поздно ухватиться, чтобы упорядочить се-

мейные отношения. Такой соломинкой, а для некоторых — и более надежной опорой, становится закон. Именно поэтому письма, о которых идет речь, адресованы юридическому журналу.

Наш закон, действительно, говорит о том, как должны строиться взаимоотношения в семье. Он четко определяет права и обязанности мужа и жены личного и имущественного характера. И в случае конфликта закон охраняет интересы каждого из супругов.

Но прежде чем ответить на конкретные вопросы читателей, заметим, что закон сам по себе, как бы он ни был хорош, помочь может далеко не всегда. Если речь идет о желании сохранить семью. Нужно приложить много усилий с обеих сторон, чтобы семейная жизнь не распалась, не сломалась совсем, а стала такой, какой и должна быть, — нравственно здоровой. Для каждого из супругов здесь подходит мудрая поговорка: худой мир лучше доброй ссоры. Семья немыслима без супружеского такта, терпения, умения уступать друг другу, понимания мотивов поступков и желаний другого и, если хотите, предвидения того, куда может завести позиция: «Как я сказал — так и будет. Мое слово в семье — закон!» Необходимо помнить, что из любой ссоры — о вещах ли, о том, как назвать первенца, надо или нет продавать дом — супруги выходят с большими моральными потерями и разочарованиями друг в друге. Привести же это может, в конце концов, к нежелательным последствиям: «не сошлись характерами», или, по теперешней псевдомодной терминологии, разошлись из-за «несовместимости». От того, что находятся все объясняющие слова, легче никому не становится. При любом разводе у человека остается душевная рана, и рубцуется порой она очень долго.

Вот поэтому, прежде чем идти в милицию или в суд с просьбой усовестить супруга, с которым часто ссоришься, хорошо бы сначала попробовать «домашние» средства: внимание, доброту, ласку. Недаром же гласит восточная пословица: все, что сломано, делалось без терпения.

А что же говорит закон? В нем как раз и отражаются все богатство житейской мудрости и накопленный опыт семейных отношений: семья — благо для человека, ее надо беречь. Приняв эту истину как личное убеждение, человек считается и с законом, и с интересами других членов семьи. Конфликтов становится тогда меньше, да и разрешаются они легче, без изнурительных ссор и их трагических последствий, в дружелюбных тонах и при взаимном уважении.

Наш закон стоит на страже семьи. Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик и брачно-семейные

кодексы республик как первую задачу называют дальнейшее укрепление семьи, основанной на принципах коммунистической морали. Среди других задач брачно-семейного законодательства указаны также окончательное устранение вредных пережитков и обычаев прошлого в семейных отношениях и воспитание чувства ответственности перед семьей.

Отношения людей в браке сугубо индивидуальны. Почему же государство устанавливает правовые нормы в этой области? Прежде всего в интересах детей. Потому что, как говорил В. И. Ленин, в этих отношениях «участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес».

Когда люди создают семью, они, как правило, мало задумываются над значением ее для общества, преследуют чисто личный интерес. Социальные же функции семьи велики: продолжение рода, воспитание достойных граждан, забота о престарелых и нетрудоспособных (в дополнение к помощи им со стороны государства), организация быта, наконец, создание такого домашнего климата, в котором люди, связанные семейными узами, могли бы наиболее полно проявить себя как личности.

Ведущим принципом нашего брачно-семейного законодательства является равенство супругов во всех сферах семейных отношений. Мужчина и женщина имеют одинаковые права при решении всех вопросов, возникающих в жизни семьи, начиная с выбора фамилии при вступлении в брак, избрания места жительства и кончая правом на расторжение брака. Каждый из супругов свободен и в выборе занятий и профессии. Одним словом, все вопросы жизни семьи супруги должны решать совместно. Поэтому поведение в семье мужа А. Сергуновой противоречит нашему законодательству. Однако из письма нельзя понять, почему супруг возражал против того, чтобы жена сменила профессию. Свободный выбор профессии и занятий, гарантированный законом каждому из супругов, дает возможность и мужу и жене выбрать специальность, работу, любимое дело по душе, но считаясь с интересами другого супруга, детей и семьи в целом. Если речь шла в семье А. Сергуновой только о материальной потере в течение нескольких месяцев, аргумент этот нельзя признать убедительным. В будущем новая профессия жены могла бы принести семье какие-то выгоды, и из-за этого можно было бы несколько месяцев и потерпеть. Окончательное решение должна была принять сама А. Сергунова. Разногласия супругов, касающиеся перемены профессии одним из них, не рассматриваются никакими государственными и общественными органами.

Муж А. Сергуновой, если исходить из письма, держится как гла-

ва семьи. Между тем понятие главы семьи семейному праву не известно. Для женщины вступление в брак не влечет никакого ограничения ее прав и дееспособности. Женщина может осуществлять предоставленные ей права в области государственной, общественно-политической, экономической и культурной жизни страны без согласия на то мужа. За всем этим стоит полная экономическая самостоятельность и независимость женщины. Муж А. Сергуновой все еще живет давным-давно устаревшими представлениями о том, что он кормилец и потому «его слово — закон». Сама А. Сергунова, как мы видели, все же не решилась самостоятельно переменить профессию. И теперь спрашивает, выйдет ли что путное из ее дальнейшей семейной жизни. Значит, осознает, что в семье недопустимо неравенство супругов, и вообще несоответствие своей семейной жизни всему нашему укладу. Если этого не поймет ее супруг, то финал их отношений легко предсказать.

В том же письме автор касается и вопроса воспитания девочки. По нашим законам, оба родителя имеют одинаковые права и обязанности по воспитанию детей. Никаких привилегий у отца нет. Они были когда-то в царской России, по законам которой муж считался главой семьи и ему принадлежало преимущественное право на воспитание детей.

По нашему же законодательству, все решения в отношении детей должны приниматься родителями совместно. Если у них нет единодушия, разногласия устраняет орган опеки и попечительства. Решение этого органа является окончательным.

Два других письма касаются имущественных взаимоотношений супругов. Но в письме А. Хомяковой говорится о настоятельном требовании мужа переехать в Запорожье. Супруги по своему согласию решают, жить ли им вместе, или в разных местах. Однако интересам крепкой семьи отвечает именно совместная жизнь. Поэтому, гарантируя право каждого из супругов на свободное решение этого вопроса, наше законодательство поощряет не раздельное, а совместное проживание членов семьи. Как известно, молодого специалиста, оканчивающего высшее или среднее учебное заведение, при распределении направляют туда, где живет и работает его супруг или супруга.

Раздельное проживание супругов бывает явлением редким и временным. И если дорожить семьей, думать надо не столько о том, нужно или нет согласие супруга на продажу дома, а о том, стоит ли рисковать семейным счастьем, оставаясь с ребенком вдали от мужа. В письме корреспондентки нет мотивов, которые приводит ее муж за переезд. А может быть, они и заслуживают внимания.

Что же касается продажи дома, являющегося общей совместной собственностью супругов, то, действительно, такая сделка не может состояться без согласия А. Хомяковой. Если бы дом принадлежал ее мужу еще до вступления в брак, он считался бы его личным имуществом и мог быть продан без ее согласия. Из текста же письма видно, что дом построен вскоре после свадьбы. По законодательству нашей страны все, что было нажито во время брака, считается общим супружеским имуществом. И каждый из супругов имеет равное право на пользование, владение и распоряжение этим имуществом.

Лотерейный билет, о котором написал А. Кузьминский, также является совместной супружеской собственностью, а не его личной. По закону, каждому из супругов принадлежит половина стоимости выигранного мотоцикла. С этой половиной А. Кузьминский мог бы затем накопить нужную сумму для покупки вожделенного мотоцикла, а его жена вправе истратить долю денег по своему усмотрению. Возможен и другой вариант: мотоцикл остается мужу, а половину его стоимости он выплачивает жене.

Конечно, поступок жены и тещи А. Кузьминского нельзя назвать благородным. Но стоит ли и по такому поводу рисковать семейным благополучием? Стоят ли 1640 рублей таких человеческих ценностей, как привязанность сына и уважение мужа? Ведь по закону брачный союз женщины и мужчины строится на свободных от материальных расчетов чувствах взаимной любви, дружбы и уважения друг друга. «Не в деньгах счастье», — говорится в народе. Думается, что все-таки не корысть руководила действиями жены и тещи А. Кузьминского. Есть ведь такая строчка в его письме, которая свидетельствует об опасениях жены: как бы не разбились родные люди на этом мотоцикле. Может быть, это самое главное. Однако попасть в аварию можно и без собственного мотоцикла.

В заключение хочется сказать, что семейное благополучие зависит от самих же супругов. От собственного поведения в семье. Конечно, закон может защитить право супруга, может разрешить конфликтную семейную ситуацию. Однако лучше супругам стремиться к тому, чтобы юридическая, если так можно выразиться, скорая помощь им не потребовалась.

„ПРИЕДЕТ ЛИ ПАПА?“

Эта история произошла в небольшом райцентре. Впрочем, такое случается и в больших городах. Только в маленьких селениях и радость и горе — все на виду. Иногда от этого легче, а иногда, наоборот, невыносимо тяжело...

Анна Ивановна Седова вполне могла считать себя счастливой женщиной. Муж — уважаемый в районе человек, не пьет, даже не курит, двое детей — сыну пятнадцать, дочери восемь лет, в доме достаток, а главное — взаимопонимание и согласие. Семейное счастье за семнадцать лет казалось устоявшимся и незыблемым. Но правду говорят: беда приходит именно тогда, когда ее меньше всего ждешь. Совсем внезапно явилась она и к Анне Ивановне в образе Таисии Гнатюк — новой сотрудницы той организации, в которой работали Анна Ивановна и ее муж Федор Петрович.

Собственно говоря, Анна Ивановна еще ничего не знала о Гнатюк, но приближение несчастья почувствовала сразу. Федор Петрович как-то «ушел в себя»: сделался рассеянно-задумчивым, равнодушным, старался как можно реже оставаться наедине с женой.

Анна Ивановна все поняла, когда однажды увидела Федора Петровича и Таисию вместе. Острая боль пронзила сердце, но, собрав силы, она прошла мимо, вытянувшись, как струна, не глядя в их сторону, будто слепая, и потом, когда муж вернулся домой, ничего не стала говорить. Да и зачем говорить, ведь за долгие годы совместной жизни они научились понимать друг друга без слов. Но были еще дети, и вот для них каждый хотел сохранить видимость благополучия. Анна Ивановна пыталась казаться веселой и беспечной, а Федор Петрович был с ней подчеркнуто вежлив.

— Ну, как там сегодня в школе, — нарочито бодрым голосом и преувеличенно заинтересованно спрашивал он сына и дочь. Но как родители ни старались, дети почувствовали фальшь в их отношениях. Вдобавок ко всему они уже кое-что слышали от людей о своих родителях. Замкнулся, стал угрюмым и раздражительным старший сын. В школе держался особняком, на уроках отвечал, глядя в пол, всячески избегал сверстников, а в свободное время почти не

выходил из дому, глотал без разбора, с ожесточением книгу за книгой, будто старался чужими мыслями отогнать свои. Дольше всех в счастливом неведении пребывала маленькая Наташка, но вот и она пристала с расспросами:

— Мам, а мам, Зинка говорит, что наш папа любит одну красивую тетю и хочет на ней жениться, это же неправда, ведь ты у нас самая красивая.

Анна Ивановна мыла посуду, руки будто кто-то разжал, и они повисли безжизненно, а звук разбившейся тарелки показался раскатом грома. Побагровел и молча вышел из кухни сын.

Наташка же как ни в чем не бывало продолжала допытываться:

— А вчера бабушка Федосеевна погладила меня по головке и почему-то сказала: «Сиротинушка ты моя». Ведь правда, я не сиротинушка. Почему она так говорит?

Отчаяние овладело женщиной, стало неважно нести свое горе в одиночку, да и не было смысла больше таиться от людей, они уже все знали. Поспешно одевшись, Анна Ивановна отправилась к тете Жене, подруге матери. И там, на плече у старой женщины, впервые дала волю слезам.

— И все-таки борись за свое счастье, Анна,— настойчиво твердила тетя Женя.

Борись! Легко сказать. А вот как? Впрочем, Анна Ивановна сейчас меньше всего думала о своем счастье, вряд ли зарубцуется и исчезнет бесследно рана, нанесенная самым близким человеком. Но вот дети, ради них она готова простить многое, ради их счастья она должна бороться. Но как же все-таки? Может быть, пойти к директору?..

И вот она сидит у краешка двухтумбового стола, заваленного кипой бумаг, уставленного многочисленными аппаратами. Мерцают красные, желтые огоньки. Петр Иванович нажимает клавиши, отдает четкие команды, читает бумаги и ставит под ними размашистые подписи.

— Продолжайте, продолжайте,— подбадривает он Анну Ивановну.

Та нервно открывает и закрывает сумочку, зачем-то роется в ней, будто именно где-то там запропастились нужные слова.

— Петр Иванович, вы уже, наверное, кое-что слышали о моем муже и Гнатюк.

— Ах да, что-то слышал. Да чепуха все это, с кем не бывает. Вот сейчас помечу в календаре: в среду вызвать Седова по личному вопросу.

— Нет, нет,— испугалась Анна Ивановна,— ни в коем случае, очень прошу, не говорите, что я у вас была.

— Хм, а что же вы тогда от меня хотите.

— Я бы хотела, вернее, я подумала: если бы Гнатюк перевести на другой участок, чтобы они реже виделись, то все бы еще могло измениться.

— М-да, это уже сложнее, ну, вы идите, а мы тут взвесим все производственные возможности.

Шел конец квартала, трещал по швам план, бегали, суетились люди, скандалили подрядчики, оправдывались поставщики. Анна Ивановна сидела среди этого шума и гама в своем углу у чертежной доски, наедине со своим горем, и порой ей казалось, что она в барокамере. Еще раз отважилась она напомнить о своей просьбе директору. Но тот только руками развел: сами, мол, видите, время какое, не до того.

— К тому же,— добавил он,— и закона такого нет, чтобы переводить человека на другое место работы без его согласия лишь потому, что возник «моральный» конфликт. Вы в местком ходите, в товарищеский суд.

Но Анна Ивановна больше никуда не пошла. Не так легко было выставлять свое горе, боль и обиду напоказ. Просить помощи — какой? Судить — что? Чувство? Нет, самое большее, на что она отважилась,— это отвести душу, пожаловаться ближайшей подруге!

Ну, а сами люди — близкие, друзья, товарищи? Разве они не видели, не знали, что происходит в семье Седовых? Конечно, знали. Одни искренне жалели и Анну Ивановну, и Федора Петровича, хотели им помочь, но не знали, как подступиться, а потому смущенно молчали, отводили в сторону глаза, другие травили душу непомерной жалостью, третьи требовали вмешательства, громких обсуждений — под их напором председатель месткома даже как-то пытался поговорить с Федором Петровичем, но из этого разговора ничего не вышло. Были и такие, что радовались возможности посудачить. Находились даже шутники — они похлопывали Федора Петровича по плечу, приговаривая:

— Что, брат, седина в бороду, бес в ребро...

С такими не посоветуешься. А жизнь в семье становилась все более мучительной. Было такое ощущение, что все ходят по канату, боясь сорваться и задеть «больную тему». И вот однажды Анна Ивановна начала укладывать чемоданы. Сын понял все без слов, а Наташка, конечно, спросила:

— Что случилось?

— Папа уезжает в командировку,— коротко объяснила мать.

И папа вышел из дому, не глядя никому в глаза. Закрылась дверь, рукам дали знать о себе два тяжелых чемодана — все, что он уносил из прежней жизни, и ни с чем не сравнимая тяжесть легла на сердце. Федор Петрович не пошел к той женщине, он снял временно комнату. И, по всему видать, как быть дальше, еще не решил.

«Кто должен помочь ему принять правильное решение,— спрашивает в письме в редакцию Анна Ивановна.— Человек он по-своему честный,— пишет она о муже,— не умеет лгать, скрывать свои чувства. Видно, увлекла его новая любовь, но знаю, верю, что и дети ему очень дороги. Меня не волнует материальная сторона. Федор Петрович, не сомневаюсь, в любом случае будет нам помогать, но детям необходимо постоянное общение с отцом. Он был им близким другом; чем ближе друг, тем тяжелее измена. Как перенесут ее дети? Каждый день Наташка спрашивает:

— Скоро ли приедет папа?

— Скоро,— отвечаю я, но полной уверенности у меня в этом нет.

Что победит — отцовский долг или внезапно вспыхнувшее чувство? Обязательства перед той, другой женщиной или желание возродить семью?

Не уверена я и в том, что смогу простить обиду, если Федор Петрович вернется. Все ли будет по-старому?»

* * *

Мы не назвали место действия и изменили имена участников событий, ибо не ставим перед собой задачу раздать «всем сестрам по серьгам» и навязать кому-то свое мнение. А рассказали все для того, чтобы вместе с вами, уважаемые читатели, поговорить о чувствах и обязанностях, о любви и долге, о сложностях в семейных отношениях, поспорить о том, какую позицию должны занимать близкие, друзья, товарищи по работе в подобных ситуациях.

Н. САНИНА

**растить
гражданина****КАК В ДУШУ ЗАГЛЯНУТЬ?**

Сидит предо мной маленький человек. Одет, как и многие его сверстники, в серо-синие «джинсы» с крупными строчками красных ниток, темную «немарку» рубаху с расстегнутым воротом, из-под которого виднеется синее плечико майки и коричневая загоревшая грудь. На ногах пыльные, довольно потрепанные сандалии неопределенного цвета и формы, как раз такие обычно покупаются со словами: «Все равно за лето разобьет».

Лицо мальчика ничем особым не примечательно, обычное для большинства подростков десяти — двенадцати лет. Волосы добела выгоревшие и промытые летними дождями, короткие. Их пытаются причесывать, но они все равно разлетаются в разные стороны.

Я смотрю на него уже минуты три. Он на меня не глядит. Отвернулся к стене.

Я знаю, что он ученик 5-го класса «А» средней школы. Имя Сергей. Фамилию называть не стану. Сережа украл карманный нож стоимостью пять рублей. Мальчик был пойман продавцом на месте преступления и доставлен в детскую комнату милиции, где мы с ним и сидим.

Я могу узнать больше. Позвонить сейчас в школу — и мне скажут:

— Сережа — ученик средних способностей, без особых увлечений. Занимался в секции футбола (или какой-нибудь другой), но бросил. Читает больше приключенческую литературу. Грубых нарушений дисциплины за ним не замечалось. С преподавателями вежлив.

— Может ли он украсть?

Этот вопрос вызывает замешательство.

— М-м-м, а почему вы спрашиваете? Он в милиции?! В детской комнате? Видите ли, трудно так сразу ответить. Я у них классным руководителем всего год. А их в классе — тридцать пять человек.

Все это я узнаю позже. Но поверхностные сведения не так уж важны. Мне хочется заглянуть в душу ребенка. Узнать общий психологический настрой человека, сложные взаимоотношения его с окружающей средой.

Нужно начинать разговор. С чего? Может быть, сразу с главного.

— Сережа, а зачем ты хотел ножик украсть? — спрашиваю как можно спокойнее.

В ответ молчание, только заерзал на стуле. Я чувствую, что не дождусь ответа, и повторяю свой вопрос.

— Поймали, ну и сажайте! — слышу в ответ.

Как реагировать на это? Оглушить, огорошить маленького человека, запугать? Показать свою силу и одновременно его беспомощность и незащищенность?

Это сделать легко. Достаточно накричать: «А ну отвечай! Ты не дома у матери!» и так далее.

Запугать легко. Но потом в душу не заглянешь. Она закроется для вас. Мальчик будет исполнять ваши требования, но без желания, без доверия к вам. А потом вдруг взбунтуется, преодолев душевный страх.

— Смотри какой! А ведь и не подумаешь, — скажут люди.

Нет, нужно разобраться, чем вызван такой ответ. Скорее всего, это попытка подражать любимым героям на допросах, которые не выдают врагу военную тайну.

Самое время объяснить мальчишке, что его никто не собирается сажать, что он не у врага в плену, а среди друзей. Поступок его достоин осуждения, но сам он не потерянный человек.

Это и объясняю ему. Сережа пока мало верит мне, и выражение лица настороженно-выжидающее.

Проходит час, а дело у нас не двигается. Я не тороплюсь. И вот наступает какой-то перелом. Лицо Сережи морщится. Говорит он с трудом, вот-вот заплачет. Наконец прерывисто произносит:

— Я не хотел воровать, но ножик был мне очень нужен.

Такой ответ для меня не нов. Я его ожидала: так говорят почти все, впервые укравшие. Выясняю, зачем ему понадобился ножик. Ведь вполне возможно, что не только ему одному он был нужен. Ребята редко затевают что-либо в одиночку. Любая их затея есть начало или продолжение игры. Знать о цели Сергея необходимо, чтобы пресечь другие проступки. Но, задавая вопросы в лоб, трудно от подростка добиться правдивого ответа. Меняю тактику и спрашиваю о книгах, которые он прочитал за последнее время. Часто именно книги или кино толкают подростка на тот или иной проступок. Даже хорошие книги. Ведь ребятам так нравится быть похожими на литературных героев или героев кино.

— Что ты читал? — спрашиваю.

— Когда?

— Ну недавно.

— Рассказы Гайдара...

— А еще?

— Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна.

Стоп, вот где соль. Произведения знаменитого писателя Марка Твена стали излюбленными для наших детей.

— Ты, наверное, из дому хотел убежать на время, как Том с Геком?

Расчет оказался, в общем-то, верным. Постепенно Сережа втягивается в разговор, и я узнаю, что ребята собирались путешествовать вчетвером, но у Сережи не было ножа. А что за путешественник без ножа? К родителям Сережа обращался, однако на его робкую просьбу они ответили отказом.

Родители... По-видимому, их не встревожила эта просьба. Они, конечно, думали: раз ребенок обут, одет и сыт, то ему больше ничего и не надо. Нет, дорогие папы и мамы. Не только одежда и обувь нужны ребенку, но и ласка, внимание к нему. И надо еще знать желания ребенка, разбираться в причинах его поступков.

Мне все ясно. Фамилий друзей Сережи я не спрашиваю. Он их не назовет. Но это я обязательно узнаю позже, другим путем.

Сережу ставлю на учет. Долго и подробно объясняю ему, что значит состоять на учете в детской комнате милиции. Стараюсь говорить не столько о дальнейшем надзоре за его поведением, сколько о том, чтобы его поскорее сняли с учета.

Он уходит. Я подхожу к окну и долго смотрю на маленькую понурю фигурку, идущую через площадь. Как встретят его родители? Наверное, побьют. Это нужно предотвратить. Ремень не лечит, калечит. Я разыскиваю Сережиных папу и маму по телефону, прошу их не горячиться. Позже они придут ко мне, и мы будем долго беседовать. И снова тревожная мысль: а как встретят Сережу в школе? И родители, и школа, и теперь я — все мы в ответе за дальнейшую судьбу мальчика.

Через неделю я встречаю Сережу. Он несется по улице и еще издали кричит мне: «Здрасьте!» Я немного успокаиваюсь.

И снова передо мной подросток. Такой и не такой, как Сережа. И опять, прежде чем начать разговор, я думаю: как ему в душу заглянуть?

г. ТЕМНИКОВ, МОРДОВСКАЯ АССР

З. РЫЖИКОВА,
инспектор детской комнаты
милиции

Отклики на статью „Не забавы ради...“

В № 10 за 1976 год опубликована статья старшего инструктора УВД Калужского облисполкома В. Михайлова «Не забавы ради...» и комментарий к ней председателя правления Союза обществ охотников и рыболовов РСФСР А. Королькова. Речь шла о необходимости упорядочить любительское рыболовство. Многие читатели откликнулись на эти выступления. Сегодня мы публикуем несколько писем.

Если взялся за удочку

У нас, на Кольском полуострове, великое множество различных рек, речушек, озер. И рыба в них водится разная — от семги до ерша. Казалось бы, при таком большом количестве водоемов ее у нас должно быть очень много. Аи нет! Вокруг таких городов, как Мурманск, Мончегорск, Оленегорск, Кировск, и многих других в речках и озерах рыбы осталось совсем мало. Выловили! Любители-рыболовы выезжают за сотню и больше километров. Добираются в самые отдаленные уголки, где рыба еще водится в обилии. Берут с собой не только удочки, но и сети, верши. А кое-кто, пользуясь бесконтрольностью, попросту «глушит» рыбу, нанося огромный ущерб государству.

Все это, естественно, не может не вызывать тревоги. И правильно В. Михайлов и А. Корольков ратуют за наведение порядка в любительском рыболовстве. Если человек решил взяться за удочку, то он должен прежде получить билет рыболова-любителя, внести членские взносы. Полученные таким образом денежные средства пойдут в первую очередь на восстановление рыбных запасов. Необходимо также улучшить контроль за правильным использованием природных ресурсов. Это позволит обуздать некоторых «любителей», которые рыбную ловлю превратили в средство постоянной наживы.

**С. ПИДМАЙСТЕРЕЦ,
Мурманск.**

Восполнять то, что взято у природы

Если в реках и озерах становится меньше рыбы, то совершенно естественно напрашивается вывод: надо восполнять то, что берется у природы. Она к нам щедра, но мы должны пользоваться этой щедростью по-хозяйски, не нанося ей непоправимого ущерба. Надо разводить рыбу, создавать нормальные условия для ее роста и размножения.

И не только в реках и озерах, но и в специально оборудованных для этой цели водоемах. Взять, скажем, старый заброшенный карьер. Находится он без дела. Но заполните его водой, начните разводить рыбу — и в скором времени он будет приносить доход. На берегу такого водоема может найтись место и для рыболовов-любителей. Для них можно даже организовать базы с продажей разовых билетов на одни сутки, с прокатом лодок и рыболовных снастей. Оборудование мест лова и легких строений для инвентаря быстро бы окупилось. Правильная организация любительского рыболовства, безусловно, закрыла бы путь различного рода браконьерам.

**А. КОЗЛОВ,
Коломна, Московская область.**

Не торопитесь обвинять рыболова

Не думаю, что рыболовы-любители наносят такой огромный ущерб рыбному хозяйству, как об этом пишут В. Михайлов и А. Корольков. Если человек пришел на берег реки с удочками, то он не причинит большого вреда. Другое дело, если он явился с сетью или с динамитной шашкой. Ну, так это уже не рыболов-любитель, а браконьер...

И путать эти две категории людей не нужно. Так же, как бессмысленно, на мой взгляд, было бы все водоемы передать в распоряжение обществ рыболовов. Получилось бы так: является человек членом такого общества — может рыбачить, не является — пусть

идет восвояси. Конечно, общество рыболовов может иметь какие-то свои водоемы, за которыми ухаживает, разводит рыбу и так далее. Например, у нас в городе Глухове есть такой водоем. Желающие покупают билет и ловят удочками положенное количество рыбы. Так же поступают и в некоторых колхозах, имеющих рыбные пруды.

Но устанавливать такой жесткий контроль повсеместно, мне думается, неразумно. Человек, пришедший на берег с удочками, не опустошит реку.

**А. СЕМЕНЕНКО,
Сумская область.**

Как загубили рыбу

Однажды мне довелось быть очевидцем случая, который возмутил меня до глубины души. В одном поселке обрабатывали сады и поля ядохимикатами. На другой день хлынул проливной дождь. Потоки мутной воды устремились в небольшое озерцо, расположенное неподалеку. К вечеру вся его поверхность была усеяна погибшей рыбой: вместе с потоками воды в озеро попали ядохимикаты.

И с тех пор озеро, раньше кишевшее рыбой, стало безжизненным. Кто в этом виноват? Руководители близлежащего колхоза? Но у них наверняка найдется оправдание: мы-де заботились о полях и садах... И все-таки виноваты именно они. Проявив заботу об одном, они совершенно упустили из виду другое. Разве станет так поступать хороший хозяин? Рыболовы-любители годами ловили здесь рыбу, не нанося сколько-нибудь существенного ущерба, а нерадивые хозяйственники одним махом загубили озеро. А сколько загублено речек, в которые предприятия спускали промышленные отходы! Вот с кого надо строго спрашивать за то, что в наших водоемах стало мало рыбы, а не с тех, кто занимается любительским рыболовством!

**Н. ПОПОВИЧ,
Оренбург.**

по следам
неопубликованных
писем

В должности восстановлена

Мариетта Григорьевна Геворкян заведовала секцией магазина № 143 в Ереване. Директор магазина освободил ее от занимаемой должности. Считая увольнение неправильным, М. Г. Геворкян обратилась с жалобой в вышестоящую организацию — Ереванский промторг. После выяснения всех обстоятельств дела директор торга издал приказ о восстановлении Геворкян в должности. Однако администрация магазина этому приказу не подчинилась.

«Кто же заставит нашего директора выполнить распоряжение вышестоящей организации?» — спрашивала в письме в редакцию тов. Геворкян.

Мы направили ее письмо в прокуратуру Армянской ССР с просьбой принять меры. Как нам сообщили, после вмешательства прокуратуры М. Г. Геворкян в должности заведующей секцией восстановлена.

Беречь лесные богатства

«Лес — всенародное богатство, и расходовать его надо разумно. Те, кто занимается лесоразработками, должны думать о завтрашнем дне», — писал в редакцию А. С. Зинковский. Далее он сообщил о фактах бесхозяйственности в Самзасском леспромхозе Советского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области.

Этот тревожный сигнал мы направили в прокуратуру района.

Результаты проверки показали, что заготовка древесины в Самзасском леспромхозе ведется с грубым нарушением установленных норм. По этим причинам в 1974 году лесхоз выплатил 39 343 рубля неустоек, а в 1975 — 35 755 рублей. Такое положение во многом объясняется отсутствием должного контроля со стороны админи-

страции за качеством работы мастеров и лесорубов. Нет порядка и в хранении заготовленного материала. Более 300 кубических метров добротной древесины валяется вдоль обочин дорог, и никаких мер для ее вывозки не принимается. Шесть тысяч кубических метров леса вывезено на замерзшее болото, поскольку все склады забиты. Вагоны для отгрузки леса поставляются в меньшем количестве, чем требуется. Неоправданно велики в хозяйстве непродуцированные потери.

По всем этим и другим фактам прокуратура Советского района Ханты-Мансийского национального округа внесла представление в Самзасский леспромхоз.

Наказаны за грубость и невнимание к запросам трудящихся

Лесорубы Балгазынского лесхоза Тувинской АССР с возмущением писали в редакцию о том, что администрация хозяйства не может организовать бесперебойно прием и вывозку заготовленной древесины. А это тормозит работу бригады. Законные просьбы рабочих об улучшении условий труда и удовлетворении материально-бытовых нужд остаются в лесхозе без внимания, а отдельные руководители грубо и неуважительно обращаются с подчиненными.

Письмо лесорубов было направлено в прокуратуру Тувинской АССР.

Как сообщил нам заместитель прокурора Тувинской АССР С. М. Булатов, изложенные выше факты подтвердились.

Начальник лесхоза А. Н. Чичикин и главный лесничий П. А. Москаленко привлечены к дисциплинарной ответственности.

Меры приняты

Рабочие Хасанского рыбокомбината Приморского края сообщили в редакцию о том, что на их предприятии нарушаются сроки выдачи заработной платы. Редакция направила эту жалобу в Приморский краевой совет профсоюзов для проверки и принятия мер.

Как нам сообщил секретарь краевого совета профсоюзов И. Подкаура, факты, изложенные в письме рабочих комбината, подтвердились. Приказом начальника «Приморрыбпрома» на директора, главного инженера и главного бухгалтера рыбокомбината наложены

строгие взыскания. Приняты меры к устранению причин, вызывающих задержку выплаты денег рабочим.

Контроль за соблюдением сроков выдачи зарплаты возложен на финансовый отдел и бухгалтерию управления «Приморрыбпром».

Чтобы лучше обслужить пассажиров

О фактах нарушения правил перевозки пассажиров в Пржевальском автотранспортном предприятии написала в редакцию тов. Павлова.

По просьбе редакции ее жалоба обсуждалась на техническом совете автобазы. Водитель Нурмамбаев, о котором шла речь в жалобе, за нарушения переведен на нижеоплачиваемую должность сроком на три месяца.

С целью улучшения обслуживания пассажиров проведен инструктаж с работниками автовокзалов и автостанций. Налажен строгий контроль за работой водителей междугородных автобусов.

Забыв о трудовом законодательстве

Незадолго до окончания смены водители автоколонн № 1 и № 2 автоуправления в г. Желтые Воды узнали: опять начальство распорядилось оставить людей на сверхурочные работы. «Совсем замучили нас сверхурочными,— написала в редакцию группа шоферов.— И при этом не считаются с трудовым законодательством».

Председатель Днепропетровского областного комитета профсоюза рабочих автотранспорта и шоссейных дорог Г. Михайлюк сообщил редакции, что претензии водителей справедливы. Начальники автоколонн Н. Гладуш и А. Черных действительно часто привлекали людей к сверхурочным работам, нарушая трудовое законодательство. Они привлечены к дисциплинарной ответственности.

Добегался...

Жительница Андигана Л. Порушева написала в редакцию о том, что отец ее ребенка В. Колюхов злостно уклоняется от уплаты алиментов.

При проверке, которую по просьбе редакции проводил Андиганский областной отдел юстиции, выяснилась невеселая история по-

хождений злостного неплательщика алиментов. Чтобы не платить деньги на ребенка, В. Конюхов переезжал с места на место, переходил с одной работы на другую. Теперь этому положен конец: против него возбудили уголовное дело.

Как сообщил редакции начальник отдела юстиции Андижанского облисполкома С. Хусанов, дело рассматривалось в городском народном суде. За злостное уклонение от уплаты алиментов Владимир Конюхов осужден на два года условно с обязательным привлечением к труду.

плечо друга

НАШИ СОСЕДИ

Не раз читала на страницах вашего журнала о том, как советские люди помогают друг другу в беде. Такие взаимоотношения стали нравственным законом нашей жизни. Хочу сказать несколько теплых слов о тех, кто постоянно проявляет заботу обо мне, о своих соседях.

Мы с мужем уже люди пожилые и в последнее время часто болеем. Наши родственники живут далеко. Но в тяжелую минуту на помощь всегда приходят соседи — они навещают нас, справляются о наших нуждах, приносят продукты, лекарства.

Однажды вечером мужу стало плохо, и «скорая помощь» увезла его в больницу. Я сама в это время была больна и поехать с ним не смогла, хотя очень волновалась за его состояние. В больницу поехала моя соседка Елена Ивановна Жукова. Она только пришла с работы и не успела даже поужинать. Елена Ивановна осталась в больнице, пока не сделали все анализы, не установили диагноз. И только после этого вернулась домой, однако прежде зашла ко мне, успокоила. А когда мужа выписали из больницы, другая наша соседка — пенсионерка Евгения Петровна Петрова поехала за ним и помогла ему добраться домой.

Мы постоянно чувствуем внимание и заботу наших соседей. И от их сердечности, доброты становится теплее на душе. Чужие люди стали для нас родными и близкими.

ГОВОРИТ НАРОДНЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ

Алла Ивановна Оровецкая — преподаватель киевского техникума советской торговли и народный заседатель Ленинградского районного народного суда.

— Человек очень серьезный, вдумчивый,— сказал о ней председатель народного суда В. В. Цибенко,— дотошный, когда речь идет о психологической мотивировке поступка. А ведь как важно понять человека.

Позже мне довелось не раз встречаться с Аллой Ивановной, и я убедилась в справедливости этой оценки. А когда начала писать об Оровецкой, пришла к выводу, что лучше всего характеризуют мою героиню ее взгляды на жизнь, ее оценки тех или иных поступков людей, понимание своей роли в суде, своего назначения в жизни, а потому и постаралась воспроизвести наиболее полно наши беседы. Вот они.

— Шестой год работаю народным заседателем. А каждый раз, когда отправляюсь на судебное заседание в суд, волнуюсь. Дома муж-геолог и сын-студент удивляются: неужели не привыкла? К преступлению же, каким бы оно ни было, привыкнуть невозможно. И каждый раз в душе ждешь чего-то оправдывающего, раскрывающего человека с другой, лучшей стороны.

Но бывает иначе: когда и человеку, и всем в зале нужно доказать ошибочность его взглядов, поступков. Вот слушалось дело о спекуляции М. Григорьевой, матери троих детей. Семья ничуть не нуждается: муж и двое старших сыновей работают, свой дом, сад,

Народный заседатель Ленинградского районного народного суда Кисева Алла Ивановна Оровецкая ведет прием граждан.

Фото М. ЧКАНА.

машина. А между тем масштабы спекуляции, в которую были втянуты и сыновья, и невестка, немалые: из Красноярска в Вильнюс, из Вильнюса в Батуми везли «дефицит». Дома был перевалочный пункт: изъяты десятки париков, платков с люрексом, мешки с мохером. Задаю вопрос старшему сыну, работнику одного из складов киностудии:

— Что вы читаете?

Он удивленно поднимает брови:

— Журналы, газеты...

— А книги?

Молча пожимает плечами.

— Давно были последний раз в театре?

— В театр не хожу.

— Может быть, учитесь в институте, техникуме?

— Даже не пытался: некогда, да и незачем. На жизнь хватает.

Внешне Станислав Григорьев — весьма уважаемый молодой человек: элегантное пальто, модный костюм, изящный «дипломат» оставил на стуле. А каково его внутреннее содержание? Пустота: ничего не умеет, ничем не интересуется...

Тем временем мать рьяно спорит с экспертом по поводу оценки изъятых париков, платков.

— Как вы думаете,— спрашиваю ее,— что завтра ответит в школе ваш сын-шестиклассник на вопрос, где мать?

Молчит, опустив голову. И мне невольно приходит мысль: как мало ценила эта женщина самое дорогое — доброе имя! А ведь наше доброе имя определяет иной раз и судьбу нашего ребенка.

Какие дела считаю наиболее сложными? Даже затрудняюсь ответить. Просто не задумывалась над этим. Каждое дело по-своему сложно и ответственно — судят ли человека за преступление или рассматривается гражданский иск.

Вот недавно слушали дело о разводе. Он — летчик, она до недавнего времени не работала. Двое детей — погодков: четырнадцати и пятнадцати лет. Мать предъявляет суду их письма, адресованные отцу: вот, мол, как они его обвиняют.

«Ты лентяй и трус»,— пишет отцу дочь. Если бы она написала, что отец злой, жестокий... Но как должны быть смещены понятия, чтобы человека самой бесстрашной профессии — летчика — назвать трусом? Или лентяем? А кто же обеспечивал их все эти годы, на чьи деньги они приобретали хрусталь, отрезы, которые ныне не могут поделить?

А чего стоят такие строки сына: «Разве тебе не стыдно, что я ношу мамин свитер?» Вот в чем стыд увидел: не в том, что мать в школу вызывают из-за плохих оценок,— свитер ему подавай новый, да самый модный. И вот эти подростки, гроша ломаного не заработавшие в жизни, делят вещи родителей. В колснке, озаглавленной «нам», они пишут: «Деньги — две тысячи, магнитофон, секретер...» Стиральную машину, пылесос — выделяют отцу.

— Скажите,— обращаюсь к матери,— ваша дочь белье стирает?

— Нет, зачем же, ей некогда... стираю я.

Значит, мать может постирать и вручную, а вот магнитофон — как же это без него современному малолетнему «денди».

Пока суд пытается разъяснить матери пагубность занятых ею позиций, указать на ростки стяжательства, иждивенчества в детях, отец стоит, гордо подняв голову: вот, мол, до чего довела. А разве он не причастен: можно поделить квартиру, имущество, но в воспитании каждый из родителей ответствен на все сто процентов. И здесь нет скидок. Когда суд уже собирается выносить решение, мать вдруг просит не приобщать письма детей к делу, а отец — отложить рассмотрение дела: попытаемся, мол, договориться сами. Оба выходят из зала, низко опустив головы. Может быть, поймут, что не деньги

делят, не хрусталь, а разменивают на тряпки свое человеческое достоинство и будущее детей. И если поймут — значит, дело выиграли мы, состав суда, а главное — взаимоотношения в этой сложной семье изменятся к лучшему.

Между прочим, считаю: если даже женщина не работает, она должна участвовать в общественной жизни. А когда речь идет о воспитании детей, это очень важно.

Я тоже когда-то, окончив университет, уехала с мужем-геологом в тайгу. Сразу по специальности устроиться не удалось. Начала с общественной работы. Это удивительное чувство своей нужности людям. Считаю, современной женщине мало семьи, ей нужно многое, чтобы быть хорошей матерью.

Каждое дело в суде — это урок, задача, в которой никто не знает конечного ответа. Но все мы стремимся решить ее: и народный судья, Клавдия Александровна Тимофеева, с которой вместе ищем «психологический ключ», и народный заседатель Любовь Васильевна Годилю.

Все трое, уходя домой, думаем об одном, взвешиваем... Потому что в любом случае закон должен помогать человеку. А мы причастны к исполнению закона. Даже когда дело не слушается в суде.

Как-то обратились ко мне две студентки-заочницы, продавцы одного из магазинов:

— В соответствии с Кодексом законов о труде УССР, сверхурочная работа должна оплачиваться, а нам дают отгулы.

— А вы пробовали сами навести порядок?

— Пробовали, но нас не слушают...

Приходится вмешиваться, помогать девушкам отстоять свои права.

А как нас однажды бывший рецидивист Н. удивил: букет цветов принес в суд! Думаю, за то, что по поручению председателя я встречалась с женщиной, с которой Н. решил связать судьбу, с ее родителями. Опасались мы, как бы те неосторожно, невзначай не отпугнули недоверием человека, ставшего на правильный и честный путь.

Ошибка в судебном деле, какой страшной бедой для человека может обернуться! Вот почему каждое дело шестой год слушаю, как в первом своем заседании, — с тревогой и волнением. Нет дел похожих, и ни одно нельзя решить, как предыдущее...

КНИГ МНОГО И КНИГ... МАЛО

ИНТЕРВЬЮ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогая редакция!

Книга играет большую воспитательную роль в нравственном формировании людей. Лучшие произведения художественной литературы пробуждают в них отвагу, мужество, честность, доброту, уважение к закону. Книга подчас убережет человека от дурного поступка. Давно замечено, что среди тех, кто совершил преступления, подавляющее большинство не помнят, когда в последний раз брали в руки книгу...

Казалось бы, учитывая это, надо всемерно стремиться к тому, чтобы книга была постоянным спутником человека. Однако в магазинах у нас очень мало хорошей художественной литературы. Стало большой проблемой купить произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого, А. Толстого, Чехова, Горького, Фадеева, Шолохова, Твардовского и многих других писателей.

Нехватка литературы привела к появлению «черных рынков» и дельцов, занимающихся куплей и перепродажей отдельных книг и подписных изданий. Борьбы с книжными спекулянтами почти не ведется.

**В. ФРОЛОВ,
ЛЕНИНГРАД.**

Прочитала в вашем журнале, как одна читательница из Златоуста пожаловалась на то, что у них хорошие книги продают в подарочном наборе, нарушая правила торговли. А мы вот не можем приобрести их даже таким путем. В книжных магазинах Душанбе буквально купить нечего.

Узнав через газету «Книжное обозрение» об очередной новинке, спрашиваешь в магазине: когда она будет в продаже? Ответов два: либо она еще не поступала, либо ее уже нет.

**Л. КОНДРАТЬЕВА,
ДУШАНБЕ.**

Редакция журнала обратилась к старшему редактору Главной редакции художественной литературы Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Инессе Васильевне Быковой с просьбой ответить на интересующие читателей вопросы.

Сразу скажу, что нас, издательских работников, крайне беспокоит тот разрыв между потребностями книжного рынка и реальными возможностями издательств, который так явственно обнаружился в последние годы. Одна из причин такого положения — нехватка бумажных ресурсов. Причем речь идет не о бумаге вообще, а о ее печатных сортах, которых, к сожалению, не хватает. И не потому, что в стране сократился выпуск бумаги: астрономически возрос спрос на книги и другие виды изданий. Тиражи книг в 50, 100, даже 200 тысяч экземпляров, которые еще недавно удовлетворяли потребности рынка, сейчас уже недостаточны. Возникает необходимость издавать книги миллионными тиражами. Эту сложную проблему нельзя решить без дополнительного увеличения производства печатных сортов бумаги и дальнейшего расширения полиграфической базы в стране.

Чем можно объяснить столь резко возросший спрос на книги? Прежде всего повышением общего материального и духовного уровня жизни советского народа, развитием культуры, расширением сети образования и стремительным размахом жилищного строительства. «Личные библиотеки», «домашние библиотеки» стали естественной приметой квартир, вошли в быт многих семей. Это прекрасное явление имеет и оборотную сторону, осложняющую всю систему книгообмена. Книга, попадая в домашнюю библиотеку, исключается из общего оборота. Удовлетворить же спрос каждой семьи на книжные новинки, сами понимаете, практически невозможно. Следует заметить также, что повышенным спросом у читателей пользуются не какие-то отдельные книги, а почти все виды литературы. В частности, общественно-политические, художественные, детские, научные книги, энциклопедические издания, справочники, словари, антологии, издания по искусству и так далее. Среди них, как показывает статистика, наибольшая неудовлетворенность спроса в художественной и детской литературе.

Подчас раздаются голоса: «Сократите выпуск таких-то видов литературы, и проблема книжного дефицита будет решена». Должна сказать, что около семидесяти процентов всех бумажных ресурсов, которыми располагает Госкомиздат СССР, расходуется на издание учебников, художественной и детской литературы, то есть книг, пользующихся наиболее повышенным спросом. И только тридцать процентов бумаги идет на другие виды литературы, спрос на которые также, к сожалению, полностью не удовлетворяется. Дальнейшее сокращение издания этих видов литературы, на наш взгляд, было бы неоправданным. Сейчас наши усилия направлены на то, чтобы полнее удовлетворить читательский спрос за счет более эффективного использования внутренних резервов — совершенствования планирования, тиражирования, всего редакционно-издательского процесса.

Госкомиздатом СССР разработана широкая система мероприятий, направленных на увеличение выпуска печатных изданий за счет экономии и более рационального использования бумаги. С 1976 года выпуск некоторых видов литературы сократился на десять процентов, а ведомственных изданий — почти на одну треть. Установлены предельные объемы для монографий, научных трудов и некоторых других книг узкого спроса. Сэкономленная таким образом бумага, как и весь планируемый прирост бумажных ресурсов, предназначается для выпуска художественной и детской литературы, а также других популярных изданий.

Установлены более жесткие критерии при формировании издательских планов. Например, в последние годы из тематических планов выпуска было исключено свыше 2,5 тысячи названий книг, не пользующихся активным спросом читателей.

Издательства сейчас стремятся выпускать в первую очередь книги, необходимые преподавателям и учащимся средних и высших учебных заведений: учебники, учебные пособия, а также произведения художественной литературы, которые предусмотрены учебными программами.

Большим спросом пользуется массовая серия «Школьная библиотека». Многие включенные в нее произведения, принадлежащие перу отечественных и зарубежных классиков, пополнили в последние годы фонды школьных библиотек. В минувшем году в этой серии вышло более 50 миллионов экземпляров книг.

Тем же целям служат массовые издания собраний сочинений, избранных произведений в одном, двух и трех томах, отдельные романы и повести, сборники рассказов, поэм и стихотворений, созданных классиками мировой литературы. Эти книги выпускаются многими издательствами страны.

Но произведения классической литературы нужны не только школьникам и студентам. Поэтому Госкомиздат СССР направляет усилия на всемерное увеличение выпуска этих изданий.

Например, когда отмечалась 175-я годовщина со дня рождения великого русского поэта Пушкина, в стране было выпущено почти 18 миллионов книг с его произведениями. Общий тираж произведений Л. Толстого за последние несколько лет составил около 40 миллионов экземпляров. Более 27 миллионов экземпляров книг М. Горького вышло в свет за этот же период. Почти пятнадцатимиллионными тиражами изданы рассказы, повести, пьесы Чехова, так же как и произведения Шолохова. Романы Фадеева «Молодая гвардия» и Н. Островского «Как закалялась сталь» выпущены тиражами, превышающими 8,5 миллиона экземпляров каждый. Около 2 миллионов экземпляров книг Пушкина, Гоголя, Некрасова и других классиков отечественной литературы выпустили в течение года за счет своих бумажных ресурсов отраслевые издательства «Недра», «Металлургия», Стройиздат и другие.

Большое внимание уделяется выпуску произведений современных писателей. Широкую известность читателей завоевал «Роман-газета», разовый тираж которой сейчас превышает полтора миллиона экземпляров. Ежегодно в двадцати четырех выпусках этого печатного органа публикуются наиболее значительные произведения, созданные советскими писателями и прогрессивными авторами за-

рубежных стран. Многие центральные и республиканские издательства неоднократно переиздают выдающиеся произведения советской многонациональной литературы, и тиражи этих изданий исчисляются сотнями тысяч экземпляров.

И все же еще не каждый книголюб может приобрести для личной библиотеки всякое интересующее его издание.

Чтобы читатель имел доступ к каждой нужной ему книге, Госкомиздат СССР и Министерство культуры СССР приняли совместное решение о регулярном издании специальной «Библиотечной серии». Тиражи книг, выпускаемых в ней, направляются только в доступные каждому читателю массовые библиотеки, книжные фонды которых увеличились за последние три года почти на 25 миллионов экземпляров. В минувшем году в этой серии выпущено около 10 миллионов экземпляров книг.

Наряду с этим Госкомиздат СССР принимает меры к дальнейшему расширению выпуска произведений дореволюционной, советской и зарубежной классики, направляемых в розничную продажу. В прошлом году в книжные магазины поступили первые книги из новой массовой серии издательства «Художественная литература». Они выпущены в ярких лакированных обложках и, несомненно, привлекают внимание книголюбов. Издания этой серии выходят тиражами от 500 тысяч до 1 миллиона экземпляров. Здесь представлены книги Н. Гоголя, Ф. Достоевского, М. Лермонтова, А. Пушкина, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова, М. Горького, С. Есенина, В. Маяковского, Р. Бернса и другие. В течение десятой пятилетки будет выпущено около 100 миллионов экземпляров таких книг.

После завершения выпуска 200-томной «Библиотеки всемирной литературы» в 1977 году начнет выходить «Библиотека классики», которая объединит однотомники избранных произведений дореволюционных, советских и зарубежных писателей. Она будет выпускаться тиражами до миллиона экземпляров и поступать только в розничную продажу, без объявления подписки.

Как видите, Госкомиздат СССР волнуют проблемы, связанные с выпуском художественной литературы. С учетом имеющихся возможностей принимаются меры, чтобы обеспечить читателей наиболее нужными им изданиями.

Разговор с нашим корреспондентом продолжает начальник Главного управления книжной торговли и пропаганды книги Госкомиздата СССР Георгий Павлович Сафронов.

— Георгий Павлович, в том, чтобы книга художественная, общественно-политическая или научная вовремя дошла до покупателя, немалая роль, видимо, принадлежит работникам книжной торговли?

— Разумеется. Выйдя из типографии, книга попадает в магазин. И очень важно в этот момент добиться того, чтобы она привлекла внимание и заинтересовала покупателя. Если вы зайдете, к примеру, в Московский дом книги, то непременно услышите голос диктора, рассказывающего об очередной новинке. Сообщается не только о содержании той или иной книги, но и о том, какому кругу читателей она адресована и в каком отделе ее можно купить в данный момент.

Для пропаганды книги используются различные формы наглядной агитации. Правильно организовать торговлю — значит помочь покупателю разобраться в необъятном книжном море. Эту ответственную и трудоемкую работу выполняет большая армия работников книготорговли. За последнее время у нас заметно увеличилось число книжных магазинов. Проектируется, скажем, микрорайон. И в числе обязательных объектов планируются книжные магазины. Строятся они не только в городах, но и в районных центрах, селах, поселках городского типа. Сейчас их по стране насчитывается 16 тысяч. А если сюда прибавить еще и киоски, то общее число книжных торговых точек составит 60 тысяч. Кроме того, нам помогает миллион общественных распространителей книги, которые действуют на предприятиях, в учреждениях и колхозах. О результатах организации книжной торговли, на мой взгляд, красноречиво говорят следующие цифры. В 1976 году по сравнению с 1975 годом было продано книг и другой печатной продукции на 27 миллионов рублей больше, чем это предусматривалось по плану. Кроме того, у населения за девять месяцев было куплено и затем реализовано через букинистические магазины на 26,2 миллиона рублей различных изданий.

— **И все же, как свидетельствует редакционная почта, книг, особенно художественных и детских, не хватает.**

— Наверное, потому, что трудно объять необъятное. Еще пятнадцать — двадцать лет назад нам и не снились тиражи, которыми издаются книги сегодня. И тем не менее со всех сторон только и слышишь: «Мало!..» Сколько же нужно? Миллион? Два? Три? Но и в этом случае не каждому достанется то или иное издание. Тем более что наряду с похвальным стремлением громадного большинства людей к книге как к источнику знаний, другу, советчику наблюдается среди отдельных людей своего рода «мода» на книгу. Они зачастую оценивают ее не по содержанию, не по идейной направленности, а по внешнему виду, по тому, «смотрится» ли она в общем интерьере квартиры. Попав в руки такого «ценителя» литературы, книга бесполезно пылится на полке, не принося людям ни радости, ни удовлетворения. А истинный любитель в это время тщетно пытается ее отыскать.

— **В последнее время в магазинах появились достаточно популярные издания, которые можно приобрести, но при условии сдачи макулатуры.**

— Начатое в порядке эксперимента несколько лет назад, это новшество сейчас прочно вошло в нашу книготорговую практику. Тем самым решаются две задачи. Население мобилизуется на сдачу макулатуры — ценного бумажного сырья, необходимого для промышленности. И одновременно в известной степени удовлетворяется спрос людей на отдельные, наиболее читаемые книги.

— **Продаются ли эти же книги без талонов?**

— Нет. Они имеют строго целевое назначение: продажа их разрешена только по предъявлении талонов о сдаче макулатуры.

— **Между тем популярная детская книжка Н. Носова «Веселая семейка», продававшаяся раньше по талонам, впоследствии была пущена в свободную продажу. Как это получилось?**

— Объясняется это следующим обстоятельством. Адресованная

в основном школьникам, «Веселая семейка» не нашла широкого спроса у всех категорий покупателей, как это было с остальными изданиями. Чтобы не создавать затоваривания, мы, с согласия Госснаба СССР (оно в таких случаях обязательно), распродали ее без талонов. А вообще этот случай лишней раз свидетельствует о том, насколько сложна конъюнктура книжного рынка. Учитывать приходится очень многое, и в первую очередь пожелания покупателей. Некоторые из них, к примеру, выразили недовольство тем, что сказки Андерсена и произведения Конан Дойля были выпущены в мягкой обложке. Читатели высказывают свои мнения и по художественному оформлению изданных книг. Совместно с издательскими работниками мы тщательно изучаем эти советы и предложения. Они, несомненно, будут учтены при выпуске последующих изданий.

— В редакционной почте встречаются письма, авторы которых сетуют на то, что трудно приобрести книги, рекомендованные школьникам для внеклассного чтения. Так, Л. Королева из Ярославля пишет, что она нигде не может купить литературу из серии «Школьная библиотека».

— Само название этой серии уже указывает на то, где должны находиться входящие в нее книги — в школьной библиотеке. Для этого она, собственно, и задумывалась с самого начала. Лучшие произведения литературы, рекомендованные школьникам для внеклассного чтения, составляют книжный фонд каждой школы, предназначенный для многократного пользования. В свободную продажу книги из этой серии не поступают. Учитывая те трудности, с которыми сталкиваются родители при поиске книг для детей (не из серии «Школьная библиотека»), мы стремимся к тому, чтобы выпускаемая литература в определенной пропорции шла в библиотеки, где ее могли бы читать дети. Недавно, например, прошла подписка на Всемирную детскую литературу. Тираж этих книг будет составлять 400 тысяч экземпляров. Из них 200 тысяч экземпляров предназначено для библиотек.

— С подписными изданиями особенно сложно. Многим, конечно, хотелось бы иметь то или иное собрание сочинений.

— Да, тут спрос во много раз превышает предложение. Тиражи подписных изданий растут, но еще стремительнее увеличивается число любителей книг. Недавно мы провели обследование, в ходе которого выяснилось, что сейчас подавляющее большинство населения имеет личные библиотеки. Естественно, подписных изданий для каждого желающего, как бы мы ни стремились к этому, не хватит.

— Некоторые читатели высказывают претензии, что в руках отдельных лиц оказывается по нескольку квитанций на одни и те же подписные издания и они ими спекулируют.

— Явление это, конечно, не может не вызывать тревоги. В связи с повышенным спросом на книги появились своего рода книжные дельцы, которые наживаются на этом. Они постоянно находятся возле книжных магазинов и, как только появляется какая-либо новинка, оказываются в числе первых покупателей. Ухитряются они проворачивать свои махинации и во время проведения подписок на собрания сочинений. Однако здесь следует учесть одно обстоятельство. Еще задолго до подписки у магазинов обычно создаются очереди. Составляются списки. В определенные дни проводятся пере-

клички. Иными словами, покупатели сами регулируют этот процесс и могут разоблачить книжных дельцов, пытающихся заполучить сразу несколько квитанций на одно издание. К сожалению, граждане не всегда разоблачают спекулянтов книгами.

— **А что делают работники книжных магазинов, чтобы при подписке в одни руки не попадало несколько изданий?**

— Сейчас несколько изменен порядок подписки на собрания сочинений. Покупатель обязан предъявить паспорт. Его фамилия и адрес заносятся на квитанцию, по которой он впоследствии будет получать очередные тома, а также в абонементную карточку, которая хранится в магазине. Думаю, что это будет серьезным препятствием для тех, кто пытается нажиться на подписных изданиях. Кроме того, установлено правило, по которому подписка в книжных магазинах, скажем, Москвы производится только для москвичей, в Киеве — для киевлян и так далее.

— **В последнее время подписные издания распространяются по крупным предприятиям. Оправдывает ли себя такая практика?**

— Да. Ее достоинство в том, что доступ к подписным изданиям получают люди, занятые на производстве. Но нам иногда предъявляют претензии, что такой льготы лишены относительно небольшие предприятия, а также некоторые организации и учреждения. Думаю, что нам еще придется вернуться к этому вопросу. Надо совершенствовать такую практику.

— **При подписке покупателю попадает один экземпляр собрания сочинений. А если книги продаются в розницу?**

— До недавнего времени в магазинах можно было наблюдать такую картину. Завезли очередную новинку, пользующуюся повышенным спросом. Покупатель просит отпустить ему, скажем, пять экземпляров. Возникает резонный вопрос: зачем ему сразу столько экземпляров одной и той же книги? Для родственников, друзей, знакомых? К сожалению, нередко этого же покупателя вы потом увидите на одном из подозрительных книжных «толчков», где он продает книги по стоимости, в несколько раз превышающей номинальную.

— **Иначе говоря, спекулирует?**

— Совершенно верно, это самая настоящая спекуляция. И что поразительно: подобными неблагоприятными делами занимаются и люди вполне обеспеченные, пользующиеся авторитетом и уважением на работе. Соблюдая внешнюю благопристойность, человек почему-то не считает зазорным сбыть втридорога книгу, пользующуюся повышенным спросом. Назовите его спекулянтом, так еще оскорбится. Отчего это происходит? На мой взгляд, от безнаказанности. Если кто-то систематически скупает в магазинах товары и затем перепродает по спекулятивным ценам, то его привлекают к уголовной ответственности. Судебная практика может привести немало таких примеров. Но если человек продает по спекулятивным ценам книги, это ему, как правило, сходит с рук. Разве что оштрафуют. А то и вообще дело ограничивается простым увещеванием. А почему, собственно, такая мягкость? В законе ведь есть статья, карающая подобного рода дельцов. Мне думается, ее надо чаще применять против тех, кто сделал спекуляцию книгами источником постоянной наживы. В настоящее время введен порядок: продавать литературу по-

вышенного спроса не более чем по одному экземпляру каждого названия на покупателя, включая издания, купленные у населения.

— Наверное, следует наказывать по закону и тех, кто потворствует спекулянтам, продавая им «из-под полы» дефицитную литературу?

— Само собой разумеется.

— А как, на ваш взгляд, Георгий Павлович, разрешить такую ситуацию, о которой пишет нам читательница А. Воронова. Однажды она зашла в магазин, где продавалась популярная книга «Животный мир Земли», и когда подошла ее очередь, продавщица последний экземпляр сунула под прилавок, сказав, что оставляет его для себя.

— Продавец не имела права это делать. Есть специальная инструкция, где прямо говорится, что продажа товаров работникам книжных магазинов в каждом случае допускается только с разрешения и под контролем администрации магазина. И уж во всяком случае купленная таким образом книга не должна храниться под прилавком.

— Теперь скажите о практике продажи книг с нагрузкой, которая вызывает со стороны покупателей серьезные нарекания.

— Речь идет о книжных подарочных наборах. Это хорошее начинание, но по вине отдельных книготорговых работников подчас приносит покупателям немало огорчений. В самом деле, подходит покупатель к прилавку, видит нарядно оформленный подарок, завернутый в целлофан, перевязанный лентой. Но рядом с хорошей художественной или научно-популярной книгой там, к его недоумению, оказывается какой-нибудь давным-давно устаревший справочник или издание, предназначенное для узкого круга специалистов. Спрашивается, для чего же покупатель будет брать книгу, которая ему совершенно не нужна? И мы всякий раз указываем работникам книжных магазинов на порочность такой практики. Если уж решили скомплектовать для покупателей подарок, то в него должны входить приблизительно равноценные по содержанию книги. Чтобы он действительно соответствовал своему названию.

— Ну а если покупателю из подарочного набора приглянулась только какая-нибудь одна книга?

— Он вправе потребовать, чтобы набор разукomплектовали и ему продали то, что его интересует.

— Чтобы вовремя устранять эти и другие нарушения, нужен контроль за деятельностью книжных магазинов. Кто этим занимается?

— По ведомственной линии — вышестоящие торговые организации. В части соблюдения правил торговли и цен, качества продаваемых товаров, порядка ведения книги жалоб и предложений контроль за работой магазина осуществляет также государственная инспекция по качеству товаров в торговле. Соблюдение цен контролируется, кроме того, органами Государственного Комитета цен Совета Министров СССР и соответствующей комиссией исполкома местного Совета депутатов трудящихся, которая контролирует также и соблюдение правил торговли. Книжные магазины контролируются комиссиями и группами местных комитетов профсоюзов, а также органами народного контроля (в пределах компетенции, предоставленной им законом).

Недавно Госкомиздат СССР издал приказ, направленный на уси-

ление контроля за соблюдением правил торговли и устранение недостатков в реализации литературы повышенного спроса в розничной книготорговой сети. Намечено систематически проводить плановые и внеплановые рейды по проверке работы книжных магазинов, шире привлекать к ним профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации. При оформлении подписки на лимитированные издания двадцать процентов от общего лимита, полученного магазином, выделяется для инвалидов Отечественной войны I и II групп, Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, кавалеров орденов Славы трех степеней. Более четко регламентирован порядок продажи литературы повышенного спроса. В каждом книготорговом предприятии выделены лица, ответственные за ее учет и отпуск. С оптовых баз такие книги отпускаются только по разрешению руководства и соответственно учитываются. Введен строгий учет литературы повышенного спроса, хранящейся в магазинах в виде резервов. Книги, пользующиеся особой популярностью среди покупателей, отпускаются только в порядке общей очереди. Кроме того, они выделяются народным книжным магазинам и бригадам общественных книгораспространителей для продажи непосредственно на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях. В приказе Госкомиздата СССР еще раз подчеркивается: продажа книг с «нагрузкой» недопустима. На руководителей книготоргов и работников книжных магазинов возложена обязанность: оказывать содействие органам милиции по усилению борьбы со спекуляцией книгами — как в торговых залах магазинов, так и в непосредственной близости от них.

— Позвольте, **Георгий Павлович**, задать вам последний вопрос: учитываются ли предложения покупателей об издании той или иной литературы?

— Работники книжной торговли тщательно изучают конъюнктуру книжного рынка. Путем опроса покупателей выясняется, какая литература пользуется особенной популярностью. Полученная таким образом информация обрабатывается, анализируется, а затем в издательства представляются списки литературы, которую, на наш взгляд, следовало бы издать или переиздать. Издательства прислушиваются к нашим рекомендациям при составлении тематических планов. Большую работу по изучению читательского спроса проводят группы специализированных магазинов, тесно связанные с каким-то одним издательством (например, Политиздатом, «Молодой гвардией»). Им особенно наглядно видно, как расходуется выпускаемая литература и что нужно издавать в будущем.

В завершение наш корреспондент встретился и побеседовал с кандидатом юридических наук, старшим научным сотрудником ВНИИ МВД СССР Анной Трофимовной Ивановой. Вот что она рассказала.

Справедливо отмечено: пользуюсь тем, что не хватает книг, отдельные лица скупают дефицитные издания, перепродают

их затем по спекулятивным ценам. Борьбa с этим нужно различными мерами, в том числе и правовыми.

Спекуляция — одно из опасных посягательств на нормальное функционирование советской торговли. Она причиняет ущерб — нередко значительный — интересам покупателей. Лица, занимающиеся спекуляцией, как правило, ведут паразитический образ жизни, живут за счет результатов труда других граждан.

Закон определяет спекуляцию как скупку и перепродажу товаров или иных предметов с целью наживы. Если, скажем, человек продал какую-то вещь, которая досталась ему по наследству, была подарена или выиграна по лотерейному билету, то это уже не может рассматриваться как спекуляция. Так же, как нельзя считать спекуляцией случайную продажу вещей, приобретенных для личного пользования, а не для продажи.

Нередко оказывается, что, скупив для продажи те или иные предметы, виновный, по не зависящим от него обстоятельствам, не смог их реализовать (например, вследствие поступления в достаточном количестве таких товаров в торговую сеть). В этом случае его действия квалифицируются как покушение на спекуляцию. Перепродажа даже незначительной части скупленных товаров рассматривается как окончательное преступление.

Предметом спекуляции могут быть любые товары, в том числе и книги. Поэтому все нормы действующего законодательства, устанавливающие ответственность за этот вид преступления, применяются и к лицам, которые с целью наживы скупают книги и перепродают их по повышенным ценам.

Ответственность за спекуляцию может быть администра-

тивной и уголовной. При решении вопроса о привлечении виновных к ответственности учитывается степень общественной опасности спекулятивной деятельности. Принимается во внимание и объем скупаемых и перепродаваемых товаров, их стоимость, размер полученной или предполагаемой выгоды и ряд других обстоятельств. Исходя из этого, законом регламентирована ответственность за мелкую спекуляцию (административное правонарушение) и спекуляцию (преступление).

За мелкую спекуляцию установлена административная ответственность. Скупка и перепродажа в небольших размерах товаров народного потребления, в том числе книг, с целью наживы, совершенная впервые, наказывается административным арестом на срок от 3 до 15 суток или штрафом до 50 рублей. Предметы спекуляции в обязательном порядке конфискуются в доход государства. С учетом личности нарушителя и характера совершенного им проступка, материалы о лицах, впервые совершивших мелкую спекуляцию, могут быть направлены в общественные организации, коллективы трудящихся и товарищеские суды для применения мер общественного воздействия.

Постановление народного судьи о применении к виновному мер административного воздействия окончательно и обжалованию не подлежит.

К административной ответственности за спекуляцию могут быть привлечены лица, достигшие шестнадцати лет.

Если к человеку применялись меры административного или общественного воздействия, но он не сделал надлежащих выво-

дов и продолжает заниматься мелкой спекуляцией, то за это следует уже уголовная ответственность. Наказание — лишение свободы на срок до одного года, или исправительные работы на тот же срок, или штраф до 200 рублей с конфискацией предметов спекуляции.

Уголовная ответственность за спекуляцию установлена статьей 154 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик. В ее первой части квалифицируется спекуляция без отягчающих обстоятельств. Она наказывается лишением свободы на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до 300 рублей. При определении наказания учитывается количество скупаемых и перепродаваемых товаров, а также размер наживы, получаемой в результате преступной спекулятивной деятельности.

Наибольшую общественную опасность представляет спеку-

ляция в виде промысла или в крупных размерах, отнесенная законом к числу тяжких преступлений. Спекуляцией в виде промысла признается такая деятельность, которая является более или менее постоянным источником наживы, паразитического существования виновного. Под спекуляцией в крупных размерах понимается скупка и перепродажа товаров в большом количестве или большой ценности, хотя бы эти действия и не совершались в виде промысла. В ряде союзных республик (Украинская ССР, Белорусская ССР, Грузинская ССР и других) к числу отягчающих обстоятельств отнесено совершение спекуляции лицом, признанным особо опасным рецидивистом.

В борьбе со спекуляцией, и книгами в частности, следует активнее использовать предусмотренные законом меры. Большую помощь в выявлении книжных дельцов и привлечении их к ответственности может оказать широкая общественность.

8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Секретарь судебного заседания Бауманского районного народного суда Москвы Елена Владимировна Степанова.

8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Старший инспектор отдела загса исполкома Октябрьского райсовета Москвы Лидия Васильевна Коваленко.

Справа вверху: нотариус Вяземской государственной нотариальной конторы Смоленской области Людмила Всеволодовна Гончарова.

Справа внизу: судебный исполнитель Московского районного народного суда г. Калининна Мария Владимировна Кириллова.

8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Народный заседатель Ровенского районного народного суда, секретарь правления колхоза «Заря коммунизма» Клавдия Андреевна Звинчук.

Фото В. Зимина.

Загс, пожалуй, единственное учреждение, где, словно в фокусе, неизбежно сходятся и расходятся пути нашей жизни. Начиная с появления человека на свет вплоть до его кончины здесь прослеживаются все происходившие с ним важные события.

ЗА ДВЕРЯМИ ЗАГСА

О Ч Е Р К

Документально строго тут удостоверяется, когда и где он родился, когда и с кем вступил в брак; если не повезло при первом супружестве, то когда развелся и, опять же, с кем заключил новый; какую фамилию носил и какую стал носить; когда и сколько родил или усыновил детей; в какое время, на ком (за кого) те, в свою очередь, женились (вышли замуж)...

Не проходит мимо загса и та скорбная сторона человеческого бытия, когда приходится заполнять странички акта о смерти. Но и в нем будет все скрупулезно зафиксировано: кто, когда, где, от чего и на каком году жизни.

...Елена Парфеновна Семенова вот уже более четверти века заведует районным загсом в Щучине, под Гродно. И неправда, что ее будни заполнены одними бумажными делами. Елена Парфеновна хорошо знает: за любой справкой, свидетельством здесь всегда стоит судьба человека.

...Когда-то, еще при панской Польше, тетка Адольфина убавила себе целых восемь лет, выходя замуж, теперь спохватилась: возраст подошел пенсионный, а по документам еще работать нужно и работать. Пришла хлопотать о восстановлении фактического года рождения.

Точной даты не помнит, утверждает, что крестили ее на зелены, то есть по-белорусски — в августе в Каменском костеле. Пропахшие тленом костельные книги без алфавита, приходится просматривать каждую страницу. И главное, нет уверенности, что найдется нужная запись. Раньше, если нечем было заплатить, ксендз мог вовсе не записать окрещенное дитя в книгу.

Наконец попадает запись о крещении в августе семнадцатого года девочки. Совпадают фамилия, имена родителей. Только окрещенная названа не Адольфиной, а Софьей.

Что же делать? Как помочь человеку? Заведующая загсом знает, что местные селяне традиционно чтут свидетелей крещения, а они указаны в актовой книге.

— Вы не забыли, как звали крестных? Постарайтесь припомнить.

— Как можно забыть, пани — крестные у меня одни. Дядька Юзеф Дорошкевич, царство ему небесное, и тетка Терезия.

В костельной книге указаны именно эти сведения, и женщине восстанавливают настоящий возраст...

И так изо дня в день. Молодую пару, с веселым шепотом заполнившую бланки для вступающих в брак, сменяет безутешно плачущая старушка в черном платке; счастливых родителей, получающих метрику ребенка, — угрюмые разводящиеся супруги...

Едва выдалась свободная минутка, как Елена Парфеновна заторопилась.

— Наташенька, — говорит она инспектору Прокофьевой, — я ненадолго в больницу забегу. Представляешь, лежит больной, врач сказала: совсем плохой. Оказывается, не расписаны с женой. Хочет оформить брак. Жалко не могу как. Уже руки дрожат, буквы плясать будут.

— Елена Парфеновна, Юрий и Ежи — одно имя?

— Ежи, Юрий, Георгий — все одно и то же, — отвечает заведующая, листая документы. — Господи, уже и Нина будет регистрировать своего ребеночка!

— Какая Нина?

— Постой, когда же это я Левиных регистрировала? Ну да, в сорок шестом. В сорок седьмом у них, помню, родилась Светлана, в пятьдесят пятом — Нина. И вот уж у нее ребеночек...

Есть в Щучинском загсе записи, относящиеся и к жизни самой Елены Парфеновны. Родилась она в 1922 году, на Минщине. В сорок

восьмом сменила девичью фамилию Мовчанская на фамилию мужа — Федора Андреевича Семенова. В сорок девятом супруги получили свидетельство о рождении дочери Светланы. В шестьдесят третьем умер муж. С горьким, тяжелым чувством пришлось Елене Парфеновне оформить последний документ супруга...

И все же актовые записи не могут рассказать о многом, из чего, собственно, складывается жизнь человека, что составляет ее содержание.

Когда началась война, Лена Мовчанская работала пионервожатой в одной из школ Щучина. Эвакуировалась на восток, но все же попала в оккупацию. В Белоруссии была связной при особом отделе партизанского отряда имени Ворошилова. С большим риском выполняла ответственные задания.

Осенью сорок третьего при возвращении в отряд из Борисова с агентурными данными была опознана полицаями. Уйти удалось лишь с помощью предусмотрительно поставленной товарищами в сумку бутылки самогона. Лену перевели медсестрой в лесной лагерь, где спасалось от карателей население окрестных сел.

После освобождения Белоруссии от оккупантов ее направили работать инструктором в Борисовский райком комсомола. С сорок шестого начала заведовать Щучинским загсом.

Гродненщина тогда слыла краем особым. Присоединенные к республике незадолго перед войной, западные области не успели еще приобщиться к новому укладу жизни. Земля выглядела пестрой от мелких наделов, люди по привычке тянулись за советом в костелы.

А главное, в округе постреливали бандеровцы. Убивали не только партийных, комсомольских работников, сотрудников милиции или активистов, но и всех сочувствовавших Советской власти.

Предшественница Семеновой срочно уехала из Щучина. Елена нашла лишь несколько актовых книг, заведенных на жителей провинциального местечка, и не обнаружила ни одного архивного документа из деревень.

Спрашивать было не с кого — народ боялся заходить в сельские советы. Тогда-то и отправилась Елена с попутным оперативным отрядом в первую инспекторскую поездку. Ну, пока рядом ехали вооруженные люди, ничего вроде. А как осталась одна в Васелишках — оторопь взяла.

Начала просматривать в исполкоме сельсовета акты о смерти — целые семьи, страница за страницей, от стара до мала. И почти у каждого: убит бандитами. Браки не регистрировались — селяне по традиции венчались. Рождаемость в документах почти не отража-

лась. Принялась заведующая наставлять секретаря исполкома, а та в глаза не смотрит, бахромку платка теревит.

— Алена Парфеновна, не подумайте ничего про меня плохого... Но уходить вам пора. Ночевать к себе не поведу. Поубивают же.

— Чего придумала! Я и не собиралась у тебя останавливаться. Неужели не понимаю. Давай-ка пройдем по селу. Не может быть, чтобы так мало народилось детей.

Допоздна ходили по домам, высматривали — где висит «колыска», люлька по-белорусски, там и оформляли документы. Закончили по темну... И так от одной деревни к другой. Привыкла постепенно Семенова к сложностям новой работы, к нескончаемым проселочным и лесным дорогам.

Уже когда ходила беременной, начальник милиции посоветовал:

— Ты кончай походы. Родишь где-нибудь под кустом, хлопот с тобой не оберешься.

— Вот документирование в детдоме закончу, костельные акты вые записи у ксендзов выручу, тогда и декрет себе устрою...

Детский дом в двадцати с лишним километрах от Острина, да от Острина до Щучина сорок. И все пешком. Не всякий, жалеючи лошадь, на телеге подвезет. А в детдоме горе одно. Ребятишки маленькие, фамилий не знают, где кого подобрали — тоже. Личные дела Елена начнет заполнять — слез не может сдержать. Возраст врачи устанавливали на глазок — по росту, по выпавшим или не выпавшим молочным зубам...

Минует время, в загс будут приходиться письма: «...Оказался в детдоме вашего района. Фамилию мне, полагаю, дали «с потолка». Помогите, пожалуйста, установить настоящую...»

И теперь она с трудом сдерживает слезы, не в силах помочь людям. Хотя с сорок шестого года старательно, по бумажке, собирала загсовский архив. Беременная взбиралась на чердаки ксендзовских особняков, отыскивала покрытые пылью, испачканные голубиным пометом, исписанные латынью книги. Запрашивала другие города, находила чьих-то родственников...

Порой человеческие судьбы оказываются настолько запутанными, что Елена Парфеновна приходит в отчаяние.

Однажды из района приехали трое: отец, дочь и ее жених. Девушке через три дня исполнялось восемнадцать лет, поэтому молодые заранее подали в сельсовет заявление на бракосочетание. Паспорта в той местности только еще начинали выдавать, а метрическое свидетельство невесты затерялось, и вот людям потребовалась копия документа.

По заполненному бланку Семенова не сразу отыскала в актовой

книге нужную запись. Та привела заведующую в растерянность: семнадцать с лишним лет назад рождение теперешней невесты было зарегистрировано под другой фамилией и другим отчеством. Стало ясно: приехавший с девушкой мужчина — неродной ей отец. А знает ли она об этом? Как быть?

— Молодые люди,— сказала заведующая.— Вы свободны. А вы, гражданин,— обратилась она к отцу,— останьтесь на минутку.

Наедине с посетителем Елена Парфеновна принялась выяснять предысторию случившегося. Оказалось, он действительно воспитывал девочку с самого раннего возраста, всегда считал ее своей дочкой, так же как та его — своим отцом. Нет, он никогда не задумывался о формальностях. Дочь есть дочь.

— Понимаете, все обстоит не так просто, как вы представляете,— вздохнула заведующая.— До десятилетнего возраста вы могли удочерить Фелю, и она бы этого не узнала. Есть такой закон. Теперь для удочерения требуется ее обязательное согласие. Да и практически это уже невозможно. Через три дня девушка становится совершеннолетней.

— Но она моя дочка, как же так,— повторял потрясенный мужчина.— Я же все ей отдал, все.

— К сожалению, девушке предстоит получить метрику с другой фамилией, с другим отчеством. Потом, если пожелает, она может хлопотать...

— Не надо вашей метрики, не надо ничего! Оставьте мне только мою Фелечку!..

В растерянности Елена Парфеновна принялась говорить о законе.

— Но законы пишутся для того, чтобы защищать справедливость. Ведь правда? — не слушая ее, твердил посетитель.— А разве справедливо отнимать у меня самое дорогое? Скажите, разве есть такой закон?

Что могла ответить Елена Парфеновна? Закон остается законом. И все-таки она, дождавшись, когда мужчина ушел, позвонила в райисполком.

Наверное, волнение Семеновой передавалось каждому, с кем она разговаривала. Да и трудно себе представить человека, который остался бы равнодушным к судьбе двух людей. Допущенная когда-то беззаботность, правовая неосведомленность теперь грозили обернуться драмой.

Елена Парфеновна обратилась за помощью к Советской власти.

Члены районного исполнительного комитета решили: отцу сохранить дочь, дочери — отца.

У кого повернется язык сказать, что загсом не был соблюден закон?

В Минске и Гродно одинаково хорошо говорят о налаженной работе Щучинского загса. Понимается под этим обычно отсутствие жалоб и своевременная регистрация всевозможных актов. А как достигается успех, вряд ли известно за пределами маленького городка.

На улице с Еленой Парфеновной часто здороваются. Иной раз она сама остановит прохожего.

— Здравствуй, Аркадий! Ты что ж это дома устраиваешь? Давно ли Тамару на руках из загса выносил? Ненадолго тебя хватило, ненадолго. Но учти, я не из тех, кто регистрирует, поздравит — и с плеч долой. Пойду на твою автобазу, соберу всех шоферов и так тебя, миленького, пропесочу, блеснуть будешь. Берись за ум, Аркаша, пока не поздно.

И пойдет на автобазу, прочитает лекцию о семье и браке, расскажет, какие документы необходимо готовить для оформления пенсии, усыновления, наследства. Заодно нагонит страху на непутевого молодожена.

Не упустит случая подсказать кое-кому из женихов, принесшему заявление о вступлении в брак:

— Вы, молодой человек, на регистрацию, пожалуйста, приходите подстриженным.

— А разве запрещается, что ли, с длинными волосами жениться? Не слышал про такое.

— Не в этом дело. Ведь фотографироваться будете, на всю жизнь память...

Вступающим в семейную жизнь Елена Парфеновна уделяет особое внимание. Еще в помине не было разговоров о гражданских брачных обрядах, а Семенова организовывала в селах регистрации, посмотрев которые, мало кому уже хотелось венчаться в костеле или церкви. Свадебный выезд с белыми лошадьми, проложенная к исполкому сельсовета ковровая дорожка, поздравления представителей администрации, по народному обычаю повязанных рушниками — все это оставляло у людей незабываемые впечатления праздничности и торжественности...

Да, сегодня венчания уже отошли в прошлое, повсюду распро-

странились современные гражданские обряды. Но всегда и везде ли отвечает эта современность запросам людей?

Пример Гродно. В прошлом город, насчитывавший двадцать пять тысяч душ, имел двенадцать костелов и церквей. Сейчас его население близко к двумстам тысячам, а функции венчавших раньше дюжины храмов выполняет единственный дом бракосочетания. Чтобы вступить в брак, нужно занять очередь за несколько месяцев. Легко представить систему конвейера, по которому пропускаются «женатики» двумя вымученно улыбающимися от усталости сотрудницами дома. А если к этому добавить, что, кроме поздравлений молодоженов, они же убирают помещения, то проблема станет понятной каждому.

Еще незавидней положение в районах. Семьдесят процентов белорусских загсов обслуживается одним сотрудником. Нет сценариев для проведения торжественных обрядов, не создано ритуальной музыки, наконец, не хватает высококвалифицированных кадров.

Работник загса, по существу представляющий в своем лице государство, нередко выглядит одетым далеко не соответствующе своему положению. Между тем загс в состоянии достаточно представительно экипировать своих сотрудников. Давно предлагается разделить загс «территориально», чтобы не за одним столом оформлялись браки, рождения и... смерть.

Торжественные гражданские обряды. Минуло больше десятилетия с их появления, а они все продолжают величаться новыми. Следовательно, находятся в стадии внедрения. В Белоруссии тоже считают, что гражданские обряды нуждаются в совершенствовании. Сейчас здесь изучают опыт загсов соседней Литвы. Рассказывают, что литовцы впечатляюще проводят регистрацию браков — в полумрачных залах, при свете факелов, молодожены держат в руках зажженные плашки. Красиво? Наверное.

Но вряд ли стоит повсеместно распространять ритуалы только из-за их внешней красоты. Они обязательно должны быть основаны на глубоких национальных традициях каждого народа. А это требует серьезной, далеко не самодеятельной подготовительной работы.

Внешнее обставление гражданских обрядов сейчас, пожалуй, нуждается в другом — в строгой унификации. Регистрации браков, рождений — государственные акты. Поэтому работник, совершающий торжественную процедуру, видимо, обязан представлять собой государство — в платье, украшенном гербом страны, под сенью государственного флага. Иначе поиски вразнобой новых ритуальных форм легко могут завести в дебри мещанства.

Жизнь не ждет. Люди женятся, рожают детей, составляют завещания... Дел у Семеновой всегда невпроворот. Секретари исполкомов сельсоветов порой затягивают сдачу отчетов, в актах допускают ошибки. За всем нужен глаз. Браки все стремятся зарегистрировать по субботам — но у работников загса это выходной день. А почему бы его не перенести?

Накануне в зале идут последние приготовления — хорошенько протапливают печи, полируют мебель, раскатывают бережно сохраняемые ковры. Елену Парфеновну заранее охватывает волнение, с которым она за долгие годы работы так и не научилась справляться.

Есть, конечно, помещения загсов и получше, и залы бывают побольше, и обстановка поимпозантней. А тут — домик деревянный, вход со двора, через дребезжащую стеклом на веранде дверь. Внутри для первого традиционного супружеского вальса и то тесновато. Зато по-домашнему уютно. И уж заведующая находит такие слова сказать молодым, что на всю жизнь запоминаются. Не зря, рассказывают, поздравления Семеновой записывают на магнитофоны и прокручивают на свадьбах, да и, наверное, много позже.

Голос, между прочим, у заведующей обыкновенный — негромкий, семейный. И произносит она всегда как будто одинаковые напутствия людям, начинающим совместную жизнь или празднующим рождение ребенка. Но чувствуется: говорит человек, представляющий государство, и от этого особую значительность приобретает все, что происходит за дверями загса.

ГРОДНЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

ДВА ПОДХОДА К ОДНОЙ ПРОБЛЕМЕ

Борьба с пьянством и алкоголизмом — не кратковременная кампания.

Пьянство, алкоголизм наносит огромный вред государству, экономике, людям, их здоровью. Пьянство калечит не только тех, кто злоупотребляет алкоголем, но и их близких. Пагубно отражается на воспитании детей. Разрушает семьи.

Известный советский психотерапевт профессор А. А. Портнов обследовал более полутора тысяч алкоголиков. Что же оказалось? Двенадцать процентов ушли на менее квалифицированную работу. Пятнадцать процентов долго не удерживались на одной работе, более четырех процентов нигде не работали, вели паразитический образ жизни.

Возьмите судебную статистику. Без малого все сто процентов хулиганства совершаются в состоянии алкогольного опьянения. А хулиганство, в свою очередь, ведет к совершению более опасных преступлений: убийств, грабежей, изнасилований, разбойных нападений и других.

Вот почему пьянству, алкоголизму — самым тяжелым и отвратительным пережиткам прошлого — у нас объявлена решительная, бескомпромиссная борьба.

Более чем четыре года назад (в июне 1972 года) ЦК КПСС, Совет Министров СССР приняли постановления, направленные на усиление борьбы против пьянства и алкоголизма. В июне — июле того же года Президиумы Верховных Советов союзных республик приняли указы «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма».

В указах были разработаны уголовные, административные, гражданско-правовые меры против пьянства и алкоголизма.

О том, как применяются на практике эти меры, мы в журнале писали много раз. Обстоятельный разговор по проблемам пьянства и алкоголизма состоялся за «Круглым столом» редакции (отчет о нем напечатан в десятом номере журнала (1976 год).

Мы продолжаем публикацию материалов, характеризующих борьбу с пьянством. Сегодня речь пойдет о роли рабочего коллек-

тива в этой деятельности. В них, рабочих коллективах, формируются новые, социалистические черты характера людей, складываются отношения товарищеской требовательности и взаимопомощи.

Но бывает, к сожалению, и так: в коллективе вроде бы и борются с пьянством, поведение любителей рюмки обсуждается на цехкоме, в завкоме, на рабочих собраниях, но если присмотреться поближе, то оказывается, что борьба ведется, собственно, не с пьянством, а с его последствиями, ведется формально, бездушно, без проникновения в суть проблемы, словно для того, чтобы лишь поставить в отчете «галочку».

Но совсем по-другому относятся к пьяницам, лодырям и другим нарушителям правил социалистического общежития, к примеру, на Иркутском авиационном заводе. Рабочий коллектив здесь славится крепкой рабочей спайкой и массовой общественной активностью трудящихся. Здесь создано по-настоящему непримиримое отношение к пьянству, сочетаемое с подлинно гуманной заботой об оступившемся человеке.

В первой своей корреспонденции автор не называет точного адреса завода, изменено его название только потому, что подход к борьбе с пьяницами на заводе, который автор условно назвал инструментальным, можно обнаружить, к сожалению, и на некоторых других заводах, стройках, в колхозах.

Нам хочется верить: выводы, выводы серьезные, по-настоящему партийные сделают не только на заводе, о котором идет речь в первой статье. Ощутимые результаты не замедлят сказаться, примером чему может служить опыт рабочего коллектива Иркутского авиационного завода.

Ниже мы печатаем статью и интервью спецкорреспондента журнала П. Скоморохова.

И СДАЛА ДОЧЬ ОТЦА В... ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ

Вот письмо, которое, как принято писать, «позвало в дорогу»: «Пишу уже не первое заявление, а результата никакого. Отец, Аврамчик Геннадий Васильевич, как пил, так и пьет. Хулиганит, ругается матом, угрожает ножом. У него было три товарищеских суда, а семья, в которой он живет, ни на одном из судов не присутствовала. Почему?.. Я последние недели хожу в декрете, так он все время проклиняет и меня, и моего будущего ребенка. Примите какие-нибудь меры, ведь нельзя же так жить. Если вы не в силах что-либо сделать, так посоветуйте, куда еще нам обратиться...

Прошу помочь нашей семье, так жить больше невозможно.

Далее той же рукой, но другими чернилами приписано: «Это

заявление милиция не приняла. Сказали, что они ничего с ним не могут сделать и вообще он им надоел. А что же тогда нам приходится делать? Пьянки его переносить нет больше сил».

Л. Беснова (дочь).

Письмо встревожило редакцию. Решили: надо ехать, разобраться. И вот первое мое обращение к начальнику районного отдела внутренних дел.

Даю ему почитать письмо. Как только подполковник милиции В. Н. Демидов дошел до фамилии Аврамчика, он отложил письмо, снял очки и, как бы поразмыслив, говорить — не говорить, произнес:

— Дальше можно не читать. Все это нам давно известно. И дело тут не в одном Аврамчике. В семье. Да, в семье. Неблагополучная она. Надоело ли нам возиться с Аврамчиком?.. Нет. К этому нам не привыкать. Надоело другое: смотрят еще некоторые на милицию, как на пугало. Как чуть — так в милицию. Взрослые люди, а поладить не могут...

Письмо Людмилы Бесновой Владимир Николаевич все-таки прочел.

— Заявление не могли в милиции не принять. Исключено это. Беснова не может пожаловаться на милицию: по ее заявлениям мы не меньше десяти раз занимались Аврамчиком. Занимались им и на заводе...

Узнав, что Аврамчик работает на инструментальном заводе, иду на завод.

Аврамчика в заводоуправлении тоже знают хорошо. Еще бы не знать: более десяти раз его поведение обсуждалось в рабочем коллективе цеха, в заводской комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Дважды его дела рассматривал товарищеский суд. И дважды его привлекали к ответственности за мелкое хулиганство.

— Надоело им заниматься, — сказал мне инспектор по кадрам П. М. Агафонов. — Человеку за шестьдесят, а все не уймется: пьет. Никакие меры не помогают... (Инспектор, видимо, давно заглядывал в личное дело Аврамчика — лишь год назад тот «разменял» шестой десяток).

Передо мной пачка уведомлений из медицинского вытрезвителя.

В 1975 году Аврамчик воспользовался «услугами» медвытрезвителя восемь раз. За первые шесть месяцев 1976 года — пять раз.

И после каждого визита в вытрезвитель милиция аккуратно уведомляла заводские организации об этом печальном факте. И с не меньшей аккуратностью — так уж тут заведено — поведение Аврамчика обсуждалось либо на цеховом комитете профсоюза, либо на общем собрании.

После каждого обсуждения Аврамчику объявлялось общественное порицание (четырежды), общественный выговор (трижды), товарищеское предупреждение (дважды).

Дважды дело Аврамчика рассматривал заводской товарищеский суд. Но как рассматривал?

Спрашиваю председателя товарищеского суда И. А. Лапотникова: много ли присутствовало народу?

— Человек... десять...

— Где происходили заседания суда?

— В завкоме.

— А почему не в цехе?

Пожимает плечами, молчит.

— Был ли кто-нибудь из цеха?

— Представитель был...

— Почему не вызвали кого-нибудь из семьи? Дело рассматривалось по заявлению дочери. Пил Аврамчик ведь дома, а не на работе!..

В ответ пожимает плечами и молчит.

— Сколько народу присутствовало на заседаниях товарищеского суда? — спрашиваю Аврамчика.

— Много.

— Сколько же?

— Человек восемь было...

Никого не удивляет, когда народный (и не только народный, но и повыше рангом) суд рассматривает дело на предприятии, в учреждении, домоуправлении. Делает это он для того, чтобы повысить воспитательное воздействие судебного процесса. А вот товарищеский суд, главная цель которого «активно содействовать воспитанию граждан», не удосужился организовать «выходное» (выезжать ему не надо, цех в трех минутах ходьбы) заседание прямо в цехе. А еще было бы лучше — по месту жительства нарушителя, там, где произошел конфликт.

Если заседания проходили торопливо, без стремления разобраться в существе дела, без доброжелательства, без заинтересованности в судьбе своего товарища, то зачем, спрашивается, огород городить?! Для «галочки»? Лишь бы отписаться?

Товарищеский суд записал в решении: «...Находясь в нетрезвом состоянии, устроил дома скандал со своей женой».

Простите, спрашиваю, с какой женой? У Аврамчика нет жены, три года как развелся. Жаловалась дочь. Так с кем же был скандал? И был ли он вообще?

Можно ли после этого считать, что товарищеский суд установил истину? Где она, эта истина? Кто ее пытался найти? И что за рассмотрение дела без вызова свидетелей, потерпевшей (точнее — заявительницы)?

И, наконец, можно ли считать такое решение товарищеского суда выражением общественного мнения?

Дважды привлекался Аврамчик и к административной ответственности, за которой вновь следовало обсуждение в коллективе.

22 августа 1975 года народный судья Е. В. Прохорова за мелкое хулиганство подвергла Аврамчика исправительным работам на один месяц. Копию постановления направила на завод «для принятия мер общественного воздействия».

9 сентября состоялось общее собрание цеха и... очередное обсуждение поведения Аврамчика.

Что же постановили?

Осудить хулиганское поведение в быту слесаря цеха Аврамчи-

ка Г. В., строго предупредить, чтобы подобного никогда не было, в противном случае ходатайствовать перед директором об увольнении Аврамчика Г. В. с завода».

И это «ходатайствовать... об увольнении с завода» называется мерой «общественного воздействия»?! Что же тогда называется мерами дисциплинарного взыскания?

Кстати, «ходатайствовать» не пришлось.

В ночь на 16 июня 1976 года Аврамчик ночевал в вытрезвителе. Утром же, чтобы избежать очередной проработки, он уволился с завода «по собственному желанию».

Вот единственное, чего добились на инструментальном заводе. Уволить — это ведь не воспитывать! Уволили — и не надо больше «возиться»...

— А что мы могли сделать? — спросил меня председатель завкома Василий Ефимович Гаврилов.

Что могли сделать? Многое. Но не сделали...

На заводе занимались Аврамчиком, но занимались своеобразно: пришло уведомление или заявление — стало быть, надо реагировать. А как? Реагировать можно по-разному.

Здесь же реагировали так: собирали в пересменку на коротке собрание и обсуждали... очередное уведомление медвытрезвителя.

Тут боролись, собственно, не с пьянством Аврамчика, а с его последствиями в виде... уведомления из медвытрезвителя.

Для чего, спрашивается, милиция уведомляла рабочий коллектив. Видимо, в надежде, что в коллективе займутся воспитанием рабочего. А тут главное видели в том, чтобы по форме обсудить, по форме отписаться.

Каждого оступившегося человека — каждого! — коллектив, не жалея сил и энергии, обязан воспитать, а если надо, то и перевоспитать. Геннадий Васильевич Аврамчик, право же, заслужил куда более внимательное отношение к себе.

С первых дней Великой Отечественной он сражался на фронтах. Воевал под Москвой, Ельней, Брянском, Смоленском. 23 сентября 1944 года был ранен в позвоночник и бедро.

Аврамчик уволился, завод лишился квалифицированного рабочего. Он был слесарь «золотые руки». Трудовой дисциплины не нарушал. Выпившим на заводе его не видели. А начальник отдела кадров завода Клара Дмитриевна Романова (к тому же она — секретарь заводской комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом) обратила внимание на то обстоятельство, что из тринадцати случаев пребывания в медвытрезвителе Аврамчик лишь два раза был задержан пьяным в общественных местах, а в одиннадцати случаях — в квартире. Она ошиблась: во всех без исключения случаях Аврамчик доставлялся в медвытрезвитель из дому (по закону милиция вправе доставлять в медицинские вытрезвители лиц, находящихся на улицах и в других общественных местах в средней или тяжелой степени опьянения). И это обстоятельство никого не заставило задуматься.

Не только в цехе, но и в заводоуправлении знали — не могли не знать! — о неблагополучии в семье Аврамчика. Если не все, то очень многие на заводе знали, что дома у Аврамчика тяжелая об-

становка, но ни один человек не поинтересовался тем, что происходит в семье.

Кто поговорил с Аврамчиком, что называется, по душам? По-человечески? По-дружески? Его лишь обсуждали и осуждали.

Секретарь бюро цеховой парторганизации П. А. Осипов рассказал мне, что была мысль прикрепить к Аврамчику кого-либо из передовых рабочих, но не нашли подходящего кандидата. В дом никто так и не заглянул, и никого из семьи не пригласили, ни с кем из семьи не побеседовали, не выяснили, в чем корень зла.

Социолог В. И. Переведенцев как-то заметил: «Разве не может быть такого положения, что пьянство — следствие, а не причина семейных неурядиц? У хороших жен мужья, как правило, менее пристрастны к выпивке».

Дочь вышла замуж, привела в отцовскую квартиру (он ее получил как инвалид Великой Отечественной) мужа. А спросила она согласия отца? Не подумала. Теперь родился ребенок...

Загадка характера? Нет! И в двадцать четыре года с восьмиклассным образованием, имея профессию швей-мотористки, дочь как была, так и оставалась эгоисткой, потребительницей. Отец стал пить, дочь не встревожилась за его судьбу, к ней она была холодна, равнодушна; в повсеместной нашей борьбе с пьянством она усмотрела лишь выгоду, перспективу завладеть жилой площадью отца. Помочь ему избавиться от пристрастия к спиртному здесь не подумали. Здесь были заинтересованы не в том, чтобы спасти человека — близкого, родного! — от пагубного тяготения к зеленому змию. Нет, здесь скорее заинтересованы в том, чтобы избавиться от нежелательного жильца в квартире.

Когда я первый раз позвонил Бесновой по телефону, чтобы договориться о встрече, она поспешила сообщить мне, что отец устроился на другую работу, там ему дают комнату...

— Нужно ли нам встречаться теперь? — спросила она. В ее голосе я почувствовал ликование. Она не смогла его скрыть или не находила нужным.

В материале о мелком хулиганстве есть любопытный документ: заявление дочери на отца. Она пишет: «6 мая был скандал, вызвала милицию, сдала в вытрезвитель...»

Первоначально я не придавал этой фразе значения. Но вот в разговоре с Бесновой вновь услышал: «Я сдала его в вытрезвитель...» Через две-три минуты: «Уже в этом году раза три сдавала...»

Сдавать отца в вытрезвитель, словно белье в прачечную, стало привычным делом для дочери.

Механизм подобной сдачи такой: 15 июня Людмила Беснова вышла из родильного дома. Собрались гости. Пришел и отец. Пришел не с пустыми руками (как-никак родилась внучка!): с тортом, шоколадом и бутылкой вина.

Дочь демонстративно отказалась принять подарок. Отец обиделся, кому-то из гостей отдал торт, шоколад, забрал бутылку вина и, обиженный, ушел из дому. Вернулся навеселе.

— В это время мы смотрели интересное кино, а он лез с разговорами, мешал нам смотреть кино... Позвонила в милицию, сдала в вытрезвитель...

Как все удивительно просто: мешал «смотреть кино» — сдала в вытрезвитель... А еще загадочнее: почему милиция так беспрепятственно «принимала» Аврамчика? Не теряем надежду: прокурор района разгадает...

Закономерно возникает вопрос: почему дочь каждый раз прибегала к одному сомнительному приему? Не потому ли, что боялась, что в открытом судебном процессе разберутся: кто есть кто?

Почему, наконец, если в милиции отказались принять заявление (допустим на минуту, что это так), не поднялась на этаж выше — в районную прокуратуру. Об угрозе ножом в милицию ни разу не жаловалась, а в редакцию написала. Рассчитывала: опубликует без проверки? Вот в этих-то обстоятельствах никто из обсуждавших и осуждавших Аврамчика не попытался разобраться.

Обсуждать обсуждали (один раз даже... шестого ноября!), а все кончалось одним и тем же: общественным порицанием либо общественным выговором. А здесь нужна была помощь...

Десятая пятилетка — пятилетка эффективности и качества. Относится это не только к сфере материального производства, но и ко всей нашей деятельности, воспитательной в том числе. Стало быть, и о качестве воспитательной работы мы должны судить не по количеству собраний, заседаний, обсуждений, а по результативности.

Некоторые заводские товарищи не скрывали удивления: из-за одного Аврамчика ехать из Москвы?

Но ведь Аврамчик далеко не один на заводе. За второе полугодие 1976 года в медицинском вытрезвителе «визитеров» с завода было на 49 человек больше, чем в первом полугодии. В целом по району пьяниц стало меньше, а вот на заводе больше.

Почему? Потому что борьба с пьянством ведется формально, робко и бесстрашно. Тут больше заботятся о том, чтобы своевременно «отреагировать» на уведомление из милиции. Без живого интереса к человеку, без гражданской заинтересованности к его судьбе.

Автор не обошел замечаниями милицию, и при всем том нельзя не сказать: негоже на милицию перелagать всю тяжесть борьбы с пьянством.

Рабочий коллектив — а он в первую очередь обязан заниматься воспитанием людей — не так уж бессилён в борьбе с пьянством, как полагают некоторые товарищи с инструментального завода. Чтобы убедиться, что это так, достаточно почитать интервью Александра Васильевича Зылева.

БОРОТЬСЯ С ПЬЯНСТВОМ НЕ НА СЛОВАХ — НА ДЕЛЕ!

Вот почти дословная запись моей беседы с председателем комиссии по борьбе с пьянством Иркутского авиационного завода А. В. Зылевым.

— Первый вопрос к вам, Алексей Васильевич, будет такой: комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом созданы при Сове-

тах Министров союзных и автономных республик и при всех исполкомах — до районного или городского звена включительно...

— Я понял вас. Наша комиссия Указом, который вы имеете в виду, не предусмотрена. Создана и работает она на общественных началах. Мы исходили — и исходим сейчас — из того: где же вести борьбу с выпивохами, как не в рабочем коллективе?

— В одной из газет ваш метод борьбы с пьянством назван новым. В чем его новизна, особенность?

— Никакой новизны нет, и я бы то, что мы делаем, не называл «нашим опытом». Просто мы решили бороться с пьянством не на словах, а на деле.

— С чего вы начали?

— С того, разумеется, что обсудили положение на парткоме, завкоме. А положение, прямо скажу, было тревожным. Подумали и наметили меры. Вынесли на обсуждение рабочего коллектива...

— Собрания, заседания, планы... Все это было и на других заводах. А что вы придумали особенного?

— Мы организовали курсы для мастеров по основам педагогики, по основам законодательства. Это для того, чтобы вооружить мастера (а он не только организатор производства, но и воспитатель!) умением разговаривать, убеждать человека, вставшего на скользкий путь. Организовали социалистическое соревнование на звание «Лучший мастер», «Лучший по профессии», «Лучший ИТР», «Заслуженный работник завода», «Лучший рационализатор». Условием поставили: не только технико-экономические показатели, но и то, как мастер, начальник цеха на деле борется с пьяницами, прогульщиками...

— А верно ли, что у вас на заводе не торопятся увольнять пьяниц?

— Да, это так. Увольнение — самая крайняя мера дисциплинарного взыскания. Человек появился на заводе пьяным или, хуже того, не вышел на работу вообще. В том и другом случае это прогул. Ну, уволим. Закон позволяет нам так поступить. Но ведь тот же закон обязывает нас воспитывать и перевоспитывать человека. Не можем же мы поступать, как тот незадачливый милиционер в фильме, название которого я за давностью лет забыл: он переводил пьяного с одной стороны улицы на другую — ту, которая не входила в его участок. Уволим, человек поступит на другой завод, безработицы ведь у нас и в помине нет — не капитализм же!

— Но согласитесь, Алексей Васильевич, оттого, что у нас нет и быть не может безработицы, не должны же мы потакать пьянцам, прогульщикам?

— Зачем потакать? Воспитывать надо. И перевоспитывать!..

— «Воспитывать», «перевоспитывать» — слова знакомые. Хотелось бы знать, как вы это делаете. Как, какими методами вам удастся и воспитывать, и тем более перевоспитывать?

— Всех, буквально всех склонных к выпивкам мы взяли на учет. Строго следим за каждым. Дал слово не пить, но не сдержал — вызываем на комиссию. Она собирается каждую среду. Всего у нас проведено более двухсот семидесяти заседаний. Без единого срыва.

— Простите, Алексей Васильевич, а ведь сегодня как раз среда... и вы не на заседании.

— Ну и что? У меня есть заместитель. Заседание состоится. Обязательно состоится.

— А к чему сводится заседание? К уговорам не пить?

— Разумеется, уговариваем, убеждаем. На это ни времени, ни сил не жалеем. Важно, очень важно убедить пьяницу либо бросить пить, либо лечиться.

— А какие же решения может, а точнее, вправе принять комиссия?

— У нас может быть два решения. Либо передаем человека под контроль цехового или отдельского коллектива, либо направляем на лечение...

— Куда? В лечебно-трудовой профилакторий?

— Нет, мы лечим у себя на заводе, без отрыва от производства. Создали небольшой стационар при заводской поликлинике. В нем всего одиннадцать коек. Лечение ведет квалифицированный врач-психиатр. Здесь проводится комплексное лечение как основного заболевания (алкоголизма), так и сопутствующих болезней. Несмотря на непродолжительность пребывания в стационаре, у больных создается убежденность в возможности выздоровления без отрыва от семьи и работы. А для предприятия важно то, что член коллектива не исключается из производства на два-три месяца, как это происходит при направлении в психодиспансер.

Стационар мы создали в начале 1975 года. Лечение в нем почти за два года прошло около ста человек. Сейчас ни к одному из них руководители цехов претензий не имеют. Они стали хорошими работниками. Довольны и семьи. Бывшие алкоголики стали семьянинами в полном смысле слова.

Лечение пьяниц кроме стационара ведут еще три наркологических кабинета. Два на территории завода и третий при поликлинике медсанчасти (там лечатся работники цехов, расположенных вне основной территории завода, а также со смежных предприятий).

К принудительному лечению алкоголиков, то есть направлению их по постановлению народного суда в Вихоревский лечебно-трудовой профилакторий, прибегаем в самых крайних случаях. Кстати, эффективность лечения в стационаре и наркологических кабинетах составляет восемьдесят пять процентов.

Огромную пользу лечения признают и сами пьяницы, точнее — бывшие пьяницы. Многие из них хорошо трудятся, стали заниматься общественно полезной деятельностью, поступили учиться. Важно и другое. Люди, излечившиеся от страшного недуга, теперь сами в числе активных борцов с пьянством.

Из многих примеров приведу один.

24 декабря 1974 года в заводской многотиражной газете со статьей «Возвращение в строй» выступил правильщик Михаил Антонович Перфильев. Он с гневом писал о «рыцарях» рюмки и, рассказывая о лечении без отрыва от производства, признавался: «Вот одним из тех, кто был излечен от алкоголизма без отрыва от производства, являюсь и я». Далее он утверждал: «После лечения я дал себе слово спиртное больше не употреблять. С февраля 1973 года я слово держу. После этого в семье у меня наладились приличные отношения, скандалов больше не было».

И на производстве он стал совсем другим человеком. Повысилась производительность труда, норму он стал выполнять на 160—180 процентов. План девятой пятилетки выполнил в 1974 году. В декабре 1974 года он работал в счет 1976 года. Взятый темп выдерживает и поныне.

Для того чтобы некогда высококвалифицированный рабочий вновь стал передовиком, потребовалось немало усилий: на учете как пьяница он состоял почти три года, то есть с 1971 года.

Выступление М. А. Перфильева отрезвляюще подействовало на некоторых бывших его собутыльников. Многие из них, под воздействием коллектива разумеется, пошли лечиться от пьянства. Результат не замедлил сказаться: в цехе стало на пятьдесят процентов меньше нарушений трудовой дисциплины, наполовину меньше случаев пьянства.

— Алексей Васильевич, случай с М. А. Перфильевым, конечно, убедительный. А сколько еще встало в строй?

— За пять лет мы взяли на учет как пьяниц 627 человек. Все они избавились от этого порока либо под воздействием воспитательных мер, либо в результате лечения в стационаре и наркологических кабинетах. У нас есть ряд подразделений, где нет нарушений трудовой дисциплины, общественного порядка и аморальных проявлений.

На заводе в целом заметно повысилась трудовая дисциплина. За пять лет работы комиссии количество прогулов сократилось на 35 процентов, а трудовые потери — на 75 процентов. Сокращение трудовых потерь способствовало тому, что уже в сентябре 1975 года завод выполнил пятилетний план по объемам производства и росту производительности труда. План первого года десятой пятилетки завод выполнил с высокими технико-экономическими показателями.

— Делается ли что-либо по месту жительства работников завода?

— В заводском поселке работа ведется не только с нашими рабочими и служащими, но и с теми, кто по той или иной причине не работает, но пьянствует.

Заводская комиссия по борьбе с пьянством периодически проводит свои заседания в Доме культуры. В заседаниях участвуют начальник райотдела внутренних дел, прокурор, секретарь исполкома райсовета депутатов трудящихся и народный судья.

Накануне заседания члену комиссии — начальнику медицинского вытрезвителя поручается оформить материалы на нескольких человек из числа неработающих для направления на принудительное лечение. Заседанию комиссии предшествует заседание народного суда: рассматриваются дела о направлении в лечебно-трудовой профилакторий. Подлежащих лечению прямо с заседания уводят работники милиции, а после этого начинает заседать комиссия.

В поселке организован и действует опорный пункт охраны общественного порядка.

На учет в поселке взяты неблагополучные семьи, подростки — любители выпить из горлышка в подворотне, в общественных местах. Таких людей мы лечим в заводской медчасти. Пьяница одинаково опасен, «свой» он или «чужой». Сегодня он посторонний, а завтра придет проситься на работу.

— И вы возьмете такого?

— А почему бы и нет? Берем. Берем, заведомо зная, что он «рыцарь» рюмки...

— У вас что, так плохо с кадрами, что берете, как выражаетесь, «рыцарей» рюмки?

— Нет, с кадрами у нас благополучно. Недостатка в них не испытываем...

— Так зачем же, в таком случае, создаете себе обузу?

— Берем затем, чтобы спасти человека, помочь ему найти себя, избавиться от той опасной стези, которую он по той или иной причине избрал себе... Этим мы оздоравливаем моральный климат рабочего коллектива.

— И много вы приняли на завод людей, злоупотребляющих спиртным?

— Заведомых для нас пьяниц мы приняли 120 человек.

— Сколько же из них закрепилось на заводе, иными словами, излечены от пьянства?

— Девяносто шесть человек.

Избавить за пять лет 627 человек от тяжелого недуга — это ли не показатель результативности борьбы с пьянством на Иркутском авиационном заводе?

И это еще не все. Сокращение числа прогулов, укрепление трудовой дисциплины привело и к увеличению объема производства на 800 с лишним тысяч рублей. Это — закономерный итог всей массово-политической и культурно-воспитательной работы, развернувшейся на Иркутском авиационном заводе.

Опыт иркутских товарищей наглядно и убедительно свидетельствует: разработанные партией и правительством меры борьбы с пьянством — надежная основа для постепенного искоренения этого чуждого социализму явления.

Успешное решение проблемы борьбы с пьянством возможно только на основе комплексного подхода объединения усилий партийных и советских органов, трудовых коллективов, правоохранительных органов, учреждений культуры, работников здравоохранения, торговли и общественных организаций как в рабочих коллективах, так и по месту жительства.

П. СКОМОРОХОВ,
спецкор журнала
«Человек и закон»

„Прошу восстановить на работе.“

К

лавдия Павловна Цыплакова пришла в суд по не совсем обычному делу. Уволившись с работы по собственному желанию два месяца назад, она хочет теперь... восстановиться в прежней должности.

Человеку, не знакомому со всеми тонкостями юриспруденции, такая ситуация может показаться невероятной. Но судьи знают: появилось подобное заявление — значит, предстоит сложное трудовое дело.

Именно таким, запутанным и непростым, оказалось дело К. П. Цыплаковой, которое рассматривала Тамара Федоровна Покровская, председатель Ленинского районного народного суда Ярославля. Тамара Федоровна — человек многоопытный, немало повидавший на своем судейском веку: как-никак, а пятнадцать лет приходится разбирать трудовые конфликты. В чем же видит она их причины, их, так сказать, внутренние пружины? Собственно, об этом и шла речь во время наших долгих бесед с Покровской.

— Сложность трудовых дел в том, — убежденно говорила Тамара Федоровна, — что в сферу судебного разбирательства обычно втягиваются не только правовые, но и часто моральные стороны взаимоотношений людей на работе. Мне не раз приходилось слы-

шать после процесса, уже в коридоре: суд не должен вникать в нравственные нюансы конфликтов, его дело проверить, не нарушена ли статья закона! Ну, а если одно вытекает из другого? Как быть? Решить вопрос формально — значит, человек уйдет из суда, так и не уверившись в справедливости. А это самое страшное... Конечно, закон не может отрегулировать все тонкости взаимоотношений людей. Но я второй десяток лет разбираю трудовые споры и все больше убеждаюсь — там, где работника уволили с грубым нарушением закона, там дело чаще всего по-человечески решить даже не пытались. Да вот недавний пример...

Пять лет проработала Клавдия Павловна Цыплакова в районном коммунальном управлении. Считалась неплохим инженером. За хорошую работу ей не раз объявлял благодарности начальник райуправления В. Николаев.

Но вот на шестом году, буквально в течение двух месяцев, инженер Цыплакова получает сразу два выговора за нарушение трудовой дисциплины (от того же Николаева). Это было в феврале и марте прошлого года. В апреле областное коммунальное управление проводит аттестацию инженерно-технических работников. И Цыплакова дважды получает неудовлетворительные оценки за свои знания. В журнале проверки появляется запись аттестационной комиссии: «Не соответствует занимаемой должности».

Спустя несколько дней начальник областного управления (заметьте, минуя Николаева, непосредственного руководителя Цыплаковой) по телефону сообщает Клавдии Павловне, что у нее два выхода: либо перейти работать... в строители (?!), либо — «вы ведь не соответствуете занимаемой должности!»

Напуганная (иначе и не скажешь!) перспективой испортить свою трудовую биографию, Цыплакова впопыхах пишет заявление с просьбой уволить ее «по собственному желанию»...

Такова часть этой истории, лежащая, образно выражаясь, на «поверхности». Остальное пришлось скрупулезно выяснять народному суду. Но уже после того, как Цыплакова поняла, что сделала опрометчивый шаг. А поняла она это довольно скоро...

Город, где она жила и работала, небольшой, и должность Клавдии Павловны была на виду. О действительной подоплеке ее скоропалительного увольнения по собственному желанию очень скоро стало известно доброй половине горожан. На улице случайно встретившиеся сослуживцы сочувственно спрашивали: как же это полу-

чилось? Даже дома ждал немой, полный недоумения и жалости взгляд взрослой дочери.

— Пришла я как-то устраиваться на новую работу, а там говорят: «Да у тебя «по собственному желанию» — ширма только. Ведь тебя «по непригодности» чуть было не уволили», — с горечью рассказывала Цыплакова на приеме у Покровской. — Тут-то меня обида и взяла — за что, думаю, такая «слава». Работу я, конечно, нашла бы скоро. Но решила доказать свою правоту и перед людьми...

Да, такой поворот в истории Цыплаковой наводит на мысль, что обратиться в суд ее заставили не столько материальные причины, сколько моральные, престижные. Можно ли с ней согласиться?! Пожалуй. Ведь работа, которой мы отдаем большую часть своей жизни, душевных (а порой и физических) сил, не только кормит нас. В коллективе, где мы трудимся и мнением которого дорожим (согласитесь, что тех, кому это безразлично, как говорят, раз-два и обчелся), каждый из нас не просто частичка толпы, а личность, высоко ценящая свой общественный престиж. И видеть, что он незаслуженно падает, для человека чрезвычайно обидно и больно...

Однако вернемся к делу Цыплаковой. Когда она поняла, что вправе восстановиться на работе, то сразу же обратилась в свою профсоюзную организацию — рассудите нас с начальником управления! Там же, без долгих разбирательств, смаху отрубили: оснований для восстановления не усматриваем! Пришлось Цыплаковой идти в суд, который с предельной точностью установил причины ее стремительного превращения из специалиста с благодарностями в «не соответствующего занимаемой должности».

В конце 1975 года специалисты проверили объекты, находящиеся в ведении непосредственного начальника Цыплаковой — В. Николаева, и нашли их состояние неудовлетворительным. В компетентном заключении вся ответственность за это была возложена на В. Николаева.

И надо же было такому случиться — именно тогда у него с Цыплаковой произошла размолвка, как говорят, на чисто личной почве. А к февралю 1976 года отношения начальника и рядового инженера настолько испортились, что дело дошло до выговоров. Цыплакова их оспаривает, жалуется в область.

Дальше — больше. Начинается известная уже аттестация работников управления, на которой Цыплакова «проваливается». А на суде между тем выясняется, что чуть меньше года назад она успешно прошла точно такую же аттестацию. Кроме того, за несколько месяцев до конфликта Цыплакова дважды занималась на курсах повышения квалификации по специальности и оба раза закончила их

с хорошими оценками (что документально подтверждается официальными удостоверениями).

Результаты аттестации (по соответствующим нормативным актам) действительны три-четыре года. Цыплакову же по непонятным причинам заставляют через год пройти ее снова. В чем же дело? Почему вдруг так неожиданно ее знания подвергают столь уничтожающей переоценке? И как ни трудно было бы суду определить, насколько правильно отвечала она на вопросы комиссии, с помощью экспертов истину бы восстановили. Но до экспертизы дело не дошло. Протоколов, в которые по закону заносятся вопросы и ответы аттестуемого, в управлении не оказалось. Их просто не вели. Неизвестно также, кто и как из членов комиссий голосовал по результатам ответов. В журнале просто написали: «Не соответствует занимаемой должности».

Да, довольно неприглядная картина. И за всем этим видится не только грубейшее нарушение закона некоторыми должностными лицами, но и их равнодушие к трудовой судьбе сослуживца.

И хотя представитель областного управления всячески отрицал, что Цыплакову вынудили уволиться, факты говорят сами за себя. Главным козырем ответчика на суде были результаты аттестации, которая (как установил суд) проводилась не только с нарушением правил, но с большой долей предвзятости по отношению к Цыплаковой.

Весь смысл выступлений ответчика сводился к одному: никто ее не принуждал увольняться, хотя работник она очень плохой! Почему? Ссылка все на ту же переаттестацию. На выговоры, хотя в них речь идет не о ее знаниях, и оснований для увольнения по «несоответствию» нет.

И уж вовсе сомнительной была попытка возложить ответственность за безобразное состояние дел в райуправлении на Цыплакову, рядового инженера. Тут ответчик явно слукавил. Цитируя на суде заключение специалистов по проверке «хозяйства» Николаева, он почему-то опустил главное — ведь речь-то там идет о «несоответствии должности» не Цыплаковой, а Николаева. Того самого, который свои личные неприязненные отношения с инженером перенес на служебные и, по сути, стал инициатором конфликта.

Об этом в области тоже знали, но молчали. И только после того, как история приобрела скандальные формы, здесь решили разом избавиться и от вконец скомпрометировавшего себя Николаева, и от слишком беспокойной Цыплаковой. Чего уж тут разбираться в тонкостях!

Принципиальному решению конфликта в областном управлении

предпочли другой выход: во что бы то ни стало избавиться от сотрудника. А вывод? Он на виду — пренебрежительное отношение к нравственной стороне вопроса повлекло за собой нарушения закона...

Суд восстановил Цыплакову в прежней должности, потому что уволиться «по собственному желанию» ее фактически вынудила администрация, незаконно, с нарушением правил проводившая аттестацию.

Справедливость, которой добивалась женщина, защищая свои права (и, что не менее важно, — свои престижные интересы), восторжествовала. Но согласитесь, моральные издержки этой истории еще будут давать себя знать. Что ни говорите, а вернуться в коллектив силою судебного решения — дело не очень приятное. Человеку какое-то время придется осваиваться с этой мыслью, чтобы освободиться от возможных предубеждений и недоверия. И хотя начальник у Цыплаковой теперь новый, в области-то продолжают работать люди, не изменившие своего мнения о ней. С ними тоже придется сталкиваться...

В самом деле, суд разрешает, если так можно выразиться, лишь юридическую сторону конфликта. Нравственная же его часть остается на совести спорящих. Что греха таить, кое-кто подобное решение суда воспринимает как личную обиду. И конфликт продолжается, но уже в другой плоскости — морально-психологической... Тут уже если люди сами не могут разобраться в своих отношениях, помочь им в этом должен коллектив.

— Главное, — подводит итог Покровская, — быть принципиальней, чутче друг к другу. Особенно это касается администраторов и тех людей, кому коллектив доверил защищать свои интересы. Я имею в виду профкомы — ведь в их власти если не предупредить конфликт, то не дать ему разрастись до неоправданно огромных размеров. Поставить потом все на свои места бывает ох как трудно... Вот буквально на днях у нас рассматривался иск одного врача об изменении формулировки увольнения. По закону он, вообще-то, мог требовать и восстановления на работе, но моральный климат в его коллективе, видимо, так осложнился, что человек почел за лучшее уйти. Вникали мы с народными заседателями в это дело долго и, сознаюсь, сомнений пережили всяких — не скоро забудется...

В час дня на станции «скорой помощи» зазвонил телефон. Женский голос (как потом выяснилось, звонила жена больного Т. Павлова) просил срочно прислать доктора — мужу плохо.

Через пятнадцать минут врач Петр Антонович Коломнов уже осматривал больного. Поставил диагноз: «острый живот». Без задержки доставил больного в клинику, сдал дежурному хирургу Фетисову и со спокойной совестью уехал.

На следующий день, утром, когда его дежурство уже кончалось, на станцию вновь позвонила жена Павлова. Она рассказала Коломнову, что вчера в клинике мужу стало лучше. Хирург Фетисов поставил другой диагноз и часа через три отпустил его домой. Но к утру муж опять неважно себя почувствовал. Что врач посоветует?

И Коломнов предложил Павловой вызвать на дом участкового врача...

Дальше события развивались трагически. Правда, Коломнов узнал о них спустя три месяца.

Пришедший по вызову Павловой участковый врач после короткого осмотра больного поставил диагноз: «острый аппендицит». Павлова тотчас же отправили в больницу, где немедленно оперировали. Однако и после этого состояние его оставалось тяжелым — слишком поздно сделали операцию. Дело осложнилось еще и сопутствующими заболеваниями, по поводу которых Павлова опять дважды оперировали. Полтора месяца врачи боролись за его жизнь, но безуспешно. Спустя сорок два дня после поступления в больницу Павлов скончался...

Тяжелое горе постигло его семью. В отчаянии вдова потребовала от медиков разобраться в причинах смерти мужа. Вполне понятно — такие промахи у врачей случаются чрезвычайно редко.

Для проверки была назначена комиссия. Выяснилось, что хирург Фетисов допустил грубую диагностическую ошибку. Из-за этого больной и был несвоевременно оперирован.

Приказом по облздравотделу Фетисова сняли с работы, а заодно руководству станции «скорой помощи» было предложено уволить и... Коломнова. «За неисполнение служебных обязанностей», а проще говоря — за отказ от поездки по вызову (?!).

— Так ведь не было отказа, — возмущался Коломнов, — потому что не было вызова. Павлова только посоветовалась со мной. Это может подтвердить и диспетчер, который все вызовы и отказы регистрирует. В конце концов, можно прослушать наш разговор с Павловой — ведь он записывается на магнитофонную ленту.

Что ж, доводы убедительные. Их бы не мешало проверить. Но на станции «скорой помощи» к ним даже не прислушались: раз предложено в приказе уволить — значит, надо.

Однако как это сделать? Ведь уволить по такой статье можно, как говорят юристы, только за «систему» нарушений. Вспомнили

недавний случай, когда Коломнов на машине «скорой помощи» попал в аварию — шофер был пьян.

«ЧП» на весь облздравотдел, надо принимать меры. Шофера автоинспекция лишила водительских прав. Хватит с него и этого, решила администрация, а вот Коломнова не мешало бы наказать! «Но за что?» — может спросить читатель. А дело вот в чем. В многочисленных, но страшно путаных и разноречивых объяснениях шофер решил, видно, «поделиться» своей ответственностью и указал, что врач тоже был в нетрезвом состоянии. Администрации и местному отнестись бы к такому «свидетельству» виновника аварии по-серьезней, проверить все самым тщательным образом. И они проверили. В заключении врачей клиники, куда доставили пострадавших в аварии врача и шофера, нет ни слова об алкогольном опьянении Коломнова. Опросили коллег Коломнова, дежуривших с ним в ту ночь, диспетчера — и они в один голос заявляют: нет, ничего подозрительного не заметили. Короче, проверка натолкнулась на факты, опровергающие свидетельство шофера. Однако именно ему и «поверили» безоговорочно (надо же было кого-то наказать!).

Мало того, месткомовцы, выйдя за пределы своих полномочий, объявили врачу «за пьянку» строгий выговор. Но и это еще не все. Члены профкома тут же дают согласие на увольнение Коломнова в будущем — то есть, если что случится еще, то и собирать нас не надо — не глядя разрешаем уволить!

Своеобразный рекорд равнодушия и пренебрежения к закону! Тем более что на проступок шофера ни администрация, ни общественность вообще никак не прореагировали. Как будто ничего и не было! О заседании месткома и его решениях Коломнову ни слова! О строгом выговоре, который был объявлен ему администрацией «параллельно» с профсоюзом, — тоже.

Коломнов узнал обо всем этом лишь два месяца спустя. На заседании месткома, где обсуждался вопрос о его увольнении за случай с Павловым. Здесь его «обвиняли» в тяжелейшем как с нравственной, так и с правовой стороны нарушении — в неоказании помощи больному! Да, такое пятно врачу будет трудно смыть!

А вот об этом-то сослуживцы Коломнова, как видно, и не подумали. Долг профкома, его обязанность: прежде чем дать согласие, не семь — десять раз отмерить. Но месткомовцы почему-то «рубанули с плеча» и, не разобравшись толком, по сути дела обвинили своего товарища в тяжком грехе. На суде ответчик также не привел ни одного мало-мальски достоверного факта, доказывающего справедливость увольнения Коломнова. Зато выяснилось, что по вине администрации не сохранилась магнитофонная запись теле-

фонного разговора Коломнова с Павловой. Больше того, диспетчер твердо заявила: «Павлова «скорую» не вызывала, а лишь хотела посоветоваться». Поэтому в регистрационном журнале станции «скорой помощи» нет отметок ни о вызове врача, ни об отказе от выезда...

При внимательном знакомстве с делом постепенно, но ярко вырисовывалась сомнительная по существу и наивная по форме позиция месткома и администрации: хоть фактов и нет, но Коломнов настолько плох, что и без них достоин увольнения! Позиция не столько шаткая, сколь опасная, ибо таит в себе истоки беззакония.

И ведь что особенно характерно — на фоне разноречивых показаний сослуживцы сходились в одном: Коломнов опытный специалист, хороший диагност... Сложность этого дела заключалась еще и в другом. Как выяснилось на суде, поведение Коломнова действительно не всегда отличалось безукоризненностью: дыма без огня не бывает. Судьи узнали, что несколько лет назад он повздорил с одной больной.

— Нас неотступно мучили вопросы,— замечает Покровская,— а вдруг он недостаточно внимательно отнесся к разговору с Павловой, когда она просила у него совета?! Доверился ли он диагностическому мастерству коллеги Фетисова или действовал по принципу — авось пронесет? Все это заставляло нас, судей, еще и еще раз перепроверять факты, отделяя их от досужих вымыслов и догадок...

Что правда, то правда. Суду пришлось добираться до истины, преодолевая поистине непроходимые «завалы» из противоречивых показаний и документов. И каждый шаг на этом нелегком пути ставил перед судьями вопрос — почему же такие «завалы» образовались? Почему местком нарушал закон? Удивительно, но факт — один из членов профкома на суде вскользь скажет: мы этой статьи просто не знали*. Можно, конечно, по-разному истолковать такое признание, но за ним нельзя не заметить безразличия к сослуживцу!

Кое-кто может возразить — люди находились под впечатлением трагического случая, к непоправимым последствиям которого имеет касательство и Коломнов. Но именно поэтому в коллективе и должны были разобраться во всем по существу, найти истинные причины несчастного случая с Павловым, извлечь из них уроки, а не формально «закончить дело», уволив «возможного» виновника...

---

* Речь идет о пункте 3 статьи 33 КЗоТ РСФСР, предусматривающей увольнение за систематическое неисполнение обязанностей.

Досконально изучив все обстоятельства этого конфликта, суд признал иск Коломнова. В трудовой книжке врача порочащая формулировка увольнения изменена на другую — «по собственному желанию».

Признаюсь, когда я знакомился с делами Цыплаковой и Коломнова, невольно приходила мысль: а типичны ли эти трудовые споры? На мои сомнения Тамара Федоровна Покровская ответила так:

— Типичность тут, на мой взгляд, в одном — в причинах, истоках конфликтов. Самих-то исков немного. Добрую треть еще до суда улаживаем: разъяснишь закон — и либо администрация исправит ошибку, либо истец заявление назад заберет. С остальными сложнее. Обычно спор до того «запущен», только диву даешься. Начинаешь разбираться и видишь: запущен-то он из-за равнодушия человеческого, беспринципности...

И наблюдения Тамары Федоровны имеют под собой довольно прочную почву. Взять хотя бы все ту же Ярославскую область — здесь подавляющее число трудовых дел о восстановлении на работе «поставляют» в суды небольшие организации. Это сведения официальной статистики. Казалось бы, маленький коллектив, каждый на виду, все друг друга знают. Часто и начальство с подчиненными в одной комнате сидит — ну, просто семья трудовая, да и только. Конечно, и тут без конфликтов и споров не обойтись — работают ведь люди, и люди самые разные. Бывает, доходит и до увольнения человека, но за дело! И если в коллективе сложились подлинно товарищеские, принципиальные отношения, такой исход понятен, естествен и в суде, как правило, не опротестовывается.

Почему?

Да потому, что принципиальность не приемлет беззакония, а тем более всяких обходных маневров. Ведь если работник действительно лентяй, прогульщик, неумеха — есть немало средств заставить его соблюдать нормы нашей жизни, уважать коллектив. Надо только прямо сказать ему обо всем, а при необходимости — дать и официальную оценку его поведению. Тогда не придется в срочном порядке «подгонять» разные факты (а то и просто домыслы) под «законные основания» для увольнения, безжалостно противопоставлять моральные причины конфликта чисто правовым...

Конечно, в пылу спора можно иногда перейти тот опасный рубеж, название которому — объективность. Но если рядом люди неравнодушные, они поправят спорящих, и конфликт вполне может разрешиться по закону и по совести. Нравственная атмосфера то-

варищеской требовательности и чуткости в коллективе — вот что не позволит принципиальному спору переродиться в затяжную, неоправданно отнимающую у людей массу времени и нервов судебную тяжбу...

«Прошу восстановить меня на работе...» Такие заявления в судах, к сожалению, пока не редкость. В Ярославской области я познакомился с обобщением судебной практики по трудовым спорам. Из этого очень серьезного и авторитетного документа видно, что почти половину (I) всех исков о восстановлении на работе суды признают обоснованными. И львиная их доля приходится — увы — на небольшие организации, то есть именно на те коллективы, где конфликт наверняка мог не дойти до суда, не отнесись к нему люди с непростительным равнодушием. А от него до нарушения закона — на поверку выходит — один шаг...

ЯРОСЛАВЛЬ

А. АЛЕКСАНДРОВ

Комментарий юриста

В нашей стране, где право и обязанность трудиться провозглашено Конституцией СССР, одна из главных задач закона — всемерная охрана трудовых прав человека. Порядок осуществления и защиты этих прав регулируется главным образом Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, кодексами законов о труде союзных республик, Положением о порядке рассмотрения трудовых споров, гражданским процессуальным законодательством.

По общему правилу, разногласия между работником и администрацией первоначально разрешаются комиссиями по трудовым спорам по месту работы (КТС). Решение комиссии может быть обжаловано в фабричный, заводской, местный комитет профсоюза (ФЗМК). При несогласии с результатами рассмотрения конфликта в ФЗМК человек вправе обратиться в народный суд. Такой порядок рассмотрения трудовых споров предусмотрен, в частности, когда работник не согласен с увольне-

нием по собственному заявлению.

Споры, связанные с увольнением по инициативе администрации (то есть подавляющее большинство исков о восстановлении на работе), рассматриваются непосредственно в народных судах без предварительного обращения работника в КТС и ФЗМК профсоюза.

Как правильно отмечено в очерке, труд занимает в жизни современного человека очень важное место. Именно поэтому лица, которым предоставлено право решать трудовые споры, несут большую ответственность перед человеком и обществом за принимаемые решения.

Автор очерка как раз и посвятил этому значительную часть своих размышлений о причинах трудовых дел инженера Цыплаковой и врача Коломнова.

Конечно, не часто бывает, когда человек, уволившись «по собственному желанию», спустя некоторое время начинает требовать восстановить его на прежней работе. Но если такое требование все-таки появилось, то при рассмотрении его следует исходить из того, что расторжение трудового договора по статье 31 Кодекса законов о труде РСФСР допускается только в том случае, если человек подал заявление об уходе действительно добровольно. Если же будет установлено, что подача заявления — результат какого-либо воздействия со стороны администрации, увольнение признается незаконным (постановление пленума Верховного суда РСФСР от 29 декабря 1962 года).

Именно в такой ситуации и оказалась инженер Цыплакова, которая подала заявление об

уходе под угрозой увольнения по «несоответствию занимаемой должности в связи с недостаточной квалификацией» (пункт 2 статьи 33 КЗоТ РСФСР).

А если бы Цыплакову все-таки уволили по этой статье сразу после аттестации? Народный суд, решая спор об увольнении инженерно-технического работника, признанного аттестационной комиссией не соответствующим занимаемой должности, все равно проверил бы обоснованность увольнения по существу.

В случае с Цыплаковой были нарушены требования Положения о порядке проведения аттестации руководящих, инженерно-технических работников и других специалистов предприятий и организаций промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта и связи, утвержденного постановлением Государственного Комитета Совета Министров СССР по науке и технике и Госкомтруда от 5 октября 1973 года.

Народный суд установил и другие факты, свидетельствующие об истинных причинах трудового конфликта в управлении и ухода Цыплаковой. При таких обстоятельствах ее иск о восстановлении на работе был справедливо удовлетворен.

Несколько сложнее — с точки зрения доказывания — дело врача Коломнова.

По закону работник, не исполняющий своих обязанностей по трудовому договору или правилам внутреннего трудового распорядка, может быть уволен с работы. Однако увольнение по этим основаниям возможно лишь в том случае, если человек систематически нарушал трудовую дисциплину, а также если к нему уже применялись

меры дисциплинарного или общественного воздействия (пункт 3 статьи 33 КЗоТ РСФСР).

Поэтому суд так тщательно проверял не только эпизод с больным Павловым, послуживший непосредственным поводом к увольнению Коломнова, но и законность привлечения врача к дисциплинарной ответственности ранее, за случай с аварией.

В соответствии со статьей 16 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, суд обязан, не ограничиваясь представленными доказательствами и объяснениями, принять предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела. Важно отметить, что суд, как и предусмотрено законом, оценивает полученные доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на тщательном рассмотрении всех обстоятельств спора в их совокупности, и руководствуется при этом только законом и социалистическим правосознанием. **НИКАКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕ ИМЕЮТ ДЛЯ СУДА ЗАРАНЕЕ УСТАНОВЛЕННОЙ СИЛЫ** (статья 19 Основ).

Как видно из очерка, при решении дела Коломнова эти требования закона были строго соблюдены, что и способствовало установлению истины. Сейчас трудно представить, что по данному делу могло быть принято иное решение, но совершенно очевидно: его справедливость — несомненный резуль-

тат кропотливой работы суда.

Нельзя не согласиться и с позицией автора очерка по другому, не менее важному вопросу: многие трудовые конфликты могли быть разрешены, если так можно выразиться, с гораздо меньшими потерями в самих коллективах.

Речь идет о невыполнении своего долга некоторыми профсоюзными органами. А между тем одна из основных обязанностей фабричных, заводских, местных комитетов профсоюза — контроль за выполнением администрацией законодательства о труде (пункт 13 Положения о правах ФЗМК, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР 27 сентября 1971 года). На практике такая деятельность комитетов профсоюзов чаще всего проявляется при разрешении трудовых споров и обсуждении ходатайств администрации об увольнении того или иного работника. Тут профсоюзам предоставлены большие права, причем предусмотрены дополнительные гарантии трудовых прав самих профсоюзных активистов.

Нарушения законов о труде наносят гражданам, предприятиям и организациям, государству в целом огромный материальный и моральный ущерб. Поэтому администраторам, членам профсоюзных комитетов нужно внимательнее изучать основы трудового законодательства и с чувством глубокой ответственности применять их в жизни. Ведь от этого порой зависит судьба человека.

В. МИХЕЕВ,
прокурор отдела
Прокуратуры СССР,
старший советник юстиции

ИЗВЕЩЕНИЕ В ГАЗЕТЕ

ождливым, серым, будничным днем, когда здравый смысл подсказывает сидеть дома, под защитой стен, если, конечно, ты добился в жизни такой привилегии, пещерная теснота комнаты может подействовать угнетающе на пребывающие в безделье тело и душу.

Одинокий человек вышел из своей квартиры, чтобы пойти в порт, посмотреть на морской простор и корабли, которые прибыли издалека и у которых было расписание и заранее определенные рейсы. Он хотел почувствовать дуновение ветра и пронзительную сырость дождя сквозь тонкий плащ.

Вода барабанила по жести крыш, мокрая улица блестела в свете фонарей, слышался шум городского транспорта, спешили прохожие, которые, несмотря на свою целеустремленность, казались нереальными. Однако у большинства, очевидно, было свое расписание и запланированный рейс.

Определенное намерение было и у одинокого человека: увидеть порт, корабли и море, ощутить ветер и пронзительную сырость дождя. Но случайно взгляд его задержался на окне книжной антикварной лавки. Он остановился. Темно-красная роспись на обложке одной из книг приковала его к месту. Эта темно-красная обложка с заголовками была непреодолимым искушением. Она означала неизведанный путь, обещала новые переживания в мире, который называется литературой. Она обещала водоворот фантазии, новых впечатлений, которые хотя бы на минуту похоронят под собой эти серые дни и бездеятельную, бесполезную жизнь.

Одинокий человек знал, что это было для него роскошью, которая уменьшила бы число сытых дней, с пристанищем на ночь. Но одновременно он почувствовал непреодолимый соблазн. Эта темно-красная с узорами книга, можно считать, уже похитила у него ночлег и пищу на ближайшее будущее.

Золотая вещица! Золотая вещица в его кармане была еще более курьезной роскошью, чем эта книга, пусть даже с ней было связано одно воспоминание, которое само по себе теперь уже тоже было роскошью... Пусть уж она лучше доставит ему новые впечатления, чем немного скудной пищи, которая даст ему еще несколько серых, мрачных дней.

Одинокий человек даже не пошел взглянуть на море и корабли. Он отыскал на одной из улиц витрину, которую украшали старые металлические изделия, и объявление, написанное синим мелом, и открыл дверь.

Он попал в маленькое подвальное помещение, стены которого были увешаны полками, а полки забиты всякими металлическими изделиями, настольными принадлежностями, украшениями, часами.

За прилавком возвышалась горой мадам, выражению сверхъестественного безразличия которой едва ли нашлось бы сравнение. Молодые девушки обслуживали посетителей, которых в тот момент было двое.

Неряшливо одетый мужчина в сапогах пытался продать закладную. Он просил за нее две десятки.

— Десять марок,— сказала молодая девушка с оттенком большой снисходительности в голосе.

— Дайте хоть пятнадцать!

Девушка протянула бумагу мадам, которая, едва удостоив ее взглядом, вынесла приговор одним иностранным словом. А девушка в это время уже успела углубиться в проверку большой кучи векселей, лежавших на столе, на что ушла целая минута, прежде чем она сказала ожидающему клиенту, кивнув на его бумагу, лежавшую на прилавке:

— Нас это вообще не интересует...

Мужчина взял свою бумагу, повернулся и пошел, наверное куда-то еще, продолжать попытки обменять ее на что-то необходимое, может, на еду, ночлег, а возможно, и на спиртное.

В другом конце прилавка упитанная дама, компаньонша или клиентка, обменивалась с мадам фразами на иностранном языке. Ее сопровождали две огромные собаки, одна из которых растянулась на диване, а другая обнюхивала штаны одинокого мужчины. И одинокий мужчина удивленно подумал, в чем же могли состоять достоинства, которыми эти собаки возмещали расходы на свое содержание...

В результате переговоров между двумя дамами мадам вытаскала из складок костюма пачку денег и бросила на прилавок несколько бумажек с прежним несокрушимым безразличием.

В сознании одинокого мужчины возник библейский образ пещеры менял, в которой свист кнута мальчика был бы весьма кстати.

Теперь настала его очередь. Девушка через увеличительное стекло внимательно рассмотрела его вещицу и взвесила на маленьких весах. Затем взяла карандаш, произвела расчеты и объявила затем, как бы в пустое пространство, предлагаемую цену.

Одинокий мужчина подумал, что ей, собственно, и ни к чему утруждать себя вежливой профессиональной улыбкой. В магазинах такого рода хорошо знают, что клиентов приводят сюда сильные побудительные причины.

— Это же бессовестно мало,— сказал одинокий мужчина. По правде говоря, он не знал настоящей цены своей вещицы, но ска-

зал это как само собой разумеющееся, чтобы не отдать за бесценок.

Реплика одинокого мужчины не произвела никакого впечатления. Ему не удалось поднять цену ни на одну марку. Он отдал свою золотую вещицу, ему отсчитали деньги, и он ступил на улицу, раздумывая, что же массивная мадам станет делать с пачкой денег, которую он на мгновение узрел... Неужели приобретать все новые и новые вещи на забитые до отказа полки? А затем продавать их с прибылью. Сделки, сделки, а за ними твердое, как скала, чувство безопасности и благополучия, придаваемое богатством...

Он пришел вновь под окно магазина со старыми книгами и заглянул в лавку, где бескрайние ряды книг пробуждали в воображении пустыню, несущую смерть, и манящие лесные дебри. У каждой из этих более или менее потрепанных книг была своя частная жизнь. Они были искателями приключений в книжном мире.

Одинокий мужчина получил свою книгу в темно-красном переплете, хотя и пришлось заплатить за нее значительно большую сумму, чем полагал. Хозяин магазина, говоривший на ломаном финском языке, был прирожденным торговцем и знал людей. Он сразу понял, что одинокий человек не уйдет из магазина без этой книги.

Одинокий мужчина прочел книгу, которая с витрины антикварного магазина предопределила некоторые его шаги. Он читал ее медленно, наслаждаясь, покуривая и размышляя. Эта книга была словно тундра на далеком севере, она требовала усилий и пота восхождения наверх, но шаг за шагом расширялся обзор и прохладный ветер вершин освежающе обдувал странника.

Книга была на иностранном языке: предыдущий читатель карандашом местами переводил отдельные слова и целые фразы. Их можно было изучать как резьбу на стене одинокой избушки в тундре. На заглавной странице остались небрежно стертые дата и даже имя прежнего владельца: У. Т. Квист. Имя ни о чем не говорящее, но, судя по заметкам, он учил в то время язык, а загогулины его почерка свидетельствовали об уравновешенном характере, беспрекословно следующем принятым канонам,— стандартный человек. Но почему он расстался с этой книгой? Выполнила ли она свое назначение и, как ненужное бремя, в соответствии с принципами коммерции, была превращена в деньги? Или же это было продиктовано крайней нуждой?

Из-за страниц этой книги как бы выступал призрак собственной судьбы одинокого мужчины. Экономический кризис, безработица, сбережения на исходе, нужда... Тот человек приобрел эту книгу в

начале кризиса, чтобы учиться, не терять времени, но вынужден был отказаться от нее во имя нескольких марок на ночлег, на кусок хлеба...

Одинокий мужчина не раздумывал больше над судьбой прежнего владельца книги. Но однажды, сидя в харчевне, он случайно взял в руки газету месячной давности, и в чаще газетных строк его глаза отыскивали короткую заметку.

«Сегодня в 10.45 неподалеку от лодочной пристани, в заливе у зоопарка, был найден труп утонувшего мужчины. Утопленник был опознан, им оказался конторский служащий У. Т. Квист, который пропал после 11-го сего месяца. Подробности происшествия неизвестны. В кармане утопленника найдена регистрационная карточка безработного. Покойник был не женат».

Этот незнакомый господин У. Т. Квист благодаря замусоленной заметке вновь вынырнул на поверхность, да еще и покойником, чтобы оповестить о своей судьбе и причастности к одной иностранной книге. Одинокий мужчина видел его расплывчатый призрак, входящий в старый книжный магазин с книгой под мышкой, которая означала для него последнюю пищу, последние папиросы, прежде чем грязная вода морского залива положит всему конец. Но почему отдельные, незначительные обстоятельства породили призрак того человека в его воображении? Что общего могло быть у него с тем человеком? Не то ли, что оба они были людьми, которых экономический кризис вышвырнул за обочину жизненного пути? Уж не указывалась ли ему дорога предшественника, за которым предстояло последовать несколькими шагами позже?

Одинокий мужчина оставил харчевню и отправился спать, но сон его был беспокойным, полным сновидений. Конторский служащий У. Т. Квист поднялся из морских глубин и земных недр, чтобы показать ему последние эпизоды своих бранных, земных скитаний. Эти сцены представились ему с такой жизненной силой, с такой бесцеремонной быстротой и разнообразием, которые возможны только на сцене Сна.

Проснувшись, одинокий мужчина продолжал помнить все увиденное во сне. Ему казалось теперь, будто У. Т. Квист был ему хорошим знакомым, близким человеком, чья судьба не была более порождением газетных строк. Он рассматривал все, касающееся этого человека, с таким большим душевным волнением, как будто был знаком с У. Т. Квистом десятки лет, знал о нем все, десятки тысяч раз здоровался с ним на улице.

Молодой конторский служащий У. Т. Квист сидел однажды в период так называемого экономического подъема вечером в ресторане.

Все столики были заняты. Музыка, гомон, танцы, еда, напитки, красные раки и прозрачное, искристое вино. В стране тогда демонстрировали большую аферу, которая называлась «сухим законом», в то время как бутылки с алкогольными напитками разгуливали на подносах, стояли на столиках и тонули в чреве гостей.

Друзья привезли чиновника У. Т. Квиста, подающего надежды молодого человека, в это место освежиться и развлечься. Ведь у господина У. Т. Квиста были серьезные наклонности и большие амбиции. Он продолжал учиться, будто не был уже конторским служащим, на приличном месте, с надежной и перспективной карьерой. Без вмешательства некоторых своих друзей он упустил бы многое в светской жизни, которую те считали единственно настоящей.

Жизнь еще не успела обломать чиновника У. Т. Квиста. Он был безупречно одетым, сдержанным, серьезным молодым человеком. Он был свободен от пороков, хотя и относился к поколению послевоенной молодежи. Если, конечно, не считать пороком способность опрокинуть много рюмок и оставаться трезвым. Он относился к так называемым поддерживающим общественные устои элементам. Он верил в частное предпринимательство и свободу личности. Он верил, что если человек в этом мире не преуспел, то основная вина в нем самом. Знания и труд всегда найдут свое место и признание в этом обществе. Современное же законодательство, считал он, воспитывает в личности безынициативность, нерадивость, лень.

Этого было достаточно. У. Т. Квист заходил далеко в своих суждениях по социальным вопросам. У каждого свое «я», свое тело, своя душа, о которой никто не будет, да и не обязан, заботиться, кроме тебя самого.

Таким был этот молодой конторский служащий, который однажды вечером развлекался в ресторане в годы так называемого экономического подъема.

В тот же самый вечер и в том же самом ресторане кутил и неизвестный мужчина. Он переживал свои лучшие дни, дни, когда он был молод и обеспечен. Его язык беспрерывно двигался, он ежеминутно вскакивал на ноги, зажигал папиросу не с той стороны, передвигался от столика к столику.

Но чиновник У. Т. Квист остался ему не известным. Они развлекались каждый в своем окружении. Они не могли и предположить, что их жизненные сферы соприкоснутся через несколько печатных фраз, когда подающий надежды молодой человек У. Т. Квист най-

дет свой конец в грязных прибрежных морских водах, а одинокий мужчина почувствует, что его судьба движется в том же направлении.

Затем наступил экономический кризис, который, как утверждали противники существующего строя, возникает из-за пороков капиталистической системы. Кризиса можно избежать только установлением нового, более рационального общественного уклада. Но приверженцы и хранители нынешнего строя утверждали, что кризис — это естественное явление, неизбежное, как лето и зима, что формирование общественного строя достигло своего апогея. Лучшего не было, нет и не будет.

Тысячи и тысячи рабочих оказались выброшенными на улицы, на дороги.

Чиновник У. Т. Квист относился к этому сравнительно спокойно: явление коснется, видимо, только более низкой категории трудящихся, быстро пройдет и будет хорошим уроком тем, кто ведет борьбу за повышение заработной платы. Однако скоро стало ясно, что едва ли кому-нибудь удастся выбраться из этой заварухи сухим. Торговля стала сокращаться, так как оставшиеся без денег рабочие утратили возможность покупать. Дирекция предприятия запланировала сокращение издержек и уменьшила число служащих. Количество безработных увеличилось, и оставшиеся за бортом служащие могли лишь уповать на счастье да искать лошадиные подковы.

А затем наступил день, когда с работы был уволен и чиновник У. Т. Квист. Для него это было, несмотря ни на что, в некотором роде «сюрпризом». Он ведь работал в этой фирме со дня ее основания и верил, что является одним из самых способных служащих. Но борьба за существование и родственные связи решили дело. Унизительные походы на поклон к начальству не помогли, и господин У. Т. Квист вдруг обнаружил, что он безработный, человек без всяких занятий.

Но он не очень испугался. Он сохранял веру в то, что знание дела и желание трудиться всегда найдут свое место и признание, возможно после некоторых испытаний. Кроме того, у него были небольшие сбережения. Подыскивая новое место работы, он мог заняться учебой, чтобы расширить свои знания, например в области иностранных языков.

Но время шло, а работу получить никак не удавалось, да и учеба не идет на ум, когда не знаешь, для чего, собственно, учишься. Пришел день, когда У. Т. Квист обнаружил, что его сбережения на исходе, и теперь нагрянула уже настоящая беда. У него не было влиятельных родственников, а знакомые за время его безработицы

стали, случайно или преднамеренно, избегать его. У них, работников умственного труда, не было ни крепких союзов, ни касс взаимопомощи, ни даже государственных общественных работ для безработных, с помощью которых можно было бы пережить до наступления лучших времен. Собственно, чиновник У. Т. Квист и не мог прибегнуть к такой помощи. Ведь он же всегда выступал против всякого социального обеспечения, располагающего к безделью, деморализующего личность и подтачивающего устой общества.

Да, теперешнее положение представило ему все в новом свете. В этом можно было признаться самому себе и даже кое-кому из знакомых, конечно шепотком, один на один. Но была еще и мужская гордость, которая удерживала от громогласного признания своих ошибок. Это было бы уже признаком слабости, как и потерей последних возможностей найти работу.

У. Т. Квист не имел другого выхода, как переправить все свои мелкие украшения и предметы роскоши в ломбард. Затем пришел черед и самых необходимых вещей. В глубине ломбарда скоро утонули и костюмы У. Т. Квиста, и он красовался на улицах в одеянии, которое несомненно относило его к разряду так называемых видевших лучшие времена людей.

К тому времени возможность получения работы стала практически нереальной.

У господина У. Т. Квиста была знакомая женщина. Собственно, еще недавно, в лучшие дни, их брак был уже решенным делом.

Но в настоящее время и эта женщина была безработной. Хотя она и была продавщицей высокой квалификации и имела приятную внешность, у нее не хватало чего-то такого, что помогло бы ей в эти трудные времена сохранить свое место или найти другое.

И хотя оба они были безработными и ни один из них не располагал поддержкой влиятельных родственников или знакомых, У. Т. Квист нашел, что их нынешнее состояние было в определенном отношении прямо противоположным. Ему, мужчине, бедность была своеобразной нравственной смирительной рубашкой. Отсутствие денег установило строгие и непреодолимые границы умеренности в удовлетворении своих жизненных нужд. А для женщины, возможно и Елены, бедность и отсутствие денег могло обернуться большим искушением. У нее всегда была на крайний случай одна из так называемых самых старых профессий в мире — тем или иным образом обменять свои женские прелести на деньги, чтобы содержать себя.

Так что женская безработица была в некотором роде вопросом нравственного порядка. Но У. Т. Квист верил, по крайней мере пока, что такая проблема не возникнет перед его Еленой.

А дело как раз обстояло так, что Елена, оставшись без работы, оказалась сразу в том положении, в которое У. Т. Квист попал только после многих месяцев безработицы. Ее жалованье всегда было меньше, и у нее отсутствовали те муравьиные наклонности к накоплению, которые были свойственны ее другу. Поэтому она сразу же была вынуждена познакомиться через некоторых своих подруг с особого рода ломбардом. Эти подруги также были жертвами экономического кризиса, выбросившего их на улицу. После более или менее упорного сопротивления они сдались и содержали себя с помощью профессии, которая и в эти времена была достаточно ходовой, хотя конкуренция была большой. Таким образом, Елена очень быстро оказалась на опасном рубеже. А не было ли еще более унижительным, думала она, принимать как подаяние то, что другие получали за свои услуги? Не лучше ли было работать самой, чем предоставлять работать другим, и сохранять, таким образом, кажущуюся чистоту?

Однажды вечером, отправившись с подружками в кабаре, которое было одним из лучших рынков сбыта товара, и выпив немного спиртного, Елена совершила свою первую относительно выгодную торговую сделку. Но она не сказала об этом своему другу, отчасти, очевидно, по той причине, что У. Т. Квист под влиянием безработицы, жалкого существования и безнадежности дошел до такого душевного состояния, что его реакцию было невозможно заранее предугадать.

Поэтому хотя У. Т. Квист ничего не знал о делах своей подруги, но он многое предугадывал и в то же время боялся неотвратимой достоверности своих догадок и поэтому ничего не предпринимал для их уточнения.

Наступил день, когда У. Т. Квист вынужден был оставить свою квартиру, которую он пытался сохранить за собой до последнего момента. Только теперь он понял, как это было глупо. Потому что было лето, теплое лето, когда можно было кое-как прожить и под открытым небом. Теперь же приблизилась осень, а все средства были исчерпаны.

Он мучительно искал, что еще можно было обратить в деньги, а затем в пищу, тепло, жизнь, безнадежные серые дни. Он нашел несколько книг, в их числе и те, которые приобрел в начале безработицы, надеясь продолжить свое образование. Каким далеким казалось теперь это время! Насколько нелепым и наивно чистым представлялось ему его тогдашнее душевное состояние!

Теперь эти книги должны были исчезнуть уже потому, что у него не было больше места для их хранения, не было жилья. Он стер с

них резинкой свою фамилию и продал за весьма небольшую сумму в антикварный магазин.

Вечером этого дня он допоздна бродил по улицам. У него не было жилья. Наступила полночь, и из различных увеселительных заведений хлынул на улицу поток людей. Это были люди, не обремененные заботами, некоторые из них что-то напевали, выписывая ногами кренделя по тротуару. Это были те, у которых еще были деньги, работа, которые еще жили. Они были людьми. В то же время некий У. Т. Квист существовал только символически... Его карьеру конторского служащего можно было изучать как окаменелость под наслоениями безработицы.

Неподалеку от одного из ресторанов он увидел картину, надолго пригвоздившую его к тротуару. Женщина, которая вышла из ресторана в компании какого-то мужчины, была не кем иным, как Еленой. Стройная, она легко впорхнула в автомобиль, за ней последовал мужчина, заворчал мотор, и задние красные фары автомобиля еще некоторое время подмигивали У. Т. Квисту как бы с издевкой.

Он долго стоял на месте. Он вдруг почувствовал огромное, подавляющее одиночество. Он был безработным, бездомным и с исчезновением нескольких оставшихся ассигнаций еще и безденежным, и у него не было больше его Елены. Значит, эта женщина решила свои жизненные проблемы. Но У. Т. Квисту еще не удалось сделать этого и не удастся. Он никогда больше не достанет денег. А деньги были неотъемлемой частью жизни. Кончались деньги, и приходил конец всему...

Он поднялся по ступеням ресторана, нашел свободный столик и машинально сел за него. Он заказал порцию спиртного, подсчитав прежде свои капиталы. Теперь их можно было истратить все до последней марки. Все равно их хватило бы ненадолго.

Он пил, не обращая внимания на окружение, музыку, танцы, на шум голосов, возбужденных алкоголем. Он сидел с отсутствующим выражением, и одна папироса сменяла другую, обратившуюся в пепел. Когда ресторан начал пустеть, он расплатился и, пошатываясь, вышел на улицу.

Денег не было, не осталось ничего и заложить. Все, конец. Он шел через притихшие улицы, ничего не видя. Он был порождением правил и стандартов установившегося жизненного уклада, дитя, заблудившееся в дремучем лесу. У него не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего способность жить в неведении о том, когда случится поесть и приклонить голову на ночь. Он не обладал несокрушимой отвагой и жизнелюбием бродяги.

Он шел, покачиваясь, сначала по освещенным, затем по менее

освещенным улицам. Он ушел в мягкую тьму осенней ночи, и через несколько дней в зарослях газетных страниц появилось то маленькое, едва заметное извещение, которое некий одинокий мужчина случайно заметил примерно месяц спустя.

В силу известных обстоятельств, а также из-за книги, купленной в антикварном магазине, эта заметка воссоздала в его душе контуры жизни чиновника У. Т. Квиста.

Была рождественская неделя. На торговых улицах городского центра висели гирлянды, на башне какого-то ресторана ярко горела звезда, свет реклам пылал северным сиянием, витрины дышали изобилием и красотой. Улицы и магазины были заполнены покупателями. Деньги меняли владельцев. Этот ярмарочный праздник по поводу дня рождения сына одного плотника достиг апогея.

Разглядывая серию этих картин, поверхностный взгляд с трудом мог заметить какие-то признаки так называемого мирового экономического кризиса. Играющий на скрипке, очень легко одетый ребенок рядом с калекой, и иссохшая женщина, робким и умоляющим голосом предлагающая купить шнурки для ботинок,— все эти мелочи, которые всегда вписывались в пейзаж, не обращая на себя внимания.

Одинокий человек шагал по улице с пакетом, в котором была темно-красная узорчатая книга. Он вошел в тот самый магазин, где два месяца назад купил ее.

— Да здравствует торговля и мореплавание,— воскликнул он.— Какова цена на это произведение?

Оказалось, что по определенной теперь цене одинокий мужчина почти полностью вобрал в себя наилучший сок этой книги. Но все же он продал ее ради пищи, табака.

Перевод с финского Ю. АЛЕКСАНДРОВА.

Рис. С. ХАЛИЗОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый вниманию читателей рассказ классика финской литературы Пентти Хаанпя (1905—1955) был написан еще в 1935 году, в период, когда писатель подвергался критике и бойкоту в связи с резким осуждением социальных устоев капиталистического общества в своих произведениях.

Несмотря на то, что время действия рассказа относится к началу 30-х годов, тема его злободневна и в наши дни, когда масштабы безработицы в основных капиталистических странах достигают размеров периода великого кризиса со всеми вытекающими отсюда политическими и социальными проблемами.

**по протесту
прокурора**

Директор Регарского комбината бытового обслуживания (Таджикская ССР) издал приказ о переводе на другую работу инспектора отдела кадров комбината Б. При этом было грубо нарушено законодательство о труде. Дело в том, что, согласно статье 30 Кодекса законов о труде Таджикской ССР, перевод на другую работу на том же предприятии, в учреждении, организации, а также перевод на другое предприятие допускается только с согласия рабочего или служащего. Между тем Б. перевели без ее согласия.

Кроме того, было нарушено требование статьи 30 Положения о правах фабричного, заводского, местного комитета профсоюза, которое утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1971 года. Согласно этому Положению перевод Б. на другую работу мог быть произведен лишь с согласия комитета профсоюза, так как она была членом месткома.

По протесту заместителя прокурора Таджикской ССР министр бытового обслуживания населения республики отменил незаконный приказ и восстановил Б. на прежней работе.

Министр внутренних дел Туркменской ССР обязал начальников управлений внутренних дел облисполкомов республики требовать от торгующих организаций представления списков с анкетными данными на всех членов семьи покупателей, приобретающих легковые автомобили или мотоциклы с колясками.

Прокурор Туркменской ССР опротестовал это распоряжение как не соответствующее «Правилам продажи населению легковых автомобилей и мотоциклов тяжелого типа с колясками», утвержденным постановлением Совета Министров Туркменской ССР от 6 марта 1974 года. Согласно Правилам, при оформлении заказа на покупку автомобиля или мотоцикла покупатель обязан предъявить паспорт (военнослужащий — удостоверение). В тех же Правилах установлено, что к моменту рассмотрения комиссией заявлений отделы (управления) райгорисполкомов, а там, где они отсутствуют, — непосредственно райгорисполкомы, получают справку органов госавтоинспекции по месту жительства покупателя об отсутствии у него, а также у совместно проживающих с ним членов семьи — родителей, супруга, детей — собственного легкового автомобиля. Если у покупателя или членов его семьи есть собственный автотранспорт, заявка не удовлетворяется.

Такой же порядок существует и при рассмотрении заявлений (заказов) на приобретение мотоциклов тяжелого типа с колясками.

Требование у граждан каких-либо анкетных данных и представление их торгующим организациям Правилами не предусмотрено.

Рассмотрев протест прокурора, министр внутренних дел республики привел изданное им распоряжение в точное соответствие с Правилами.

Главный бухгалтер совхоза «Сергиево-Горский» Вязниковского района Владимирской области К. А. Пименова, воспользовавшись слабым контролем за финансовой деятельностью хозяйства и поверхностным проведением ревизий, вместе с другими работниками бухгалтерии Л. М. Аввакумовой, А. М. Исаевой, В. М. Колосковой и М. С. Орловой стала умышленно запутывать учет телят, закупаемых совхозом у населения. Выписывая затем «липовые» закупочные документы и платежные ведомости, они начали присваивать крупные суммы денег. Привлекли к этому и зоотехника Л. И. Баринову. Не брезговали расхитители и прямой подделкой сумм в настоящих ведомостях на выплату денег, начислением зарплаты на несуществующих рабочих, которую сами же потом получали. Хотя действовали они почти открыто, бухгалтер-ревизор А. М. Шарафутдинов, проводя ревизии, не «устанавливал» недостатков.

В течение четырех лет преступники расхитили около ста тысяч рублей, принадлежащих государству. После возбуждения уголовного дела ими было внесено двадцать пять тысяч рублей в погашение причиненного ущерба, а на имущество, в том числе нажитое преступным путем, следователь наложил арест.

Владимирский областной суд приговорил Пименову к пятнадцати годам лишения свободы, запретив ей работать после отбытия наказания в течение пяти лет в должности главного, старшего бухгалтера, зоотехника Баринову — к одиннадцати годам лишения свободы, бухгалтера-ревизора Шарафутдинова — к лишению свободы на четыре года с отбыванием наказания в колонии усиленного режима. Ему также запрещено после отбытия наказания работать в должности бухгалтера-ревизора в течение пяти лет. К различным срокам лишения свободы приговорены и остальные участники хищения. У всех осужденных, кроме того, конфисковано имущество.

В один из выходных дней Н. Ф. Федоренко отправился на Нижнетагильский колхозный рынок. Заметив крупную сумму денег у одной покупательницы, он стал за ней наблюдать. Затем, улучив момент, он похитил у нее кошелек с деньгами. Однако скрыться Федоренко не удалось. Потерпевшая заметила и кражу, и вора. Поблизости находились два сотрудника милиции, уже давно обратившие внимание на подозрительное поведение Федоренко. В момент задержания вор выбросил кошелек, но это не помогло. При расследовании выяснилось, что он уже был судим за ряд преступлений, но, как видно, не сделал для себя необходимых выводов.

Ленинский районный народный суд Нижнего Тагила Свердловской области приговорил Федоренко к лишению свободы сроком на шесть лет с содержанием в исправительно-трудовой колонии особого режима.

Ш

М

Т

Ш

Р

М

М

М

Р

С

В тот день он принимал в народном суде посетителей. В самом начале рабочего дня, едва он вошел в кабинет, в дверь постучали.

На пороге стояла просто одетая, невысокого роста женщина.

— Проходите, садитесь,— предложил Бритов.

— Я к вам с таким вопросом, даже не знаю, с чего и начать,— сказала она, заметно волнуясь.— Горе у меня: муж изменил. Хочу развестись,— на глазах заблестели слезы.— Прожили вот одиннадцать лет, а детей нет. Сама виновата: в первый год замужества сделала аборт. Но дело не в этом. Недавно мне муж преподнес «подарочек» — привез невесть откуда мальчонку и заявляет: «Это мой, Катюша. Теперь будет нашим». Вы представляете? «Нашим!» — женщина всхлипнула.

— Но вы хоть у мужа выяснили: откуда ребенок? — заражаясь волнением посетительницы, просил Бритов.

— И спрашивать не хочу! — сразу бросив плакать, выкрикнула она.— Я сразу поняла: его ребенок.

— Об этом еще рано говорить,— постарался успокоить ее Константин Иванович,— расскажите поподробней, с чего все началось-то...

— Да долгая это история.. Мы ведь с мужем детдомовские: родители наши в войну погибли. Правда, муж, Петр, помнил, что был у него брат. Потерялись они во время бомбежки. И вот года три назад извещение: нашелся брат Алексей. Живет почти рядом, в соседнем городе. Петр быстро собрался и поехал к нему. Я не смогла — не помню уж по какой причине. Прошло полгода. Петр, я заметила, стал рассеянным и даже

начал изредка приходить домой под хмельком. Недавно опять поехал к брату. Я его собрала, как могла, и жду. А он возвратился не один — с ребенком на руках. С мальчиком годика полтора-два от роду...

— Константин Иванович, пора начинать заседание,— прервал воспоминания Бритова секретарь суда.

— Попросите народных заседателей ко мне...

Петр Александрович Павлов, муж Екатерины Ивановны, явился точно к указанному в повестке времени. Пришел он в суд впервые, а потому волновался. Еще бы, ведь здесь будет решаться судьба его семьи. Думая о том, что будет говорить сегодня судьям, он мысленно перебирал в памяти прожитые годы...

Война. Все ближе к их городу подходил враг. Уже начали эвакуировать детей. Мать тоже собралась в дорогу — уходил последний эшелон. В пути их поезд обстреляли вражеские самолеты. Потом началась бомбежка. После сильного взрыва вздрогнул и остановился состав. Испуганная мать выскочила из вагона, но тут же упала и больше не поднялась. Петя с братишкой долго сидели возле убитой матери. Наконец кто-то подобрал их и увез. В тот день они и потеряли друг друга. Потом детский дом, учеба в ремесленном училище.

Прошло много лет. Он долго разыскивал брата. И вот три года назад, когда рухнули, казалось, все надежды, нашелся Алексей...

Брат жил с женой Татьяной и тремя детьми. Петр радовался его семейному счастью и тайком завидовал: у самого-то детей не было. Вечером, в первую встречу, Татьяна устроила ужин. Пригласили знакомых, соседей. Среди приглашенных была молодая женщина. За столом Петр оказался с ней рядом. Познакомились, разговорились. Мария работала здесь же, в совхозе. Была замужем, но разошлась. Детей не было. Живет одна.

Целый вечер они были вместе. Мария все жаловалась на свою нескладную жизнь: «Женихов у меня хватает, да в жены никто не берет». И с нескромной откровенностью призналась, что забеременела: «Был тут один...»

Петр проводил Марию до дома. Вернулся к брату, когда все уже спали. Через два дня он уехал к себе.

— ...А год спустя я получил от Алексея письмо: у Марии родился сын,— рассказывал он на приеме у Бритова свою горькую историю.— Брат писал, что мальчик похож на меня. Я поначалу ду-

мал — шутит. Но потом он сообщил, что Мария совсем забросила сына. Тут-то меня и осенило — Алексей с женой думают, что я отец ребенка. Недели три ходил сам не свой и, наконец, решил поставить все на свои места...

И Петр срочно выехал к брату. Жене пока ни слова не сказал.

— А, Петя! Проходи,— обрадованно встретила его Татьяна.— Мы уж не надеялись, что приедешь. Давно не писал.

— Как живете? — смущенно спросил он.

— Мы-то что, живем хорошо. А вот ваш сын плохо. Приходится мне присматривать за ним. Мария оказалась совсем непутевой. Бегает в кино да на танцульки, а на мальчонку ноль внимания. Да посмотри на него. Пойдем, покажу...

— Тань, ты вправду думаешь, что парнишка мой сын?

— А чей же? Ведь в первый приезд у вас вроде что-то было? Я и у Марии спрашивала — она молчит. А молчание, говорят, знак согласия...

— Да вы что придумали? Не было у меня с ней ничего,— начал было возражать Петр. Но по лицу Татьяны понял: не поверит. Только махнул рукой.

В кроватке тихо посапывал ребенок. Петр молча вглядывался в его лицо, словно пытался найти сходство с собою. Он так давно мечтал иметь сына. И вот... Но ребенок-то не мой. Да и как-то отнесется к нему Катя? Что люди подумают... Но будь что будет. Склонился над кроваткой, бережно взял мальчика на руки.

— Усыновлю я его и возьму к себе! — вдруг выдохнул Петр.— Мария отдаст. Алексей писал, что она не против...

— А ты с Катей-то посоветовался?

— Пока нет. Но ведь она давно мечтает о ребенке,— громко сказал он.

Мальчик проснулся, открыл глаза.

Татьяна сбегала за корытом, нагрела в большой кастрюле воды, и через несколько минут Петр уже купал мальчика. С непонятной для себя легкостью он быстро справлялся с непривычной работой. Ребенок что-то лопотал, брызгался. А когда Петр отвернулся, чтобы взять полотенце, малыш отчетливо произнес:

— Мама!

Петр мгновенно обернулся к двери, ожидая увидеть Марию, но в комнате никого не было.

— Ма-ма,— опять протянул ребенок.

У Петра запершило в горле. Молча закончив купание, он отнес мальчика Татьяне и заторопился:

— Пойду искать Марию. Надо поговорить.

Ее встретил возле фермы:

— Я хочу забрать у тебя парнишку. Надеюсь, ты не против?

Та равнодушным взглядом смерила Петра с ног до головы:

— Бери, если хочешь. Ребенок, по правде говоря, связал мне руки — замуж не могу выйти из-за него.

И, не попрощавшись даже, она быстро ушла.

Первым же поездом Павлов уехал с сыном домой.

— Он и теперь зовет вас мамой? — спросил народный заседатель Петра.

— Да. Меня уже на работе в шутку зовут мамашей.— Он вздохнул.— Думал, Катя станет ему матерью... Я понимаю, что поступил опрометчиво, не посоветовавшись с ней. Но что теперь делать! Катя не хочет даже выслушать меня...

— Вы, Павлов, своим поступком поставили жену в очень неловкое положение. И не только обидели Екатерину Ивановну, но, может быть, поломали жизнь и Марии.

— Но я знаю, что Марию лишили родительских прав...— Павлов замолчал.

Председательствующий объявил перерыв на два дня.

В душе Константин Иванович надеялся, что за эти дни супруги все-таки встретятся, поговорят. И, может быть, примирятся. Как-никак, а прожили одиннадцать лет... Хотя нужно, конечно, понять и Екатерину Ивановну: глубоко задета ее женская честь...

У выхода из здания суда Бритов увидел Павлова. Чувствуется, ждал судью. Разговорились.

— Помогите мне наладить отношения с женой, Константин Иванович. Катя ведь может стать парнишке матерью...

— Вы бы сами еще раз жене все объяснили как следует,— посоветовал Бритов.

На другой день Бритов выехал в соседний город: там надо было проверить по поручению отдела юстиции одну жалобу. К вечеру, освободившись, Константин Иванович направился в пригородный совхоз, где, по словам Павлова, жила Мария. В исполкоме сельсовета он поговорил с председателем.

— Знаю, знаю я ее,— сказал тот.— Но Мария уже уволилась из совхоза.— И добавил: — Вообще-то она девица ветреная, непутевая. Первый раз вышла замуж — жизни не получилось. И парень

вроде был неплохой, да она не сумела семью построить. Разошлись. Потом сюда какой-то приезжал, от него родила сына. Плохой была матерью,— подвел итог председатель,— мы даже на исполком ее вызывали. А она послушала, послушала, хлопнула дверью и ушла. И уехала вскоре на Камчатку по оргнабору. Разве теперь ее найдешь. Да и искать-то ее не стоит — она же лишена родительских прав...

Бритов побывал и у директора совхоза, и у председателя рабочкома, и в женсовете. Теперь он представлял, каково было ребенку с Марией...

В ночь перед судом Петр долго не мог заснуть. Все ходил и смотрел на спящего сына. Наутро, покормив ребенка, заторопился в суд. Там уже собралось много народу. Но вот секретарь суда пригласила его жену подойти к столу.

И вот они сидят на одной скамейке. Петр попытался что-то сказать жене, но в это время вошли судьи. Все встали. Председательствующий объявил о возобновлении судебного процесса.

— Вы продолжаете настаивать на своих требованиях, истица Павлова? — обратился судья к Кате.

— Да. Мой муж, то есть ответчик, изменил мне. Разве могу я продолжать с ним совместную жизнь?

— Вы любили его?

— Любила. И продолжала бы любить, если бы...

— Вы знаете, как все произошло?

— Нет.

— А если бы узнали, что ребенок остается без присмотра матери, пришли бы вы ему на помощь?

— Я люблю детей, да, жаль, у меня их нет. Конечно, я взяла бы под защиту любого ребенка, окажись он в беде.

— Вот так поступил и ваш муж, узнав о том, что ребенок у нерадивой матери находится без присмотра и заботы. Она бросила сына на произвол судьбы и, по существу, отказалась от него. Вы не пытались обстоятельно поговорить с супругом о случившемся?

— Но поймите, ведь отец ребенка — мой муж! Муж! — в отчаянии выкрикнула Павлова.

— А вы в этом убеждены? — спросил Бритов.

...Да, Екатерина Ивановна давно мечтала о ребенке. Видеть детей и сознавать, что своих не будет,— большое испытание для женщины. Она росла, как и муж, без отца и матери. Любовь к мужу

была единственной радостью для нее, заполняла все ее сердце. И неожиданно свалилось такое испытание!

— Я хотела иметь сына,— тихо повторила Павлова,— но разве так...

— Скажите, а как бы вы поступили, если бы муж сразу по приезде от брата рассказал правду о случившемся? — спросил прокурор.

Екатерина не ожидала такого вопроса. Однако задумалась только на минуту и ответила:

— Но он молчал до тех пор, пока не привез мальчика. У меня ведь тоже есть самолюбие. Если бы Петр объяснил все сразу, то и разговору никакого не было бы...

— Ответчик Павлов,— обратился Бритов к Петру,— а как вы относитесь к разводу?

— Я хочу сохранить семью, потому что люблю Екатерину. Но я знаю, что значит жить без родителей. Вот и решил: возьму ребенка с собой, чего бы это мне ни стоило. Перед женой я виноват и прошу у нее прощения: прости, Катя, ради малыша и будь ему матерью,— голос у Петра сорвался. Он сел.

Екатерина Ивановна опустила голову. Бритов заметил ее волнение и не торопился. Объявил перерыв.

Отпущенный с рук, малыш смешно затопал к столу, за которым сидел прокурор. Попробовал подтянуться — не вышло. Вернулся к отцу. Петр рассеянно следил за ним, а сам нет-нет да и взглянет исподтишка на жену.

Перерыв кончился. Судьи вновь заняли свои места.

— Истица Павлова, могли бы вы наладить семейную жизнь в случае примирения с мужем?

Екатерина Ивановна встала, впервые за весь процесс взглянула на мужа и ребенка:

— Я постараюсь...

— Ма-ма! — бросился вдруг за отцом малыш.

Павловы разом обернулись, шагнули ему навстречу и подняли ребенка на руки.

Суд решил: дело о разводе прекратить...

Когда Бритов вышел из суда, то заметил: его поджидают Павловы. Втроем. «Да, все могло обернуться для них по-другому», — подумал Константин Иванович. И сказал, перебивая слова благодарности:

— Ну что ж, желаю счастья. Всем троим... Но не тяните с оформлением усыновления.

АРК. КОТОВ

Курьезы американского законотворчества

Не знаем, соответствует это действительности или нет, но подобный случай в театре города Сан-Франциско вполне мог произойти. Тем более что по закону такое возможно.

Итак, в зрительный зал явился человек в шляпе и не хотел ее снять, хотя многие, особенно те, кто сидел позади него, возмущались. Но оказавшийся в одном ряду с ним юрист авторитетно разъяснил, что по древнему закону города, изданному вскоре после его основания, в 1776 году, любой гражданин имеет право сидеть в театре в головном уборе при условии, что он, то есть головной убор, с абсолютной точностью соответствует размеру... головы.

Кстати сказать, нелепости, подобные тем, которые зафиксированы в Сан-Франциско, имеют продолжение и в штате Калифорния, где находится город. Вот другие поразительные примеры здешнего законотворчества.

В присутствии десяти и более людей нельзя плохо отзываться о каком-либо лице, клеветать и говорить о нем «неприличные вещи». Выходит, если таких свидетелей менее десяти — клеветать и рассказывать непристойности разрешается.

Чистильщики обуви обязаны закрывать края юбки клиентки зажимом, прежде чем начать чистку туфель.

Запрещено собирать на улице брошенное конфетти, чтобы снова его использовать.

Желающий посетить бал-маскарад в маске должен предварительно получить разрешение полиции.

Если в частной квартире пожелают играть в карты или домино, то нельзя запира́ть комнату.

В Пасадене директору не разрешается находиться в помещении наедине со своей секретаршей.

В Кармене женщинам-служащим возбраняется принимать в служебном помещении душ или ванну (мужчинам же разрешено...).

В Беркли после семи часов вечера запрещено свистеть вслед улетевшей канарейке.

В Лос-Анджелесе нельзя держать дома бегемота...

В Голливуде запрещено гнать по главной улице одновременно более двух тысяч овец!

На подозрении — каждый пассажир

Ограбления водителей такси или нападения на них для захвата машины стали в странах Запада весьма частым явлением. Обычно злоумышленник располагается на заднем сидении и, попросив остановить автомобиль в каком-нибудь укромном месте, набрасывается на водителя.

Чтобы обеспечить безопасность шофера, французские инженеры предложили заменить существующую сейчас стеклянную перегородку — единственную пока защиту водителя такси — специальным устройством. Оно представляет собой две или три пластиковые створки, замаскированные драпировочной тканью и расположенные на потолке салона автомобиля между передним и задним сиденьями. Стоит водителю нажать особую педаль, как створки под действием мощных пружин разрывают маскировочную ткань и обрушиваются вниз, образуя защитную стенку. При падении они не только отделяют заднюю часть салона от передней, но и могут либо нанести нападающему физическую травму, либо вызвать у него замешательство.

Но эта «рационализация», пожалуй, не идет ни в какое сравнение с другой. Суть ее в том, чтобы при посадке в такси регистрировать пассажиров с помощью... отпечатков пальцев. А для получения их и хранения даже разработано малогабаритное переносное устройство. Оно напоминает небольшой сейф, в одной секции которого (водитель имеет сюда свободный доступ) находятся чистые пластинки, а в другой должны содержаться пластинки с отпечатками пальцев. Водитель снимает их при посадке пассажира и опускает затем через специальную щель в закрытое отделение сейфа. На каждой пластинке нанесены еще все данные о машине и ее водителе.

Остается только выяснить, как быть с уважением прав человека, о которых так непрочь поговорить ревнителю буржуазной демократии?

В. ШАХИН

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

наши
консультации

Обращение за государственной пенсией

Граждане, имеющие право на государственную пенсию, могут обращаться с просьбой назначить ее в любое время после возникновения этого права, без ограничения каким-либо сроком.

С 1 июля 1969 года Совет Министров СССР (постановлением от 9 апреля 1969 года) возложил на администрацию предприятия, учреждения, организации подготовку — совместно с фабричными, заводскими, местными комитетами профсоюзов — документов, необходимых для назначения пенсий рабочим, служащим и их семьям, и представление их к назначению пенсий. Работающие или члены их семей (в случае потери кормильца) подают заявление о назначении пенсии администрации предприятия, учреждения, организации по месту последней работы. При этом не имеет значения продолжительность работы гражданина на данном предприятии.

Заявление подается в письменном виде. В нем указываются фамилия, имя, отчество, место жительства, дата рождения, серия и номер пас-

порта, вид пенсии, на которую претендует заявитель, а также сведения о том, назначалась ли ранее какая-либо другая пенсия.

Чтобы облегчить составление заявления, разработана его форма. Каждое предприятие, учреждение, организация должны иметь бланки заявлений, в случае же их отсутствия образец можно получить в отделе социального обеспечения. Четкое заполнение всех граф заявления позволяет избежать недоразумений.

Согласно законодательству гражданам, имеющим право одновременно на различные пенсии, назначается одна пенсия по их выбору. Если пенсионер, получавший пенсию по одному основанию (скажем, по инвалидности), приобретает право на другую пенсию (например, по старости), он может обратиться с заявлением о переводе его на новую пенсию. Такой перевод делается исключительно по желанию пенсионера и в его интересах.

Порядок обращения с просьбой перевести с одной пенсии на другую такой же, как и при

первичном назначении пенсии. При переводе на пенсию по новому основанию выплата прежней пенсии прекращается. В случае получения двух пенсий переплаченные суммы должны быть возвращены.

После того как работник обратился за назначением пенсии, администрация совместно с фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза в десятидневный срок (со дня поступления заявления) обязана оформить документы о стаже и зарплате и вместе с заявлением и своим представлением направить их в районный (городской) отдел социального обеспечения по месту жительства заявителя. Помимо этого должны быть подготовлены и приложены к заявлению другие необходимые документы: свидетельство о браке, справка о работе (если сведения об этом отсутствуют в трудовой книжке) и так далее. Эти документы предприятие обязано запросить из соответствующих органов: жилищно-эксплуатационных контор, исполкомов сельских Советов, загсов.

Очень важно, чтобы администрация соблюдала установленный срок представления документов. Пенсия по старости назначается со дня обращения за ней. (Днем обращения считается день приема заявления со всеми предусмотренными документами.) Поэтому несвоевременное представление документов в отдел социального обеспечения отодвигает срок установления пенсии.

Пенсии по инвалидности назначаются со дня ее установления врачебно-трудовой экспертной комиссией (ВТЭК), если инвалидность была установлена в период временной нетру-

доспособности и если рабочий или служащий обратился за пенсией не позднее трех месяцев со дня установления инвалидности.

Семьям рабочих и служащих пенсии назначаются со дня смерти кормильца, если семья обратилась за пенсией не позднее трех месяцев со дня его смерти. При пропуске трехмесячного срока пенсия назначается со дня обращения.

В отдельных случаях задержка в представлении рабочих и служащих к пенсии может привести к потере ими права на пенсионное обеспечение по старости при неполном стаже. Одно из необходимых условий назначения такой пенсии — обращение за ней не позднее месяца после увольнения с работы.

Чтобы избежать задержек с представлением к пенсии, на большинстве предприятий, организаций предварительно составляют списки рабочих и служащих, приобретающих право на пенсию в течение ближайших двух-трех лет, заблаговременно просматривают все документы, подтверждающие стаж работы. Если такие документы отсутствуют или требуют уточнения, запрашивают предприятия, учреждения, где раньше работал гражданин, архивные органы, принимают меры к розыску свидетелей, которые могли бы подтвердить недостающий стаж.

Если администрация своевременно не представила трудящегося к назначению пенсии, то в силу статьи 88 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик организация обязана возместить вред, причиненный по вине ее работников

при исполнении ими служебных обязанностей. Ущерб, нанесенный рабочему или служащему нарушением сроков представления к пенсии, может быть возмещен в судебном порядке.

Бывает, что десятидневный срок представления истекает, а собрать все необходимые документы не удалось. Закон разрешает в таких случаях подавать представление и заявление с частью документов. При этом отдел социального обеспечения сообщает администрации предприятия, учреждения или заявителю, какие документы должны быть представлены дополнительно. И если их представят не позднее трех месяцев после этого, то днем обращения за пенсией будет считаться день приема представления и заявления с частью документов в отделе социального обеспечения.

Представление к пенсии подписывается руководителем предприятия, учреждения, организации и председателем комитета профсоюза и заверяется печатью. На предприятиях, в учреждениях и организациях, где фабзавместком не избирается, администрация представляет трудящегося к пенсии совместно с профсоюзными организаторами.

Администрация и комитет профсоюза могут отказать в представлении к назначению пенсии, если, по их мнению, работник права на пенсию не имеет. Об отказе необходимо сообщить заявителю в письменной форме, с указанием причин.

Если работник не согласен с решением администрации и комитета профсоюза об отказе представить его к назначению пенсии, он может подать заяв-

ление о назначении пенсии непосредственно в районный (городской) отдел социального обеспечения.

В таком же порядке, то есть непосредственно в отдел социального обеспечения по месту жительства, подается заявление о назначении пенсии рабочим и служащим, оставившим работу, а также другим гражданам и членам их семей.

К другим гражданам, обеспечиваемым государственными пенсиями, относятся: военно-служащие рядового, сержантского и старшинского состава срочной службы; учащиеся высших, средних специальных учебных заведений, училищ, школ и курсов по подготовке кадров, аспиранты и клинические ординаторы; иные граждане, не являющиеся рабочими или служащими, если они стали инвалидами в связи с выполнением государственных или общественных обязанностей либо в связи с выполнением долга гражданина СССР по спасению человеческой жизни, по охране социалистической собственности, а также социалистического правопорядка.

Представление или заявление с документами могут быть переданы в отдел социального обеспечения лично представителем предприятия или заявителем (когда допускается непосредственное обращение в отдел) либо направлены по почте.

Если представление или заявление о назначении пенсии пересылается по почте и при этом прилагаются все предусмотренные документы, то днем обращения за пенсией считается дата, указанная в почтовом штампе места отправления.

Обращающийся за пенсией

(независимо от ее вида) должен предъявить паспорт или другой документ, удостоверяющий личность, возраст и место жительства.

Представления или заявления рассматриваются комиссиями по назначению пенсий при

исполнительных комитетах районных (городских) Советов депутатов трудящихся не позднее десяти дней после того, как поступили представление или заявление со всеми необходимыми документами или получены дополнительные документы.

Л. ВУЛЬФ,
начальник отдела
Министерства социального
обеспечения РСФСР

Перевод на другую работу и увольнение шоферов

Законодательство о труде предусматривает общий порядок перевода на другую работу и увольнения рабочих и служащих. Этот порядок, конечно, распространяется и на шоферов. Но есть некоторые особенности, характерные для данной категории трудящихся.

Перевод на другую постоянную работу на том же предприятии допускается только с согласия рабочего или служащего. Причем переводом считается предоставление другой работы, не предусмотренной трудовым договором. Поэтому, например, перевод шофера с междугородных перевозок на внутригородские считается переводом на другую работу, и необходимо его согласие на это.

Перемещение работника на другое рабочее место на том же предприятии без изменения специальности, квалификации, должности, размера оплаты труда, различных льгот, преимуществ и иных существенных условий труда не является пе-

реводом, и для этого не требуется согласия работника.

При приеме шофера на работу администрация обязана предусматривать в трудовом договоре условия его труда, то есть будет ли он работать на автомобиле определенного типа, грузоподъемности (емкостности) либо на любой имеющейся на предприятии автомашине. Если в приказе о зачислении указан тип, грузоподъемность автомобиля, то переход шофера на автомобиль другого типа рассматривается как перевод на другую работу. Если же при заключении трудового договора не был обусловлен тип автомобиля и его грузоподъемность, то администрация имеет право перемещать шофера в интересах производства с автомобиля одного типа на другой, и это не будет считаться переводом на другую работу.

Наряду с переводом на другую постоянную работу законодательство о труде предусматривает возможность перевода на другую работу вре-

менно. Шофер может быть переведен на временную работу в случае производственной необходимости для предприятия, учреждения по основаниям, предусмотренным законодательством. Продолжительность перевода ограничивается одним месяцем. При временном переводе в случае производственной необходимости администрация вправе не учитывать специальность работника. Например, шофера можно перевести на ремонтные или другие работы. Оплата при этом производится по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней.

Временный перевод возможен также в случае простоя. При этом шофер может быть переведен на другую работу на том же предприятии на все время простоя или на другое предприятие, но в той же местности, на срок до одного месяца.

При переводе водителей вследствие простоя (в связи с неисправностью или некомплектностью закрепленных за ними автомобилей, отсутствием работы по специальности и тому подобным) на ремонт и техническое обслуживание автомашин на все время простоя оплата их труда производится по выполняемой работе. При этом водителям присваиваются квалификационные разряды слесаря по ремонту автомобилей. Если зарплата по выполняемой работе окажется ниже среднего заработка по прежней работе, то производится доплата: при выполнении норм выработки — до прежнего среднего заработка, при невыполнении этих норм или переводе на повременно

оплачиваемую работу — до тарифной ставки по прежней работе.

Перевод на другую работу может быть сделан администрацией предприятия, учреждения в порядке дисциплинарного взыскания. Статья 135 Кодекса законов о труде РСФСР, например, предусматривает как меру дисциплинарного взыскания перевод на другую, нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев. Такой перевод допускается с учетом специальности работника. Следовательно, применяя это взыскание, можно перевести шофера на другой тип машины, с одного вида перевозок на другой с меньшей оплатой. Однако его нельзя перевести на ремонтные работы.

Вопрос о переводе шоферов на другую работу часто возникает в связи с лишением их водительских прав. Шофер, лишенный водительских прав, оказывается не соответствующим выполняемой работе. И тогда администрация вправе перевести его, если он согласен, на работу, не связанную с вождением автомобиля, на срок лишения водительских прав. Если же такой перевод невозможен (ввиду отказа шофера или отсутствия работы), допускается его увольнение как не соответствующего выполняемой работе, с согласия фабзавместкома профсоюза и с соблюдением других требований, установленных законом.

Шофера, лишённого водительских прав за нарушение трудовой дисциплины, появление на работе в нетрезвом состоянии, администрация вправе уволить — в установленном

порядке — за систематическое неисполнение трудовых обязанностей (если оно имело место) или за прогул.

Шофер, лишенный водительских прав за управление транспортом в нетрезвом состоянии, не может быть уволен как не соответствующий занимаемой должности вслед-

ствие недостаточной квалификации, препятствующей продолжению данной работы. При недостаточной квалификации нет вины работника, а шофера, лишенного водительских прав за управление транспортом в нетрезвом состоянии, никак нельзя освободить от ответственности.

В. СИЗЯКИН,
кандидат юридических наук

**Читатель
на приеме
у юриста**

Т. Наумова из Барнаула просит разъяснить, имеет ли женщина — инвалид II группы право получать какую-либо материальную поддержку от бывшего мужа, брак с которым расторгнут.

Супруги обязаны материально поддерживать друг друга. В случае отказа в такой поддержке нуждающийся в материальной помощи нетрудоспособный супруг имеет право по суду получать алименты от другого супруга, если у того есть материальные возможности. Право на алименты имеет также жена в период беременности и в течение года после рождения ребенка. Поясним, что нетрудоспособными в таких

случаях считаются супруги, достигшие пенсионного возраста (женщины — 55 лет и мужчины — 60 лет), а также инвалиды.

А если брак расторгнут? И тогда нуждающийся нетрудоспособный супруг сохраняет право получать алименты от другого супруга при условии, что стал нетрудоспособным до расторжения брака или в течение года после его расторжения. Если супруги долго состояли в браке, суд вправе взыскать алименты в пользу одного из разведенных также в случае, когда тот достиг пенсионного возраста не позднее пяти лет с момента расторжения брака. Жена сохраняет право получать материальную помощь от мужа в период беременности и в течение года после рождения ребенка, если беременность наступила до расторжения брака.

Суд может, учитывая непродолжительность брака либо недостойное поведение супруга, требующего выплаты ему алиментов, освободить другого супруга от обязанности оказывать ему помощь или ограничить ее определенным сроком.

Размер алиментов определяется судом исходя из материального и семейного положения супругов в твердой денежной сумме, вы-

плачиваемой ежемесячно. При изменении материального или семейного положения одного из супругов каждый из них вправе обратиться в суд с иском об изменении размера алиментов.

Если отпали основания для получения алиментов (например, человек, бывший инвалидом, вновь стал трудоспособным), а также если разведенный супруг, получающий алименты, вступит в новый брак,— право на них утрачивается. Уплачивающий их вправе обратиться в суд с иском об освобождении его от дальнейшей уплаты.

Изложенный порядок выплаты алиментов одним из супругов в пользу другого предусмотрен Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье и кодексами о браке и семье союзных республик.

Ю. ЖУКОВ,
кандидат юридических наук

Б. Романов
из Ростова-на-Дону
спрашивает, может ли
следователь наложить
арест на имущество
обвиняемого
до рассмотрения
дела судом.

Чтобы обеспечить гражданский иск или возможную конфискацию имущества, следователь вправе и обязан наложить арест на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, либо иных лиц, у которых находятся вещи, приобретенные преступным путем.

Имущество, на которое наложен арест, передается следователем на хранение представителю исполкома сельского или поселкового Совета депутатов трудящихся либо домоуправления, или владельцу этого имущества, или его родственнику, либо другому лицу. При необходимости это имущество может быть изъято.

Н. ГЛУЩЕНКО,
член Ростовского
областного суда

К. Петрухина
из Красноярского края
просит разъяснить,
можно ли налагать
административный
штраф
на несовершеннолетних.

Административный штраф может быть наложен на лицо, которому до совершения им административного правонарушения исполнилось шестнадцать лет.

Если правонарушение, наказуемое в административном порядке, совершит подросток, не достигший шестнадцати лет, штраф — до 30 рублей — может быть наложен на его

родителей. Решения о наложении в таких случаях штрафа на родителей вправе выносить комиссии по делам несовершеннолетних при исполнительных комитетах районных (городских) Советов.

М. МАСЛЕННИКОВ,
кандидат юридических наук

Более двадцати лет
назад я расстался
с женой и не знаю,
где она находится.
Но брак между нами
не расторгнут. Можно
ли мне вступить
в новый брак?
М. Магомедов,
Дагестанская АССР.

Статья 16 Кодекса о браке и семье РСФСР предусматривает, что брак не может быть заключен между лицами, из которых хотя бы одно состоит в другом браке. Этот запрет вытекает из известного принципа нашего брачно-семейного законодательства, в соответствии с которым лицо может состоять только в одном браке.

Однако иногда бывает так, что хотя брак и не расторгнут, но брачные отношения прекратились: су-

пруги длительное время совместно не проживают и даже не знают о месте жительства друг друга. В этом случае любой из них может обратиться в народный суд с заявлением о признании другого супруга безвестно отсутствующим. Если суд такую просьбу удовлетворит, то органы загса на основании судебного решения расторгают брак. И после этого, естественно, можно вступать в новый брак.

П. ВАСИЛЬЕВ

**Они сами
о себе**

ДЖУЛС КРОЛЛ

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В МИРЕ АМЕРИКАНСКОГО БИЗНЕСА

Автор публикуемой статьи — бывший помощник прокурора одного из районов Нью-Йорка, а ныне президент «Кролл ассошиэйтс инкорпорейтед» — частной компании, которая консультирует коммерческие фирмы. Ему, конечно, хорошо известна вся подноготная, связанная с дачей и получением взяток.

Кролл, естественно, далек от осуждения того социального строя, который порождает подобного рода преступления. Поэтому и выглядят столь наивными предлагаемые им меры борьбы с ними. Приводимые же в статье факты представляют для читателя несомненный интерес.

Внимание деловой Америки недавно было вновь привлечено к раскрытию взяточничества и подкупа зарубежных контрагентов такими гигантами американской промышленности, как «Галф ойл корпорейшн», «Юнайтед брэндз компани» и «Нортроп корпорейшн». Для пресечения подобной незаконной и аморальной деятельности министерству юстиции пришлось создать даже новый специальный отдел по расследованию преступности корпораций.

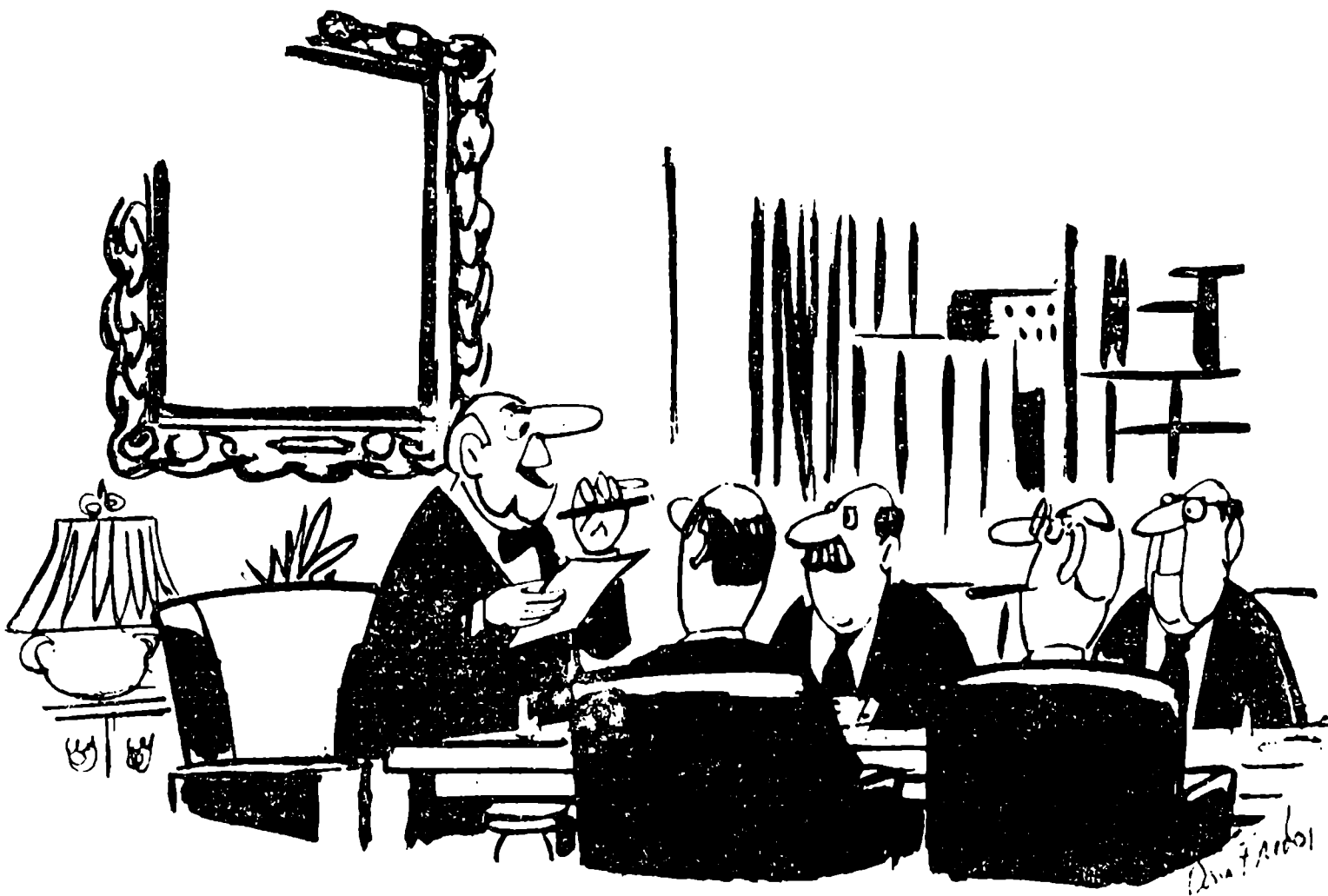
60

Однако проблема взяточничества существует и внутри страны, и на это зачастую смотрят сквозь пальцы. За последние пять лет взяточничество распространилось повсеместно и выросло до огромных масштабов, особенно в сфере торговли.

Министерство торговли США считает, что общая сумма, передаваемая и получаемая коммерсантами при преступных операциях, достигает сорока миллиардов долларов в год. На одни только взятки деловая Америка ежегодно расходует около семи миллиардов долларов. Если предположить, что чистая прибыль от торговых операций в среднем составляет пять процентов, то это означает, что каждый пошедший на взятку доллар равен потере прибыли, которую можно получить от продажи товаров на 20 долларов. Следовательно, взятки в семь миллиардов долларов фактически соответствуют сумме продаж и закупок на 140 миллиардов долларов.

Подкуп потребителей считается нормальным явлением при совершении сделок в таких отраслях, как «индустрия досуга», предоставление в аренду автомобилей и оборудования, производство одежды, полиграфия, строительство, розничная торговля, и многих других.

В полиграфической промышленности Нью-Йорка — каждый из восьми долларов заработан при помощи мзды. А каждый пятый агент по снабжению, связанный с полиграфией города, наверняка

— Джентльмены! Заканчивая свое выступление, я хочу сообщить вам приятную новость: мы получили взятку на двадцать два процента больше, чем израсходовали на подкуп.

«НЬЮ-ЙОРКЕР»

в той или иной форме получает взятки или незаконные вознаграждения.

Почему же в последние годы так широко практикуется подкуп? Одна из причин состоит в том, что никто не боится наказания. Возьмем пример с сотрудником одного из журналов, ведавшим рассылкой издания по почте. Как выяснилось, он регулярно мошенничал при сделках по закупке бумаги, почтовых принадлежностей и других товаров. Он жил на более широкую ногу, чем позволяло его жалование в 26 тысяч долларов в год. Для любовницы содержал дорогую квартиру в городе, а жена жила на загородной вилле. Этот служащий знает, что если бы он ограбил, скажем, банк, сбыв незарегистрированные ценные бумаги или даже совершил мелкую кражу в магазине, то у него было бы немного шансов безнаказанно ускользнуть. А в данном случае помимо твердой уверенности в том, что его махинации мало кто сумеет обнаружить, он еще твердо сомневается, существует ли закон, по которому его могут осудить именно за взяточничество. Его не беспокоит мысль о возможной расплате за преступление, он лишь боится потерять место.

В восьми штатах подкуп коммерсантов квалифицируется, если это не связано с выборными должностными лицами, как обычный проступок. Например, максимальная мера наказания в Нью-Йорке — всего три месяца тюрьмы плюс штраф в 500 долларов или в размере удвоенной суммы взятки. В штате Нью-Джерси преступления подобного рода подпадают под закон о нарушении порядка, предусматривающий максимальный срок тюремного заключения один год. В Пенсильвании взяточники подвергаются штрафу, не превышающему пяти тысяч долларов. Аналогичный закон действует и в штате Иллинойс. Для дельцов эти меры наказания не очень-то страшны. В штатах Флорида, Массачусетс, Калифорния и Огайо специальных законов против взяточничества среди коммерсантов нет вообще.

К чему же приводит подобное попустительство законодателей?

Агент по снабжению крупной торговой фирмы «Сирс, Робэк энд компани» получил сорок пять тысяч долларов взятки, был уволен и впоследствии привлечен к суду, но не за взяточничество, а за махинации с почтовыми и телеграфными расходами и сокрытие от налогового управления своих доходов. Аналогичный случай произошел с агентом по снабжению «Интернэшнл харвестер компани», которого федеральный суд Чикаго привлек к суду по обвинению во взяточничестве. Его приговорили к семнадцати... суткам тюрьмы, штрафу в пять тысяч долларов и еще к двум с половиной годам тюрьмы условно. Однако его осудили отнюдь не за взяточничество, а за махинации с почтовыми расходами, на что пожаловались два клиента компании.

Впрочем, даже подобные примеры встречаются весьма редко. Нечистые на руку коммерсанты знают также не только об этом, но и о том, что большинство фирм по самым разным причинам не хочет связываться с органами расследования: это связано с осложнениями при предъявлении иска, сборе доказательств виновности и нежеланием руководства ставить себя в неловкое положение в связи с таким делом. Следовательно, взяточников реально сдерживают только боязнь увольнения, штрафы по федеральному закону и законы о махинациях с почтово-телеграфными тарифами.

Вторая причина роста количества незаконных коммерческих операций состоит в том, что проводить их чрезвычайно просто. Ведь яснее ясного, что если кто-то получает взятку, то кто-то ее должен и давать, а число коммерсантов, стремящихся заключать контракты и сбывать товар или получить вознаграждение за свою работу, огромно. Например, глава одного из предприятий, входящего в состав крупного концерна, после семнадцати лет службы имел в

швейцарском банке счет, который, возможно, поставил его в число миллионеров. Деньги поступали непосредственно от поставщиков, с которыми он вел дела.

Вознаграждение наличными в сфере бизнеса дополняется весьма распространенной формой других незаконных поощрений: персональными подарками, начиная от сделанных на заказ ботинок и кончая оплаченными путешествиями. Широко практикуется предоставление неограниченной возможности пользоваться арендованными контрагентом автомобилями, так как в данном случае властям почти не к чему придраться.

Однако компании ищут способы пресечь получение незаконных денег. Некоторые, например, в порядке превентивной меры регулярно устраивают беседы со своими служащими. Их записи затем тщательно исследуются специалистами. Один крупный бизнесмен, занимающийся розничной торговлей, требует, чтобы его подчиненные каждые два года меняли свою клиентуру. Некая корпорация попросту каждые три года увольняет высших служащих, связанных с коммерцией. Каждый принятый сюда на работу знает, что срок его службы, а следовательно, и возможность наладить регулярное получение взяток ограничены.

Однако, разумеется, более мудро было бы следовать «старомодной» честности.

Перевел с английского М. БЕЛЯЕВ.

Л. ПЭК,
кандидат искусствоведения,
С. ЯНИ,
кандидат юридических наук

**ПОКУШЕНИЯ
НА
ШЕДЕВРЫ**

...По данным Международной ассоциации охраны произведений искусства, в 1975 году произошло 33 840 хищений реликвий, представляющих большую художественную ценность,— на 7,6 тысячи больше, чем в 1974 году. Более половины хищений — около 20 тысяч — зарегистрировано в Западной Европе.

...Кражи и сбыт произведений искусства стали сейчас второй по величине разновидностью преступного бизнеса в международном масштабе, уступая лишь контрабанде наркотиков...

(Из сообщений зарубежной печати).

И

а фоне приведенных выше сообщений почти незначительным эпизодом кажется случай, происшедший 22 августа 1911 года в Париже.

В этот день, как и в другие, залы Лувра утром заполнились первыми посетителями. Но несколько часов спу-

стя всех попросили покинуть музей. Произошло невероятное: исчез портрет Моны Лизы Леонардо да Винчи. Расследование никаких результатов не дало.

Прошло более двух лет. Похититель предложил картину флорентийскому торговцу. Попался. Тогда ее исчезновение потрясло мировую общественность. Теперь же подобное происшествие никого не удивляет. Скорее потрясают масштабы.

Красноречивее всяких слов вот эти цифры: за 1968 год во Франции было украдено 899 картин; в 1970 году — уже 1261; в 1972 — 2712, а в 1974 — более четырех тысяч полотен! Ныне действует не одиночка, как в 1911 году, и исчезает не одно полотно, а сотни. Больше того, организованная шайка может вывезти на грузовиках достояние целой галереи. Не проходит недели, чтобы газеты мира не сообщали о новом похищении.

Произведения искусства были предметом преступных посягательств еще много сотен лет назад. В этом смысле не отличались щепетильностью в основном «сильные мира сего» — от Нерона до Наполеона, от богатой знати до Гитлера. Однако лишь с пятидесятых годов нашего века произведения искусства унизили до роли товара, объекта спекуляции.

А ведь еще в тридцатых годах прошлого века Гегель с тревогой писал о том, что в буржуазном обществе искусство «перестало быть высшей потребностью духа». И действительно, произведения художественной культуры все чаще становились предметом купли и продажи. И пожалуй, даже такой художник, как Бальзак, который иронически предсказывал появление биржи идей, поскольку «фабрики интеллектуальных продуктов уже существуют» и они становятся источником получения доходов, — не мог представить себе, что произведения искусства станут объектом преступления.

ВОРЫ И СПЕКУЛЯНТЫ

На буржуазном Западе двадцатый век принес падение художественной ценности произведений искусства, зато существенно повысил их материальную стоимость. Цены растут на все товары, но если на промышленные за последние двадцать лет они увеличились в пять раз, то на такой «товар», как произведения искусства, — в тридцать — сорок раз. Трудно себе представить, чтобы западные дельцы устояли перед соблазном столь легкого обогащения, тем более что неустойчивость экономики, постоянная угроза инфляции заставляют их искать способы вложения капитала в «товар» непрехо-

дящей ценности. Неважно, если речь идет о художественной культуре, созданной народом. Главное — прибыль.

Обстановка на рынке художественных ценностей стала быстро меняться. С одной стороны, появились желающие приобрести, с другой, естественно, те, кто готов их предложить. К первым еще до недавнего времени относились в основном американские «короли бизнеса», затем у них появились конкуренты — нефтяные магнаты Ближнего Востока, а несколько позднее — миллионеры Японии, ФРГ и Австралии. Там уже не только частные лица желают приобрести произведения искусства. Администрация музеев, не интересуясь происхождением и ценой, приобретает краденые шедевры. Таким образом оказалась, например, в Штутгартском музее «Мадонна с младенцем» кисти Лоренцо Монако, похищенная в свое время из другого музея.

В США только в 1971 году было истрачено около 50 миллионов долларов на покупку произведений искусства, украденных в других государствах.

Есть спрос — будет и предложение. Но легальный рынок предлагает ценные произведения все реже и реже. Через аукционы проходит менее пяти процентов художественных вещей, предназначенных для продажи. Вот и тянутся руки преступников к богатейшим собраниям музеев, картинных галерей, не говоря уже о частных коллекциях. В этом смысле страны Западной Европы — неиссякаемый источник. Музеи Италии, Франции, Австрии оказались под угрозой. Хорошо организованные международные гангстерские синдикаты охотятся за «благородным товаром». Потом он переходит к скупщикам, от них — к торговцам, а уже от тех — к клиенту, по заказу которого, как правило, и совершалось преступление. Теперь «заказчик» (если это не миллионер, желающий оставить у себя произведение искусства) спокойно выжидает, пока утихнет скандал, и переправляет товар на рынок другой страны. Просто и по-деловому.

Только во Франции сейчас уже ограблено 53 музея, 69 картинных галерей, 127 старинных замков, 245 храмов и 130 тысяч частных коллекций. Но если украденное все же удастся иногда разыскать и вернуть, то, скажем, отпиленная голова античной мраморной скульптуры, отрезанный кусок гобелена, картины или вырванная с помощью взрывчатки часть фасада храма просто гибнут. Вандализм приводит к неизмеримому, невозполнимому ущербу.

А то, что происходит в Италии, по словам профессора истории искусств К. Бранди, «невозможно сравнить ни с чем в мире». За 1957—1965 годы здесь украдено около 5 тысяч произведений искус-

ства, и такое же количество ценностей исчезло только за один 1970 год. Первые восемь месяцев 1972 года дали 3224 кражи. В это же время были похищены картина Рембрандта «Бегство из Египта», полотна Тициана. В 1975 году в стране оказались ограбленными около десяти тысяч соборов, галерей, музеев, частных коллекций. Один из руководителей итальянской полиции оценивает сумму этих краж миллиардом лир в день! Цифры поистине устрашающие.

В апреле 1975 года два вооруженных преступника среди бела дня похитили из музея изящных искусств в Бостоне (США) картину Рембрандта — портрет сестры художника. Правда, через несколько месяцев пропажа вернулась на свое место. Однако любопытно, что в сообщении для прессы администрация музея ограничилась заявлением, что «картина была тайно передана федеральным властям». Уплачен ли выкуп, или это результат стараний детективов — не известно. Известно лишь, что это хищение — одно из крупнейших и дорогостоящих за последнее время.

Спросом пользуются не только произведения искусства старых мастеров живописи. В Париже украдены коллекции импрессионистов. За последние годы уже трижды были ограблены выставки произведений Пикассо. Нанесенный ущерб невозможно оценить в денежном выражении.

Размах «художественной лихорадки» объясняется отнюдь не жаждой «тешить очи свои» подлинным произведением искусства, но, главным образом, желанием выгодно разместить капитал. Вместе с тем буржуазные теоретики культуры предсказывают «конец искусства». Отрицая накопленные человечеством духовные ценности, сторонники теории «конца искусства» полагают, что его место призвана занять техническая абстракция.

Но характерно, что апологеты технической абстракции не дают объяснения, почему, например, произведения авангардистского буржуазного искусства не вызывают вожделения денежных королей. Не было и не предвидится покушения на такое, например, «произведение», как композиция западногерманского «скульптора-новатора» К. Руйке «Двадцать тысяч литров чистой и спокойной воды». Именно такое количество литров жидкости автор налил в многочисленные ведра и расставил в некотором беспорядке. «Художнику» приходится все время подливать воду, так как она испаряется. «Скульптурная композиция» неизменно демонстрируется в совершенно безлюдном зале. Вот уж поистине идеальные условия для злоумышленника. Но «шедевр» все еще на месте, и почему-то на него никто не покушается.

Впрочем, даже при наличии и преступления и преступника зло-

умышленник порой никак не наказывается. Недавно в Лондоне была выставлена «лежащая скульптура» американского модерниста Кларка Андре — штабель из ста двадцати огнеупорных кирпичей. Один из посетителей под аплодисменты присутствующих облил «шедевр» синими чернилами. Но дирекция музея не стала возбуждать судебного дела против «профанатора» «за порчу художественной ценности», ибо... чего нет, того нет. Как нет и желающих приобрести такие «ценности» в личное пользование.

Но бывает, что привлекать к ответственности приходится не за покушение на произведение искусства, а за создание его... Некий Ким Джонс, претендующий на звание художника, на выставке, устроенной в художественной галерее Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, облил керосином трех запертых в клетке крыс и заживо сжег их. Такой «творческий акт», который следует назвать по сути актом садизма, вызвал бурное возмущение присутствующих. Они потребовали привлечь «художника» и директора галереи Фрэнка Брауна к судебной ответственности. И были правы, ибо тюремная решетка, пожалуй, лучший способ отгородить подобных «художников» от искусства.

Или вот другой случай, происшедший в ФРГ.

Коллекционер произведений модернистских художников житель Мюнхена Лотар Ширмер одолжил организаторам передвижной выставки из своего собрания произведение «художника» Йозефа Бойса. Оно являло собой оклеенную липкой лентой ванночку, в которой маэстро купался, будучи младенцем. В одном из городов ФРГ, куда прибыла выставка, сия работа, вместо того чтобы стать частью экспозиции, была выброшена и попала в подвал дома. Здесь, как оказалось, собирались члены местной политической организации, которые, обнаружив ванночку, очистили ее от ленты, заполнили льдом и стали использовать для охлаждения бутылок с пивом. Узнав об этом, владелец теперь уже бывшего «произведения искусства» возбудил судебный иск.

РАЗДЕЛЕНИЕ «ТРУДА»

Борьба с такого рода кражами относится к самым трудным задачам полиции. Несмотря на все усилия, удается разыскать всего лишь около пяти процентов похищенных художественных ценностей.

Поскольку при всяком похищении произведений искусства речь всегда идет о крайне больших ставках, то и проведение таких операций поставлено на «должную высоту» и с «должным размахом».

Скажем, в Италии мафия разделила страну на области, в каждой из которых действует свое подразделение. Ими руководит и разрабатывает планы хищений «оператор». Во Франции несколько гангстерских групп занимается лишь исключительно переправкой краденого за границу. Глава одной из них бельгиец ван ден Берге, кроме общего руководства, специализировался в более узкой области — хищениях в церквях. Путешествуя по Франции, он заезжал, главным образом, в маленькие церкви, фотографировал ценнейшие вещи, а снимки рассылал «клиентам» в США, Аргентину, Бразилию, Японию. Лишь получив «заказ», ван ден Берге «брал» то, что наметил, и выезжал за пределы страны. Уже после его ареста оказалось, что он похитил произведений искусства на пятьдесят миллионов франков.

Бывает, что искушению поддается и монашеская братия. Так, настоятель монастыря в Туле (Лотарингия) продал за бесценок чуть ли не полный грузовик древних деревянных скульптур.

Во время археологических раскопок в Этрурии (северо-западная Италия) за работой археологов наблюдали в бинокль, а ночью шайка хорошо оснащенных преступников похитила ценнейшие произведения древней культуры. Еще не очищенные от вековой пыли, они уже пополнили собрания богатых коллекционеров. И хотя такие вещи неоднократно обнаруживались в домах «собирателей», привлечь кого-либо к ответственности было невозможно, поскольку только что найденные экспонаты еще не были описаны и внесены в каталоги.

Опасность подстерегает не только произведения европейской культуры. В странах Латинской Америки исчезают даже огромные, весящие несколько тонн каменные скульптуры, высеченные еще древними майя и ацтеками.

Четкая специализация заметна и на «черном рынке». Так, Брюссель стал европейским центром сбыта похищенного в храмах. Мюнхен предлагает произведения Древнего Рима и Египта. В Женеве и Лондоне можно приобрести в основном картины. Правда, в последнее время инициативу перехватила Япония. Теперь и оттуда расходятся по всему миру краденые полотна.

При транспортировке за рубеж преступники рассчитывают не только на собственные силы. У них есть сообщники даже среди дипломатов, которые вывозят похищенные ценности на машинах с дипломатическими номерами и депонируют их в сейфах швейцарских банков. Примечательно, что банкиры рассматривают их порой как «гарантию займа». Недавно один из банков продал картину Караваджо, незаконно вывезенную из Италии. Несмотря на скандал, она

не вернулась в музей, поскольку, дескать, истек срок исковой давности.

Похищение, хранение, переправка через границу, продажа произведений искусства сопряжены с большим риском. К тому же в мире существует только одна, скажем, «Немая» Рафаэля, а желающих ее приобрести много. И тогда на смену гангстерам с пистолетом в руке приходят гангстеры с кистью — мошенники. Они не хотят подвергаться риску, связанному с хищением произведения искусства, и занимаются более «спокойным» бизнесом — подделкой. Только в Соединенных Штатах находится более пяти тысяч картин Коро. Но, по мнению специалистов, выдающийся французский художник оставил после себя всего лишь около трех тысяч полотен. Сомневаться в происхождении остальных двух тысяч не приходится.

Выполненные искусной рукой подделки приносят не меньше дохода, нежели сбыт краденого подлинника. Миллион долларов в год выручала группа миланских мошенников за продаваемые в Америку подделки. Причем работали преступники под руководством искусствоведа — профессора Чезаре Беллини, который в то же время был председателем жюри по определению... подлинности полотен известных художников и официально, с «чистой совестью» подтверждал, что на экспертизу поступил чистейшей воды оригинал.

Правда, пока еще мастера подделок не превзошли крупнейшего фальсификатора XX века (ныне покойного) голландца Ганса ван Меегерена, который во время второй мировой войны продал на 2200 тысяч марок картин гитлеровцам. Обнаружилось это случайно. После войны ван Меегерен предстал перед военным судом за сотрудничество с фашистами и способствование утечке ценностей национальной культуры, в частности за продажу Герингу картины выдающегося голландского художника Вермеера. И тут Меегерен сознался, что не только эта картина Вермеера, но и все остальные были им собственноручно подделаны. Чтобы доказать это, он в присутствии судей и под надзором полицейских подделал другую картину Вермеера «Иисус в храме». За мошенничество его приговорили... к году тюремного заключения. Но не всякое мошенничество имеет своим эпилогом тюремное заключение.

СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ!

История человечества знает разные виды торговли, вплоть до торговли живым товаром, но никогда еще в таких масштабах не торговали ценностями культуры. Спрос на этот «товар» столь велик, и

пропорционально ему столь резко растет количество хищений, что это встревожило мировую общественность, заставило полицию многих стран принимать спешные меры. В Австрии, например, еще с 1957 года существует специальная полицейская группа по борьбе с кражами произведений искусства. Особый отряд карабинеров занят тем же в Италии. Парламентарии обсуждают там с министром обороны вопрос о возможности использования вооруженных сил для охраны музеев и картинных галерей. С 1968 года в Скотланд Ярде есть отдел, единственная задача которого — розыск похитителей. А поскольку преступники из других государств часто используют Англию как рынок сбыта краденых произведений, то отдел тесно сотрудничает с Интерполом. В США ФБР располагает штатом специальных сотрудников, в обязанности которых входит обнаружение похищенного. Нью-йоркская полиция создала подразделение, занимающееся исключительно расследованием такого рода краж.

Впрочем, сил полиции явно недостаточно для сдерживания натиска преступников. Управление полиции Кельна (ФРГ) после ограбления сокровищницы всемирно известного собора заявило, что ему было известно о подготовке преступления, но воспрепятствовать этому полиция не смогла из-за... нехватки персонала.

Этим вопросам посвящаются международные конференции. Одна из них состоялась несколько лет назад во Флоренции. Ее тема — «Охрана и возвращение произведений искусства». Принято решение организовать под эгидой ЮНЕСКО специальный научный институт, исследующий вопросы, связанные с хищением художественных ценностей и нелегальной торговлей ими.

Принимаются и энергичные законодательные меры. Так, в Индии, где только за последние годы убытки от краж произведений составили 133 миллиона долларов, недавно вступил в силу закон об охране сокровищ древнего искусства. В соответствии с ним подлежат регистрации находящиеся в частном владении предметы старины и произведения искусства, скульптура и живопись, монеты, медали, оружие и драгоценности, созданные более ста лет назад. Продажа их без специального разрешения запрещена. Аналогичные законы приняты в Афганистане и некоторых других странах.

Инициативу проявляют и дирекции музеев. Например, в 1972 году в Ватиканском музее введена новая сигнальная система с использованием магнитного поля. Как только инородное тело окажется около охраняемого объекта — включается звуковой сигнал.

Экспертные комиссии музеев оснащаются ультрасовременной аппаратурой для обнаружения подделок. Для Британской национальной галереи, к примеру, в одной из лабораторий Оксфорда

разработана специальная установка, с помощью которой выявляют наличие в сомнительной картине берлинской лазури. Дело в том, что такого красителя в эпоху старых мастеров не существовало, и, следовательно, обнаружить подделку легко.

«Сейсмически чуткие» фирмы тоже наладили выпуск новой электронной аппаратуры для охраны произведений. Она основана на двух видах сигналов: оптическом и акустическом. В музеях, на выставках устанавливаются телекамеры для наблюдения за посетителями. Окна снабжаются прозрачной ударопрочной пластмассой.

Видимо, не слишком доверяя полиции и техническим усовершенствованиям, та же Британская национальная галерея рекомендует не сосредоточивать произведения больших художников в одном месте, а экспонировать их в разных.

Над теми же проблемами одиноко размышляют и современные художники. Один из них, итальянец Джузеппе Маргутти, предложил новый способ борьбы с подделками. По его мнению, каждый автор картины должен оставлять на обратной стороне своего произведения отпечатки собственных пальцев. Правда, Маргутти не говорит, как добыть эти отпечатки у Рафаэля или Тициана.

Еженедельник «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» называет три основные причины, обусловившие столь огромные масштабы хищений. Первая — отсутствие новых произведений, обладающих настоящей художественной ценностью, что увеличивает стоимость старых шедевров. Вторая заключается в том, что эти вещи все чаще рассматриваются как выгодное размещение капитала. И третья причина — плохая организация охраны, что создает благоприятные условия для воров. К тому же в некоторых странах, таких, как Италия, за это преступление предусматривается относительно мягкое наказание.

Однако дело не в этом. Прежде чем лечить болезнь, надо ликвидировать причины, ее вызвавшие. А причины этой «художественной лихорадки» заложены в социально-экономических условиях стран Запада, где искусство превращено в разновидность товара.

САТНЫРЫ

САТНЫРЫ

ЛОВКИЙ ХОД

Сердит директор, возмущен.

Завкадрами разносит он:

Кто этот новенький, что сразу
сумел наделать столько бед
и причинить заводу вред?

В три шеи надо гнать пролазу!

В характеристике его

не утаите ничего,

чтоб на другой работе впредь
не смог пройдоха рук погреть!

Потеря бдительности! Строго
я с вас за то взыщу, ей-ей.

Цех — не проезжая дорога.

Не изучаете людей!..

Завкадрами, черней земли,
оправдывался, негодую.

— Нас обманули! Подвели!

Ведь как его рекомендуют!

В характеристике его

сплошные дифирамбы. Вот:
«Добропорядочный... активный...
способный... инициативный...»
Как мог я знать, что он за тип?
Поверил «липе», ну и влип...
Вскипел директор:
— Ахинея!
Что? Подпись Савича под нею?!
Вот беспринципный балаболка! —
И в трубку телефона колко:
— Семену Савичу привет!
У вас работал Лиходед.
Как же ты дал ему уйти?
Ведь это ангел во плоти!
Характеристика такая,
что хоть сейчас — под кущи рая...
— Кой черт! Мошенник высшей пробы!
— Но ты ж...
— Не напиши, попробуй!
Сейчас, прохвост, подымет бучу,
насочиняет кляуз кучу:
мол, нарушаем мы закон, —
плутяга, а «законник» он!
Начнутся вызовы, звонки,
И кривотолки, и слушки,
что мы-де наломали дров...
А так — бери и будь здоров!

Нахмутив брови, губы сжав,
директор думал: «Савич прав.
Отличный выход! Ловкий ход!
Любой ценою пусть уйдет...»
Завкадрами прервал молчанье:
— Так что жс, в свете замечанья,
мне написать такому типу?
— Тсс! Постороонним ни шу-шу!
Сдублируйте-ка эту «липу»
и принесите. Подпишу.

Перевод с украинского
И. ЗОЛОТАРЕВСКОГО

ПЕРЕКАТИ - ПОЛЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ

Сиюю я как-то в редакции, углубился в письма читателей. Вдруг — резкий телефонный звонок.

— Редакция? — кричит на другом конце провода взволнованный мужской голос.

— Редакция, — отвечаю спокойно.

— А какая именно?

— «Человек и закон».

— Вот, вот, закон-то мне как раз и нужен. Я человек, а надо мной беззаконие творят.

— Успокойтесь, гражданин, в чем дело?

— А в том, что алименты на детей заставляют платить.

— А как же иначе?

— Да ведь этим деточкам уже по девятнадцать, сами могли мне кое-что подкинуть, так нет же — дерут шкуру с отца родного.

— Пойдите, пойдите, давайте разберемся по порядку. Давно вы расстались со своими деточками?

— Да эдак лет десять назад.

— Ну, а платили все эти годы исправно?

— М-м-м, — несколько замаялся и поутих мой не в меру эмоциональный собеседник, но вскоре пришел в себя — и снова в атаку: — Ну, а хотя бы и не платил? Ведь я же за это целый год отсидел!

— Понятно. Выражаясь языком закона, вы были привлечены к уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов по статье 122 Уголовного кодекса РСФСР.

— Вот, вот, по ней самой. А теперь вы мне скажите: по какой это статье я, пожилой человек, должен кормить совершеннолетних лоботрясов?

— Это вы опять о своих детях?

— О них именно.

— Что ж, пожалуйста: по статье 96 Кодекса о браке и семье РСФСР. Только вы уж теперь не кормить их будете, а выплачивать задолженность, за то что в свое время не кормили...

— Так, понятно. Значит, и вы заодно!

— И мы заодно с законом.

— Я буду жаловаться, — и трубку сурово брякнули на рычаг.

Ну и разошелся папаша! Еще бы. Десять лет по всей стране, как добрый марафонец, от исполнительного листа бегал, а выходит: все напрасно — долг детям надо вернуть.

Вот сказал я: «Вернуть долг» — и призадумался. Выплатит сей гражданин причитающуюся задолженность, да ведь этим он весь свой родительский «долг» не погасит. Кто вернет его мальчишкам отцовскую ласку, заботу, доброе напутственное слово, которых им так не хватало как раз в те самые десять лет... А чем дальше — и ему самому не позавидуешь. Прислал тут как-то в редакцию один из таких бывших бегунов-марафонцев свою исповедь. Пожалуй, стоит ее здесь процитировать.

«...Годы под гору, — пишет самобичующийся папаша, — и чем дальше, тем больше тянет к уюту, домашнему теплу. Только где его теперь искать? По всему свету шастал, нигде подолгу не засиживался, чтоб судебный исполнитель не засек. Вместо трудовой биографии — одна география. Был токарь шестого разряда, а за десять лет к станку не подходил. Где вахтером, где продавцом, где проводником, где просто так: чего принести, поднести... Вот так, без квалификации, без друзей-товарищей (не успел ими обзавестись в бегах), без домашнего очага, без семьи... Кто ж я есть? Перекати-поле, да по своей воле».

Что же, может, попадетя этот номер журнала и тому гражданину, что жаловаться собирался; пусть почитает да вместо того, чтоб попусту кипятиться, поразмыслит...

Не мешало бы приостановить свой бег да, переведя дух, поразмыслить над своей судьбой и другим скорым на ногу «папашам».

Вот, к примеру, сообщение прокуратуры Перовского района Москвы по поводу жалобы гражданки Е. Д. Спринчан о злостной неуплате алиментов ребенку Р. И. Зверьковым. Сей гражданин, чтобы увильнуть от своего родительского долга — кормить, обувать, одевать несовершеннолетнее чадо, длительное время вообще нигде не работал. Интересно только, как сам все это время кормился? Впрочем, этим же заинтересовалась прокуратура, которая изучает дело означенного Зверькова с целью привлечения его к уголовной ответственности по упомянутой выше статье 122 Уголовного кодекса РСФСР.

Давно бросив в городе Гаврилов-Ям Ярославской области жену и детей, бродит по свету, нигде подолгу не засиживаясь, В. П. Бронников. В неизвестном направлении скрылся от своих отпрысков, оставшихся в Нахичеванской АССР, Р. Ибрагимов, сбежал из семьи и ловко замечает следы И. И. Воложанин из Камчатской области.

Объявлен всесоюзный розыск этих отцов-беглецов. И если вы, уважаемые читатели, встретите кого-либо из названных здесь граждан или им подобных, непременно остановите их бег. Этим вы окажете услугу не только детям и правосудию, но и самим беглецам. Отбив заслуженное наказание, они смогут вновь вести оседлый образ жизни, трудиться, иметь друзей и избавиться от вечного страха «быть раскременным».

Будьте уверены, эти самые «марафонцы» от алиментов еще сами скажут «спасибо». Ведь куда спокойнее жить открыто и честно, нежели постоянно врать, изворачиваться, менять личину.

Юморисконсульту отвечают

„ПЕЧАЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ“

В заметке под таким названием, опубликованной в десятом номере за прошлый год, шла речь о том, что ни Краснодарский краевой, ни Горячеключевский городские отделы народного образования в течение года не удосужились ответить редакции на ее критическое выступление — очерк В. Пронина «Конфуз» — о недостатках в организации учебного процесса в Мартанской восьмилетней школе.

Как нам сообщил заместитель заведующего районо Л. А. Солодухин, заметка «Печальный юбилей» обсуждалась на заседании отдела, высказанная в ней критика признана правильной. Заведующему Горячеключевским гороно В. А. Агаркову объявлен выговор.

В настоящее время в Мартанской восьмилетней школе созданы условия, обеспечивающие нормальный учебный процесс. Городскому отделу народного образования дано указание постоянно помогать педагогам школы в обучении и воспитании учащихся.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ВЕС И ПОЛОЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

Излишний вес человеку всегда вредит, и Рикардо Нерви, налоговому инспектору из Милана, он порядком подпортил здоровье. После того как в ведение Нерви попали все рестораны города, он за короткое время прибавил в весе на тридцать килограммов, что не могло ускользнуть от зорких глаз его начальства. Проверка показала, что налоговые карточки тридцати двух известнейших ресторанов Милана исчезли из сейфов налогового управления. Теперь этому чиновнику с хорошим аппетитом придется длительное время довольствоваться менее изысканной пищей.

ФАЛЬШЬ

Эрнст Митчелл из Абердина (штат Южная Дакота, США) предстал перед судом за то, что за искусственную челюсть расплатился им же изготовленными фальшивыми банкнотами. «Не понимаю, за что меня судят, — заявил он на суде. — Ведь челюсть, которую я получил за эти деньги, тоже фальшивая».

«ЗАЙЦЫ» ОБЪЕДИНИЛИСЬ

В ответ на строгие меры, предпринятые в Шри Ланка в отношении «зайцев» в поездах и автобусах, потерпевшие создали «Объединение безбилетных пассажиров». Предполагается, что членские взносы, поступающие в этот союз, будут использоваться для уплаты штрафов за проезд без оплаты.

СОБАЧЬЯ КВАРТИРА

В Эрлангене (ФРГ) одна женщина содержит в квартире 55 собак. В ответ на жалобы соседей отцы города заявили, что эта дама может держать в квартире не более трех животных. Но ни угрозы, ни просьбы не могли заставить строптивицу расстаться хотя бы с одним четвероногим другом. И теперь власти не знают, как решить щекотливый вопрос: ведь любительница собачек исправно платит за них налог, а это главное.

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

Рис. В. ТАМАЕВА.

Дилемма.

— Дорогая, где же ты была? Я хотел первым поздравить тебя с праздником...

— Опять жалуются?..
— Ну, что ты, сегодня все мужчины пишут нам поздравления...

Цена 40 коп.

Индекс 71075

